

Самсон Гелхвидзе

Лунная соната Будапешта
(роман)

Тбилиси

2014

Самсон Гелхвидзе

Лунная соната Будапешта

(роман)

Тбилиси

2014

УДК 882-31
Г -31

© Гелхвидзе Самсон Прокофьевич, 2014

ISBN 978-9941-0-6695-5

ПОСВЯЩАЕТСЯ
Выпускникам 1980г. группы N127 строительного ф-та,
Грузинского Политехнического Института (ГПИ)
им. В.И. Ленина

**«Поговорим о странностях любви,
Другого разговора я не знаю».**
А.С. Пушкин

ЛУННАЯ СОНАТА БУДАПЕШТА

I

Мягкий свет ночника освещал страницы читаемой книги, понемногу терял силу и незаметно рассеивался в недалеком пространстве.

Отвлечшись на мгновение, читающий заметил трудящееся живое существо, прилежно вьющее паутину между нижней кромкой телевизионного шкафчика и давно не помнящим мастики паркетным полом.

- Надо же, какое умное и в то же время глупое существо паук, - с удивлением следили за происходящим глаза. Какое уникальное творение паутина, и какой странный труд, ненужный и давно неуместный.

- Неужели ты думаешь, что это твоё творение будут здесь терпеть, а? – вполголоса прозвучал вопрос к пауку.

- Не твоё дело, - словно послышалось в ответ.

- Как это не моё? Разве это не мой дом?

- Этот твой, а тот, что строю я, мой.

- Можно было хоть разрешения попросить!

- А зачем? Разве чистота в твоей комнате не само по себе разрешение? Вон, Дормидонту, который сплел паутину в

туалете, небось сам таскаешь подбитых то мух, то бабочек и полуживых кидаешь ему на паутину, а мне, значит, помирать с голоду?

- Ну, пойд и там построй себе дом.

- Здесь ближе!

- Да, но домашние тут же сметут твоё строение!

- До того, как сметут, я успею поохотиться. И не мешай мне, пожалуйста! Читаешь, так читай, делай своё дело, а мне дай делать своё. Можно подумать, что вы, люди, умнее нас. Возводите далеко не то что должны. Земное, а не небесное.

Читающий обомлел, а паук продолжил своё домостроение. Глаза с изумлением наблюдали за процессом строительства.

Паук ловко передвигался от одного конца строения к другому, приседал, отмерял расстояния и с их учетом скреплял концы нитей.

Нарастающему изумлению помешал звонок телефона.

- Алло! Привет, Серж! – раздался в трубке голос.

- Привет, - последовал отзыв.

- Что делаешь?

- Да ничего особенного, отослал недавно диссертацию в Москву, в ВАК, и теперь вот сижу и дожидаясь ответа.

- И сколько ждать?

- Месяц, наверное.

-Ого! Как раз!

- Что как раз?

- Да так, тут у меня небольшая идейка появилась.

- И какая же?

- Может, махнем куда-нибудь дней на десять!

- Куда?

- Ну, например в Венгрию.

- А почему именно туда?

- Ну, можно и не туда, но это самая дешёвая и красивая поездка за рубеж.

- И почему?

- Всего лишь шестьсот тринадцать рублей.

- Для меня и этого много, да и со временем туго...

- Понимаю, но постарайся, пошевели мозгами. Когда ещё такой случай представится? Хочу ещё и ребят уговорить, Борьку с Шалвой!

- Не знаю, Денис, право не знаю... - замешкался Сергей.
- Ну, гляди, позвони потом, если надумаешь. Ну, давай.
- Давай, пока! – послышался отрывистый зуммер.
- Паук продолжал свою трудовую деятельность.
- А ну, чеши отсюда! – произнес разгоряченный Сергей, резко двинул ногой в сторону паутины.

II

Прогретый электроприбором воздух неторопливо распространялся по всей комнате. Конечно же, усилий одной секции электрического нагревателя было недостаточно, но сломить резкую холодину ему все-таки удавалось, тем более, что время от времени включалась и вторая, хоть и не надолго.

За окном, даже ночью, царила плюсовая температура, но помещение, все равно, упорно и неуклонно стыло.

- Ну, ладно! Скажем, страну – великую державу развалили, но зачем же, с центральным отоплением расправляться?

Административно – командная бюрократия – гигантская сила, приводимая в действие пигмеями. Пожалуй, она явится последним удержавшимся бастионом, даже если все вокруг разрушится.

- Весь мир насилья мы разрушим до основания, а затем мы наш, мы новый мир построим, кто был никем, тот станет всем!

- Отец, вы же это делали уже один раз, теперь собираетесь во второй?

- Столько раз, сколько потребуется!

- Почему человечество так неугомонно? Почему, неустанно и с катастрофической скоростью перебирает формы и образ жизни, и мышления?

- Все течет сынок, все изменяется.

- Да, но почему с каждым разом со все большей и большей массой и скоростью, когда не тебе приходится распоряжаться собой, а другим.

- Ну, с первой твоей мыслью можно согласиться, сынок, а вот со второй я бы поспорил.

- Ведь цивилизованность это отвращение к насилию, убийству, террору, к войне, наконец!

- Да, но так было испокон веков! Насилие рождало насилие, хоть войны и заканчивались перемирием.

- Но какой ценой?

Оладьи со сметаной явно пришлись кстати не одной чашке выпитого чая.

- Нет, все-таки самовар и чай великое дело, особенно зимой, - убеждал отец сына.

- Боря, к телефону, - слышался звонкий голос сестры, - тебя спрашивают!

- Кто? – поинтересовался Борис, подбегая к телефону.

- Денис!

- Привет, Борис, как жизнь молодая?

- Да куда уж там молодая, - усомнился Борис, - молодая до тридцати, а потом уже взрослая начинается.

- Даже в тридцать?

- Даже в тридцать!

- А ты, Борис не прав, - процитировал Денис знаменитые слова одного из членов политбюро, - человек, пока не женится, молод, и хоть нам уже по тридцать, а то и чуть-чуть с лишним, то...

- Ну да, впрямь уж!

- Кстати, почему же ты в таком случае не женился? – поинтересовался Денис.

- Ради Бога, отстань, и без тебя тошно!

В трубке слышался веселый смех Дениса.

- Возьми и сам женись первым!

- Хочу успеть погулять немного!

- Да, любопытно! И как ты собираешься это сделать, во время столь глобальных перемен и начала разрухи?

- Ну, не обязательно здесь у нас, а скажем в Венгрии!

- Что? Свихнулся?! Что ты там потерял?

- Говорят, там очень красиво, тепло. Там чудеса, там леший бродит...

- Ты что, серьезно? – заинтересовался Борис, - А Чернобыль, радиация? Там ведь это совсем близко?

- На полном серьезе! – подтвердил Денис,- радиация настигнет нас и здесь, и потом, мы же мигом, проскочим ненадолго и обратно.

- И когда же?

- Недельки через две максимум.

- Не успею, у меня на объекте «ЧП». Фермы подвезли на площадку, а во время монтажа обнаружилось, что длина пролета между колоннами чуть больше заданной, так что нормативной опорной длины опирания ферм недостаточно.

- Ну и что?

- Как ну и что? Нужно переконструировать и сдать просроченный объект.

- Ну, и сдавай, и на все, про все тебе две недели.

- А деньги откуда?

- Ну, я думаю, после сдачи объекта дадут что-нибудь?

- Ты думаешь?

- Ну, конечно! А до того проси аванс!

- Сколько?

- Хотя бы шестьсот рублей, а тринадцать я добавлю сам.

- С чего бы?

- Ну, с этим разберемся, как-нибудь, а пока думай о моем предложении. Да, я тут Сергею позвонил и уже сообщил ему, но до Шалвы что-то никак не доберусь. Да и устал уговаривать вас, предложи-ка ему сам!

- Ладно, Денис, в общем, ты как был старостой группы, так и продолжаешь им оставаться и по сегодня.

- Да, но тогда вы меня слушались больше, чем сейчас. А теперь у меня получается, как в « Двенадцати стульях», взяты за что-то, как тут же убеждаешься, что это что-то!!!

- Попробую обзвонить еще нескольких наших, хоть и не очень уверен в успехе желаний и соответствии их с возможностями. Ведь суть управления в том, чтобы собрать нужных друг другу людей в нужном месте и в нужное время. Собрать хотя бы пять- семь человек, небольшой наш куток, и гульнуть как следует. Кто его знает, может, и в последний раз в нашей жизни.

- Ну, Денис, что так пессимистично?

- Скорее реалистично, - подправил Денис, - чем дальше в лес, тем больше дров и тем меньше нас. И потом, знаешь ведь, не все мечты сбываются!

- Ну, ладно, Денис, утомил ты меня, подумаю над этим, хотя ничего наперед не обещаю. Нет ни времени, ни денег, да и охоты.

- Зато потом будем охотно вспоминать всю жизнь. Ну, ладно, смотри, на нет, и суда нет, а вот на да пора в айда! – заключил Денис.

- Человеку всю жизнь нужно прыгать в высоту, - подумал Борис, опуская трубку. - Космический век – космические скорости и нагрузки. Сколько сюрпризов выпадает на долю человека каждый день. Что ни день – то маленькая жизнь.

III

Небольшой ПАЗ-ик темного желтого цвета переваливался с колеса на колесо и изрядно сотрясал пассажиров. Вверх по бездорожью двигались уже больше часа.

- Сколько раз дядя просил меня приехать к нему в деревню, а все никак не удавалось. И вот удалось наконец, собрался не его похороны. Даже когда две свадьбы он отыграл почти подряд, сперва сына, а потом дочери, и то не получилось. И вот... Сколько народу, сколько хлопот, а ему уже ничего не нужно, никаких забот, кроме, как говорится, молитв на помин души, да и то, похоже, мало кому удастся. И в который раз уже вспоминаются слова Альбера Камю: никому ни до кого нет никакого дела. И впрямь, хоть на словах мы утверждаем обратное.

Нет, пожалуй, и он, по всей видимости, не прав, потому что наша церковь всегда поминает и молится за всех от рождения до последнего вздоха. Да и потом понимает. Но сколько в жизни не нужного, никчемного. Пустые встречи, сборища, досужие разговоры, похоть. Больше, чем полгода, прошло, а как запомнилась эта поездка в деревню. Когда дело доходит до крайней опасности для жизни и здоровья, человек начинает изо всех сил трепыхаться и пытается ухватиться даже за последнюю соломинку, чтоб если не спасти и сохранить жизнь, то хоть продолжить. Говорят, что в ожидании смерти Жозефина стала мудра, как пятисотлетняя черепаха.

-Сволочи, меня всего распотрошили, вытащили все камешки до единого из протоков, а вы? Где вы были, а? Ведь я же мог умереть, и кого бы вы тогда пытались захватить с собой в Венгрию?

- Шалва, ну кто же об это знал, ты бы хоть сообщил! Не начинать же мне было рекламно – пропагандистскую агитацию. Но ведь я мог умереть на операционном столе? И где же вы тогда были? Вы же бросили меня посреди боя! А почему, собственно, вы не пришли проведать меня в больницу?

- Потому что мы сволочи, - согласился Борис.

Борис сам еще не был уверен в своих возможностях, но однокурсника и друга уговаривал рьяно.

- Но ведь дорога куда опаснее, чем любая операция, - отговаривался Шалва, - и потом врачи требуют строго соблюдать режим и послеоперационный распорядок.

- Ну, в конце концов, меня об этом просил Денис, и я выполнил его просьбу. А там дело твое, поступай, как знаешь, но только знай, что единственная возможность навестить и повидать тебя после операции это поехать всем вместе в Венгрию!

- А кто еще едет?

- Не знаю пока. Скажем всем, а там, как получится. Да, я тебя еще хотел спросить: ты макароны любишь?

- Нет, - отбрехался Шалва, - а что, они в ходу в Венгрии?

- Да ну! Но я их очень люблю и купил две пачки высший сорт, сварил вчера малость и поджарил с лучком на масле «Блендо». Слышал о таком?

- Нет, а что?

- Изжога мучает уже второй день. Не подскажешь, что делать?

- Нет, не подскажу. У меня чай стынет, и надо наковырять изюма из булочек, а ты пристаешь со своими вопросами. Ну, попробуй сделать очистительное промывание.

- Думаешь, поможет?

- Ну, конечно!

- Да нет! Изжога – это процесс в верхних каналах желудочного тракта, а не в кишечнике.

- А, по-твоему, они не взаимосвязаны?

- Ты думаешь?

- Ну, конечно!

- Промывать теплой водой с марганцовкой? Мама тоже советует, - проговорил Борис, - а я все тяну, думаю, пройдет само собой! А нет!

- Да, и позвони потом, сообщи, как прошла процедура!
- Ага! Ну, ладно, бывай, привет Ирине.
- Ну, давай, бывай.
- Бывай, через два года позвоню.

Направляясь к себе, Борис вспомнил слова Сент-Экзюпери о том, что, объединяясь с другими людьми в эскадрилье, на заводе или в спортивной команде, человек бесконечно перерастает самого себя. Забывая о себе, он себя приобретает. Сохраняет солидарность с товарищами в общем деле, даже в опасности, даже в поражении.

Красиво жить не запретишь, - подумал Шалва, - и, как говорил Эйб Линкольн, - « большинство людей счастливы настолько, насколько они хотят быть счастливыми», да и Козьма Крутков советует: « Если хочешь быть счастливым, будь им», но что такое счастье, и где оно? Не в поисках ли его в старину греки снаряжали дальние морские плавания? Где его искать? В любви к друзьям, труду, женщине... Но их столько. Все в этом ускользает и уплывает, растворяется и исчезает, все неустойчиво и мнимо, все непостоянно и, как утверждает философия: постоянно в жизни лишь одно – непостоянство! Во всяком случае, думаю, эта поездка, если она состоится для меня, вольет в мою жизнь новые свежие потоки информации и познания, которые, несомненно, могут оказаться полезными в будущем. Хотя посмотрим еще, какая соберется команда.

IV

Утратившие изящество от многолетней каждодневной домашней работы руки аккуратно формировали приготовленный загодя мясной фарш и заворачивали его в виноградные листья. Складывать сверточки в эмалированную кастрюлю помогала уже пятнадцатилетняя внучка.

- Ха, играй, если играешь! Что ты столько думаешь? – выговаривал шестидесятипятилетний отец своему сыну.

- Подожди, дай немного подумать, - просил сын, делая в уме не сложные расчеты костяшек.

Вечернюю семейную идиллию прервал неожиданный звонок в дверь.

- Мальчики, откроете, или нам пойти? – послышался голос хозяйки.

- Да, да, откроем, - отозвался один из играющих, - иди, Денис, открой, все равно хода сделать не можешь!

Вошел нагруженный сумками и рабочей папкой зять, высокий, плотного телосложения, симпатичный мужчина. Освободившись с помощью Дениса от груза, проворно скинул плащ.

- Ну, как вы тут без меня?

- Ты один? – поинтересовалась у него теща.

- Да, а что?

- А жену свою куда дел?

- Как? Разве она не здесь?

- Нет, - удивленно протянула теща, - вроде ты ее должен был привезти.

- Я говорил с ней, и она сказала, что приедет сама.

- Ну, вот видишь, не смогла, должно быть.

Зять едва слышно пробубнил в ответ что-то непонятное. А после неприятного разговора с женой по телефону, совсем разворчался.

- Приехал уставший, а теперь езжай за ней. Знал бы, заехал с работы.

- А ты не езжай, - рассмеялся тесть, - мы обменяем тебя на свою дочь, пусть она будет у них, а ты у нас. Идет?

- Э-Э, ладно вам, отец, какое время шутить!

- Ха, давай ходи, если ходишь, или кончаем играть и тебе зачтется поражение, - прикрикнул отец своим басом на Дениса.

Зять собрался уходить, но теща задержала его, попросила прихватить по дороге хлеба и немного картошки.

- Я свою бабушку Розу, блин... - начал громко, но – культурно браниться зять, - любил, и буду любить, и вовек ее не забуду! Но! – добавил он, после некоторой паузы.

- Вот молодец, вот внук, понимаю! – похвалил его тесть. – Сколько времени прошло, как ее нет, а все еще любит!

- Она все время говорила: внучек, помни, что, когда женишься на девушке, фактически женишься на всей ее семье.

- Сынок, зато мы одна семья уже все, и погляди, какая у нас красавица растет, - бросил тесть взгляд на внучку.

- Папа, если хочешь, я поеду с тобой, - предложила та.

Входная дверь хлопнула, по экрану телевизора автоматически побежали кадры, отец подозрительно взглянул на пульт управления неподалеку от сына, удерживавшего в руке несколько черных костяшек:

- Мать, скажи ему, пусть не переключает то и дело каналы и даст по-человечески посмотреть одну программу.

- Денис, зачем ты нервидуешь своего отца? – спокойно переспросила мать, подходя к столу с разложенными и разбросанными костями. – Ты ведь знаешь, у него повышенное давление!

- Мама, погляди сама, это просто такая передача, и я тут ни при чем. - поспешил оправдаться Денис.

- Ну, ладно, хватит дурачиться, кончайте, будем накрывать ужин, наши вот-вот появятся.

Пока по не многу накрывали, Денис сделал несколько нужных ему деловых звонков по телефону, за что тоже получил раздраженное замечание отца и вынужден был объяснить ему, что поездка в Венгрию на носу и ему нужно успеть завершить оставшиеся дела или переадресовать их другим.

За ужином собралась вся семья и после вкусных домашних блюд и легкого ароматного белого вина раздраженный настрой сменился у всех на теплый и любовный.

V

В последний день оформления документов перед кассой полу частной, полу государственной фирмы по росту выстроилась небольшая очередь из четырех старых друзей – однокурсников.

Первым стоял Денис, идеальный организатор поездки, высокий худощавый молодой человек, с черными усами. За ним Борис, тоже высокий, но рыжеватый, от чего друзья часто называли его «конопатым». За Борисом прятался меньший ростом Сергей, по кличке «Серж», и замыкал ряд самый ворчливый, по прозвищу за чилийским диктатором «Пиночет».

Заплатив живые шестьсот тринадцать рублей, и получив квитанцию с соответствующими билетами и документами, Денис со счастливой улыбкой отошел от кассы.

- Ну, теперь ваша очередь, - окинул он взглядом оставшуюся стоять тройку.

- Нет, может, все-таки не поедем, ребята, а? – пустил утку с конца очереди Пиночет.

- Ну, если вы не поедете, тогда и я, не поеду ребята, - не отстал от них Сергей.

- Да вы что, в своем уме, надо было думать раньше, а сейчас все, ничего не знаю, - побледнел и встревожился Денис, - я что, один поеду?

- Ну, ты хотел, ты и езжай! – рассмеялся Борис.

- Человек никогда не знает, что его ждет, - поддержал его Шалва, - тем более в такой дальней дороге.

- Да и я как раз расплачусь с процентным долгом, не то как-то неудобно ехать в долг, - гнул свое Сергей.

Ребята порядком мучили Дениса своими сомнениями опасениями, прежде чем последовать его примеру, но вскоре уже обмывали будущую поездку в расположенной близ хинкальной.

На столе стояли кружки с пивом, тарелка с несколькими растрескавшимися сосисками, хлеб и салат из засоленной капусты и моркови. В ожидании заказанных хинкали отдали дань им.

- Ребята, чтобы мне досталось больше сосисок, предлагаю меньше есть вам, - затыкнул Шалва, - потому, что, вы знаете, как их готовят? – принялся он рассказывать, то и дело отхлебывая из кружки пиво, но, спохватившись, едва успел ухватить последнюю оставшуюся сосиску.

- Ладно уж, я и вправду больше самих сосисок люблю название, которое так филигранно и чутко звучит на грузинском языке, - «Сасосисе»! Не правда ли, великолепно?

- Да, действительно, в этом что-то есть!

- Но, хинкалцентр – название мощнее, - усомнился Борис.

Шалва с треском надкусил, доставшуюся ему длинную горячую сосисочку, из которой брызнули капли сока.

- Какой аромат! – одобрил он горчицей следующий ломтик. Как говорил Ларошфуко, все, что нам нравится, либо аморально, либо способствует пополнению.

- Не волнуйся, от одной сосиски не располнеешь, - успокоил его Денис.

- От одной нет, но если он к ней добавит еще и один хинкали, то вполне возможно, - рассмеялся Борис.

- Не дождетесь! – загремел Шалва, - уж на хинкали я такой ошибки не повторю, ибо дважды ошибается только смертный.

- А соленья тоже очень вкусное. - подметил Сергей.

- Да, этого добра у нас порядочно, - подтвердил Денис, - кубанские девушки завозят к нам из Армении и капусту, и огурчики, и помидорчики.

- Начальник, ваши хинкали уже готовы, заберите, - послышался выкрик бармена из-за прилавка.

Вскоре Денис нес большой металлический поднос с крупными белыми горячими хинкали, от которых шел ароматный пар, шлейфом выпячивающийся за движущимся подносом.

- Да... - протянул Шалва, - поистине, все, что не убивает – делает нас сильнее!

Едва удерживая горячий «пупок» хинкали, с которого продолжал струиться горячий пар, Денис неторопливо поднес его ко рту и, не успев еще завершить первый надкус, как из него полетели горячие капли жирного ароматного сока.

- Да осторожно ты, не то обольешь и ошпаришь всех перед поездкой, - всполошился Шалва.

- Поверьте, ребята, - оправдался Денис, - если и есть смысл тратить деньги, то только на книги и путешествия.

- А на еду? – подправил Сергей, подхватывая уже вторую хинкали.

- Деньги не цель, а средство достижения цели, - вмешался Борис.

- И вправду, не в них счастье, но они тоже нужны, - добавил Сергей.

- Ребята, а может, мы все же вернем обратно путевки, - поддразнил всех Шалва.

- Я тебе верну, - оскалился на него Денис.

- Да, но, если константой существования человека является его способность мыслить, то зачем уезжать? Ведь мыслить можно в любой точке мира, в том числе и у нас на родине, - процитировал Сергей известного философа Мераба Мамардашвили.

- Сергей, и ты с ними заодно? – печально вздохнул Денис.

- Это не я, а Мераб Мамардашвили, - пояснил Сергей.

- Если вы меня сейчас предадите и покинете, как говорил небезызвестный Кваркваре, посреди боя, то я с вами перестану дружить. - пригрозил Денис.

- Остается только сожалеть о том, что мы делаем, - философствовал Сергей.

Постепенно разговор перерастал в прагматику предстоящей поездки.

- Надо еще подумать, ребята, что купить и прихватить с собой, - пытаюсь втянуть друзей в тему предстоящей поездки, напомнил Денис, - ведь нам же меняют всего-то двадцать рублей, это чуть больше трехсот форинтов.

- А точнее? – поинтересовался Борис.

- Кажется, триста тридцать три, - уточнил Денис.

- Да, не густо, конечно, - подтвердил Шалва, - ничего не скажешь.

- Чем богаты, тем и рады, - прокомментировал Сергей.

- Ну, пока вы там колебались, я кое – что успел узнать, - заявил Денис. – Можно туда взять, в первую очередь, ну, скажем, электрические и бытовые приборы, с понтом, будто бы они нам там необходимы.

- Например? – поинтересовался Шалва.

- Ну, например утюги, электрическую кофеварку, аудио магнитофоны, ну, не знаю, что еще можно прибавить! Ну, скажем, электродрель, - перечислял Денис.

- А если спросят, зачем она нужна? – спросил вдруг Сергей.

- Скажешь, что не можешь заснуть, пока не просверлишь пару дырок в стене, - захохотал Борис.

- А если прихватить немножко золотишка? – поинтересовался Шалва, - ну, к примеру - кольцо, якобы обручальное, или цепочку, или еще что-нибудь. Да, позолоченные запонки, пряжки.

- Если ты такой богатый, то зачем тебе туда ехать? – возразил ему Сергей. – На такие деньги можно и здесь неплохо погулять.

- Нет, - возразил Борис, - там гулянка все-таки очень отличается от здешней.

- Откуда ты знаешь?

- Знаю, в прошлом году двоюродный брат ездил и остался, очень доволен!

Все больше и больше втягивались в разрешение финансовых проблем предстоящей поездки. Причем Денис теперь уже старался вмешиваться меньше, а, поедая свою порцию хинкали и запивая ее, скорее как бы наблюдал.

«Ну, все, голубчики, - думал он, - никуда уж вы от меня не денетесь, а оденетесь и поедете, как миленькие».

Изрядно подкрепившись, друзья неторопливо поднимались по одной из улиц старого города к площади Свободы.

- И все-таки с вождем революции поступили не совсем справедливо, - завел новую тему – шарманку Денис, когда они вышли на обширную площадь, в центре которой красовался большой круглый газон с еще улавливаемыми следами постамента стоявшего здесь, еще совсем недавно, памятника вождю революции.

- Подожди, да, - слегка скривившись, протянул Шалва, - не начинай, не отвлекай нас от мыслей о предстоящей поездке.

- Великий наш вождь утверждал, что государство может быть сильным только тогда, когда люди все знают и сознательно идут на все, - процитировал Денис.

- Вот именно! – подтвердил Шалва и назидательно добавил: - На все! К чему шли, к тому и пришли.

- Хорошо бы так, не то бывает, что приходишь, вовсе не к тому к чему идешь, - усомнился Борис.

- В одном и том же можно увидеть разное. - философствовал Сергей.

- Карусель продолжается, история человечества повторяется, и каждый раз на все более и более высоком уровне социального и технического прогресса и развития, - уныло проронил Денис.

- И соответственно на более низком духовном, - с сожалением заметил Сергей, - в жизни сейчас упадок духовности, и она живет как бы отдельно от нас, книжно.

- И все-таки, чтобы жить хорошо завтра, ребята, надо выжить сегодня, - заметил Борис, - «пережить», пройти все и остаться живым, выжить, говорить и не потерять себя.

- Да, для того, чтобы остаться живым, требуются непрерывные усилия, иначе личность не сформируется, учит нас Мераб Мамардашвили, - не замедлил добавить Сергей.

- Тем более в наше, переходное, предреволюционное время, время жить в каком считали проклятием китайцы. Развитие событий явно движется к некоей грандиозной развязке событий, - распространялся Денис, - свидетелем, а тем более, участником которых быть не хотелось. А вообще пусть будет то, что должно быть и что будет. Съездим, поглядим, сами покажемся, тем временем может все и образуется. Все-таки лучше жить своей жизнью, чем чужой.

- Как, - удивился Сергей, - жизнь своей страны, чужая?

- Нет, конечно же, но ею часто управляют люди, делающие вид, что так и поступают.

- Уж не собираешься ли ты, Денис, оправдывать события девятого апреля прошлого года?

- Нет, конечно же, но у каждой палки есть два конца.

- Ладно, будет вам, - строго потребовал Шалва.

- Воистину все в мире боится времени, как гласит восточная мудрость, - констатировал Борис, - и когда еще сам Рузвельт не советовал заниматься политикой, если не имеешь кожу такую же толстую как носорог.

По пути к проспекту Руставели гурьбой заходили в магазины, высматривали товары, которые можно было бы прихватить в предстоящую поездку. Не поленились даже обойти новый, фешенебельный, четырех этажный универмаг. Ближе к полдню, когда проходили мимо Кашветской церкви, Борис незаметно отделился и отстал от всех. Хватившись, все издали уловили, как он резво бежал на встречу двум девушкам, выходящим из церкви, расцеловал их, и, видимо, полилась, оживленная беседа.

- Вот человек, а? – удивлялся Денис, - никак до поездки не дотерпит.

- Что вы здесь делаете? – поинтересовался тем временем у девушек Борис.

- На службе были, - объяснила одна из них, светловолосая, в меру упитанная.

- Панихиду по жертвам трагедии девятого апреля справляли в Церкви, - добавила другая, худущая, черноволосая, ростом чуть меньше первой. – Лишний раз напомнили нам о том, что земля мы и в землю обратимся.

- Лишний раз о не лишнем!

- А ты куда собрался? – в свою очередь поинтересовалась брюнетка.

- А я не один, с ребятами, - оглянулся Борис.

- С нашими, что ли?

- Да, вон они там меня дожидаются, - указал он взглядом.

- Ой, что ты говоришь? Ну, так пошли к ним, - перемигнулась она с подружкой, - нынче это такая редкость, наши встречи, не то, что раньше.

- Пошли, - поддержал ее Борис, увлекая обеих девушек за собой.

- Ребята, кажется, он ведет их к нам, - первым заметил Денис.

- Наверняка у них найдутся еще две подружки, - пошутил Шалва.

- Да вы что, в самом деле, ослепли, что ли? Не видите, это же наши девочки, Марина и Лела, - удивился Сергей.

- Ой, и в правду, - взгляделся и убедился Денис.
- Зачем он их сейчас подцепил и тащит сюда? – пожал плечами Шалва. – Должно быть, уговаривает их ехать с нами. Тоже еще! Они там все планы нарушат, и к тому же будут нам обузой.

- О-о, красавицы, привет! – подался Денис навстречу подошедшим сокурсницам, целуя их в щеку, - сколько лет, сколько зим! Давно не виделись!

Девушки с радостью, но скромно поздоровались.

- Не знаю, Денис, раньше ты всем нам уделял больше внимания, а теперь... - пожаловалась Марина.

- Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними, - объяснил просрочку Шалва.

- Никому ни до кого сейчас нет ни дела, ни времени. Каждый как-то сам по себе.

Словно вмешиваясь в разговор, раздался протяжный, много тональный звон колоколов со звонницы Кашвети.

- Как хорошо звонят, - отозвался ему Сергей.

- Вот Денис опять пытается нас собрать, - вводил девушек в курс дела, Борис – на сей раз едем туром в Венгрию. Если хотите и можете, присоединяйтесь, будем рады.

Девочки переглянулись. Лела немного помялась.

- Когда выезжаете? – поинтересовалась Марина.

- Сейчас посмотрим, - поспешил достать свой билет Борис.
– Вот, стало быть, так... вылетаем ровно через неделю в Киев, рейс 7288, в десять тридцать по местному времени, встреча с группой в аэропорту, у справочного бюро, пару дней пробудем в Киеве, а дальше поедем поездом. Решайтесь, девочки, познакомим там вас с хорошими ребятами.

- Хорошие ребята здесь, - оглянулась Лела на церковь.

- Ну, они подождут. Подумаешь, пара недель, - продолжал уговаривать Борис, - и церковь никуда не убежит, стояла столько времени и будет стоять.

- Да, пожалуй ты прав, она то, ни от кого не убегает, это мы, люди, убегаем и сторонимся ее, а вспоминаем, только когда уж очень придавят тяготы жизни, - вздохнула Марина.

- Удивительно прямо совпала с нашей встречей сегодняшняя проповедь батюшки. А ведь он что говорил? Что вовсе не обязательно ездить для отдыха куда-то, что и здесь, буквально рядом, можно отдохнуть куда лучше, чем в любом другом уголке мира и даже на самом дорогом курорте.

- Утверждение сомнительное, - поежил Денис.

- Да, и думаю, что не возбраняется устраивать иногда загородные или зарубежные турне? – возразил и Сергей.

- И не так уж обходится путевка дорого, - настаивал на своем Борис, - всего-то шестьсот тринадцать рублей.

- Харе приставать и уговаривать девочек, предложил и будет, - не сдержался Шалва, - пусть поступают, как считают нужным.

- Нет, нам было бы приятно ваше общество в поездке, - деликатно и не совсем искренно заметил Денис.

- Если надумаете, сообщите, Борис поездку вашу оплатит, - поддразнил друга Шалва.

У Бориса перекоилось лицо.

Шалва с остальными друзьями едва удерживали смех.

Разговор затянулся еще минут на пятнадцать-двадцать, вспомнили прошлое, старых общих знакомых и друзей.

- Что и не говори, а время делает свое дело, - заметил Денис, после того как наконец-то расстались с девочками, - какие они были хорошие, не правда ли, ребята? Сколько поклонников увивалось, а теперь не то.

- Девушки после тридцати вообще сдают очень быстро, - с видом знатока заявил Шалва.

- Да как сказать, - усомнился Сергей.

- Мы выбираем - нас выбирают, увы, это далеко не всегда одно и то же, - констатировал Борис.

- Ничего, они на правильном пути и не пропадут, - гнул свое Сергей, - а вот что будет с нами...

- Что посеем, то и пожнем, - отчеканил Шалва, пытаясь закруглить тему.

- На самом деле у большинства проблем есть очень простые решения, - игнорировал его попытку Денис, - всему свой час.

- Кого судьба выбирает, того волей-неволей испытывает, - предположил Сергей.

- Прав был Козьма Прутков, - вмешался Борис, - глядя на этот быстро изменяющийся мир, нельзя не удивляться.

- Помните, как учил Рашид Гиоргиевич: первостепенная задача «не удивляться, не плакать и не смеяться, но понимать!» - напомнил Сергей.

- Ты предлагаешь нам стать философами? – встрепенулся Денис.

- Жить надо проще, ребята, а? Дается-то она один раз, и надо успеть все, - упростил ситуацию Борис, - как говорят китайцы, «расслабься и получай удовольствие».

Харе – жарг. хватит, довольно.

Шли неторопливым шагом, проспект Руставели казался бесконечным, но все же, спешили наговориться, у метро «Руставели» предстояло расстаться.

Движение по проспекту было таинственным и неуловимым, и транспорт, и пешеходы двигались бессистемно, по странной, но чуткой логике, и, пожалуй, радостно объединяло всех то, что в разгар зимы, в конце января, над городом стояла теплая, солнечная погода.

VI

Часов в девять утра белые «Жигули – 6» плавно подкатывали к центральному входу автовокзала, попутно высисывая свободное место для парковки.

- Ну, попрощаемся, что ли? – замешкался водитель, стоя перед четверкой друзей, отлетающих вскоре в Киев. – Мне вспоминаются слова Пипина, обращенные к отъезжающему в армию сыну Агули, из поистине «Необыкновенной выставки», когда он призывает его остерегаться женщин, и в особенности европейских. Будьте молодцами, держитесь вместе и на всякий случай учтите еще и опыт Бхагаваны, который учит, что женщины привязывают мужчин восемью способами – танцем, пением, игрой, смехом, следами, обликом, прикосновениями и вопросами...

- Всего лишь? – удивился Борис.

- Я бы добавил еще – глазами, улыбкой, воздушными поцелуями...

- А как вас «подстрелила» ваша жена, Ника? – поинтересовался Сергей.

Ника замешкался, но сразу опамятовался.

- Эх, - вздохнул он, почесывая затылок. – Бедная моя бабушка Роза! Чем больше проходит времени, тем чаще я ее вспоминаю и крепче люблю.

- Не знаю, как, Ника, но чувствую, что ваша бабушка Роза наверняка войдет в историю, – с улыбкой подметил Сергей. – Про вашу любовь, можно написать хороший сценарий.

- Да, - согласился с ним Шалва, - в жизни может случиться такое, что ни одному сценаристу даже и не приснится, как этом давненько убедился Горацио.

- Вот, вот, и я об этом, - согласился с ним Ника.

- Не расстраивайся, зятек, - хлопнул его по плечу Денис, - зато у тебя сейчас есть я. Ничего не поделаешь, условия, и правила игры диктует женщина, и от того, принимаем мы их или нет, зависит весь ход событий и взаимоотношений!

- Ребята, - взмолился Ника в полу шутку – полувсерьез, - возьмите с собой и меня. Неужели у вас не найдется одного лишнего местечка?

- Можно поговорит с Гидом! – проронил Сергей.

- Пожалуйста, я и так не хотел ехать и могу уступить свою путевку, - с готовностью отозвался Шалва.

- Что ты баламутишь ребят? – возмутился Денис. – Привез нас, спасибо, ну и езжай подобру-поздорову.

- И впрямь! Не то, чувствую, придется мне забирать вас обратно. В жизни все далеко не однозначно...

Друзья, попрощавшись с зятем Дениса, двинулись со своими спортивными сумками в здание аэропорта. Пройдя вглубь, принялись «пристреливаться» взглядами к ситуации.

- Вот, похоже, и наша группа, - заметил Денис, указывая в сторону справочного бюро.

- Вы, Денис? – догадался высоченный худосочный тип лет сорока пяти, - рад с вами познакомиться!

- Взаимно, - пожал ему руку Денис.

- Я вас после нашего разговора по телефону таким и представлял.

- А вот и команда, - назвал Денис своих друзей по именам.

- Всего лишь? Я-то думал, вы соберете куда больше народу. «Тебя только сейчас не хватало мне в баламуты»,- подумал Денис, - и то удалось не без труда. К тому же каждый при малейшей возможности норовит, то мысленно, то на деле, сбежать, в самом начале пути.

- Ничего, ничего, - мило улыбался гид, - зато у нас такая хорошая собралась группа, сплотимся, подружимся, да еще и в пути со многими и со многими познакомимся.

- Да, - протянул Денис, - конечно же, вам удалось превзойти нас и собрать куда более значительную по количеству группу. Но все-таки для поездки маловато...

- Давай на ты, Денис, - предложил гид и принялся называть членов группы, кружком стоящих перед своими сумками и чемоданами. – Это брат и сестра Дито и Нино, - указал он на радостного молодого человека лет двадцати семи и коротко

остриженную симпатичную девушку чуть помладше. – А это будущие наши врачи Ваню и Котэ, недавно закончили ординатуру. – Ребята мило улыбнулись и дружелюбно протянули руку для пожатия. А это наша академия наук, то есть ее сотрудники, муж и жена Како и Лиа! – супруги лет под пятьдесят тоже одарили новых знакомых улыбками. – Вот это красавица Мзия и юные друзья Гия и Дато, им всего лишь по двадцать два. Мзия выглядела несколько старшею

Вскоре, к группе попарно присоединились еще четыре женщины, молоденькие Кетино и Софико, и повзрослее Русико и Манана.

- Так-так! Значит, нас собралось всего восемнадцать человек, включая меня, из ожидаемых двадцати пяти, - подсчитал Заза, гид, сверяясь со списком, - не густо, конечно, но и не мало. По идее должны подойти еще трое. Посмотрим! А, пока организовано и спокойно направимся к сектору, уже объявили регистрацию нашего рейса.

Миловидная сотрудница аэропорта в красивой бело-голубой форме проверяла билеты будущих пассажиров, регистрировала их, попутно списывала с циферблата грузовых весов показания веса поклажи. Освободившиеся от продолжительной процедуры, словно спохватившись, бросались перед объявленной посадкой врассыпную, покупать кто что-то из продуктов и питья, кто журналы и газеты, кто звонить, кто по нужде.

В туалете рядом с Сергеем вскоре очутился Борис с очередной смешной историей.

- Не смейся, - просил его Сергей, - сейчас не до смеха.

непосредственно перед вылетом начались первые переживания гида, с трудом удерживавшего членов группы, за чем последовал и его первый вздох облегчения, уже в салоне самолета, когда, проводя мини переключку, он зафиксировал всех на месте.

- Ну, с Богом! – протянул он многозначительно, когда новейший авиалайнер Ту-154 – после быстрой и не долгой пробежки по взлетной полосе городского аэропорта – резко взметнулся ввысь, к ясному и солнечному небу, по которому расплывались словно кораблики по морю, белые, пушистые облака, сопутствовавшие авиалайнеру на всем пути его полета до Киева.

В салоне было тепло, светло и уютно. Радостное, приподнятое настроение, казалось, раскинулось в некое невидимое поле, заполнившее весь салон самолета.

Вскоре симпатичные стюардессы начали подавать минеральные воды, кофе.

Члены группы бойко переговаривались, делились предложениями о предстоящей поездке.

- Важно настоящее, остальное не в счет, - процитировал Шалва, откинувшись на спинку кресла, - а мне сейчас хорошо, и я понемногу начинаю не жалеть о том, что ввязался в эту поездку.

- Смотри, не проговорись об этом Денису, - предупредил его Борис, - будем держать его в постоянном напряжении.

- Полеты во сне и наяву! Нет, в этом все-таки что-то есть, - философствовал Сергей.

- «Ладно вам! Для меня главное то, что сейчас вы от меня уже никуда не сбежите», - вздохнул про себя Денис.

- Ты думаешь? покосился на него Сергей, - не спеши, староста, впереди еще Киев, родина предков конопатого, - предостерег он, - продолжение должно быть лучше, чем начало, иначе всему конец.

- О-о, это, пожалуй, то, что я могу вам гарантировать с большим процентом надежности, - уверенно заявил Денис, - ибо человек рождается каждый раз снова и снова.

- Однообразие и вправду убивает жизнь, - согласился с ним Сергей, - спасибо тебе, Денис, за то, что ты вытащил нас из дома и из сумасшедшего водоворота событий, который у нас только закручивается. У всего есть свои правила и законы. Убей меня, но я не верю и не могу принять девиз «цель оправдывает средства». Да нет же, боюсь, что мы наломаем у себя в стране дров, и так не хочется в этом участвовать.

- Как от судьбы, так и от страны своей не убежать, это дается человеку сверху, - предположил Денис, - увы, человек, хотим мы этого или нет, хоть существо и политическое, этим он отличается, как говорил Аристотель, от животного. У человека не отнимешь его фундаментальной потребности определить, разведать границы своих возможностей.

Полет осуществляла Украинская авиалиния с украинским экипажем.

Борису не без труда удалось найти общий язык с одной из милловидных молодых стюардесс, с которой он время от времени затевал беседу о жизни в современной Украине и современных проблемах, с которыми ей приходится сталкиваться.

- Борис у вас очень шустрый, - подметил Заза так, чтоб услышал сидевший неподалеку от него Денис.

- Без вашей помощи мне его удержать во время поездки будет трудно, - согласился с ним Денис.

- Надо было женить его прежде поездки, - посетовал Заза.

- Не успел, - оправдался Денис, - да и, думаю, вряд ли бы это помогло.

Дито с сестрой сидели вместе в первом салоне, и он доставал ее философско-нравственными и этическими проблемами, вопросами воспитания молодого поколения, которому предстояло в недалеком будущем прийти не смену нынешнему взрослому.

Молодые врачи Ваню и Котэ, бойко беседовали о проблемах сегодняшней медицины, и каждый рассказывал о тех медицинских учреждениях, в которые им удалось сравнительно недавно устроиться на работу. Тем не менее оба безмерно счастливы от того, что вырвались на две недели в многообещающую евро поездку.

Супруги Како и Лия большей частью отдыхали. лишь время от времени перебрасывались несколькими словами.

Самые молодые члены группы, Дато и Гия, сидевшие за красавицей несколько старше их, не теряли времени зря и потихонечку подъезжали к ней, смешили рассказами о разных веселеньких историях из своей прошлой и недавней жизни.

«Кто сказал, что книга лучшая защита путешественника в дороге? - подумала она, захлопывая и опуская ее на колени. - От таких защитишься», - едва сдерживала смех она.

Две пары женщин, Кетино и Софики, а также их старшие сотрудницы, Русико и Манана, устроившиеся в самом конце салона, держались пока еще обособленно, не спеша вливаться в общую струю.

Ярко огненное солнце опаляло летящую стальную птицу и находящихся в ней, сканировало и облучало тело и мозг каждого, согревало и наполняло энергией, особенно тех, кто желал этого, радостно принимал, думал и ждал. Солнцу не составляло никакого труда налету переплавить стальную птицу в стальной дождь и возвратив ее на землю, совсем не такой, какой она поднялась в небо, но небо занимали сейчас другие задачи и цели.

Небесный простор гостеприимно принимал и вел стальную птицу на высоте десять тысяч метров.

- Уважаемые пассажиры, - начала свое посадочное обращение, вышедшая в салон, невысокая, но стройная стюардесса, - наш самолет завершает полет по маршруту Тбилиси-Киев. Просьба пристегнуться ремнями безопасности

и оставаться на своих местах до посадки, полной остановки двигателя самолета и подхода к нему трапа.

Температура в аэропорту столицы Украины Киеве, ...

Благодарю вас за внимание.

- Хай живе Украина, ваше хлеба, наше вина, - воскликнул Шалва, - давненько я не бывал у тебя!

- А в который раз ты сюда приезжаешь вообще? – поинтересовался Борис.

В первые! – сообщил Шалва после не долгой паузы.

Подкатили трап, и пассажиры понемногу стали подниматься с мест и пробираться к выходу.

- Слава Богу, удачно приземлились, - вырвалось у Дениса, - от сиденья аж колени застыли и ноги затекли.

- Ходить трудно после нескольких часов полета в самолете, а каково космонавтам по возвращении на землю?!

- Всех членов группы попрошу держаться вместе и не далеко от меня, - попросил Заза.

VII

У автовокзала на Московской площади, группа сделала пересадку на новый, уютный, городской автобус, который в отличие от членов группы не спешил к их гостинице. Он объезжал кое – какие достопримечательности города и аккуратно останавливался на каждой положенной остановке, подолгу ждал пассажиров, неохотно отрывался от места и, лениво дальше, и наконец завернул на Крещатик, где и располагалась гостиница, ожидающая транзитных гостей из столицы солнечной Грузии.

Заза вскоре выяснил все отношения с администратором, и после нудного бюрократического оформления документов обратился к группе:

- Ребята, к сожалению, из-за какой-то международной конференции, не все забронированные места удалось получить, так что располагайтесь как можете, по двое, по трое. Но держитесь достойно и аккуратно.

«Ау-у, заколебал, - протянул про себя Шалва, - и впрямь бывший комсомольский вожак, каких я не очень – то жалую. А только таких в гиды и выдвигают.»

Заза заметил недовольство Шалвы и попросил Дениса приглядеть за ним.

- Пару часиков вам отводится на то, чтобы устроиться, и немного отдохнуть, - продолжил Заза, - а к семи вечера встречаемся в вестибюле. Попрошу быть точными, чтоб не волновать и не нервировать друг друга.

- Непонятно, но ясно. – пробубнил вполголоса Шалва.

Пошли по номерам.

- Мы здесь, начальник, не на предприятии или в учебном заведении, а в вольной тур поездке, и твои методы общения уже изжили себя.

- Шалва, прекрати, - вмешался Денис.

- Харе, Денис, ты меня тоже достал! – обиделся Шалва.

- В поездке все же сохраняются некоторые правила, с которыми мы должны считаться. Разве вы не заполняли и не подписывались под специальной анкетой горисполкома?

- Какой еще анкетой?

- Нет, Заза! За них подписывался я! – пояснил Денис.

- Ну, так и придерживайтесь, иначе милости просим из группы.

- Что - о? подтянулся к гиду Шалва, Денис с трудом его удержал - да я тебя сейчас!

К счастью, вовремя подоспели Борис и Сергей и почти силком утащили бузотера в свой номер.

Шалва долго бранился, грозился уехать обратно.

- Ты ведь едешь с нами, а не с ним, - уговаривал его Борис.

- Кто он такой, чтобы указывать мне, как себя вести? Да и, что я такого сделал?

- Ну, ладно, погоди, двое суток потерпи с нами в Киеве, а потом решай, ехать в Венгрию или возвращаться, - урезонивал и Сергей.

- Мне наплевать на таких вожаков, я из-за них покинул хорошую работу у вас, Денис, если помнишь! И мне ничего не стоит уйти и сейчас!

Денис пустился в воспоминания о прошлом, ребята все уговаривали Шалву не кипятиться и обождать.

- Он недоволен услугами обслуживающего персонала? – поинтересовалась из-за распахнутой двери уборщица, опрятно одетая в гостиничную спецовку.

- Да нет, что вы! – успокоил ее Денис.

- А то мы принимаем любые замечания и пожелания, - миролюбиво сообщила она, - если хотите, Борис, принесите водку с закуской, я могу привести сюда своих подруг, мы останемся с вами ночью.

Денис сообразил, что Борис успел уже переговорить с ней, и объяснить с гидом.

- Ну, ладно... - многозначительно протянул Денис, - пусть они тут разбираются, а мы пошли к себе, Серега.

Денис и Сергей поспешно покинули номер своих друзей и спустились к себе, в номер на четвертом этаже.

Вскоре к ним присоединились немножко отдохнувшие Борис и Шалва.

- Ребята, айда в город, - предложил Борис, - я его хорошо знаю. Чего здесь околачиваться и терять драгоценное время.

- А как со сбором всей группы? – напомнил Сергей.

- Да, пожалуй, не успеем, - поддержал его Денис.

- А ну его, нашего гида, в задницу, - выругался Шалва.

- Угомонись, он еще нам понадобится, - одернул его Борис.

- Вам возможно, а я через двое суток возвращаюсь домой!

- А как же ужин?

- Э-э, что в городе не найдется где подкрепиться?

После недолгих колебаний Денис решил отпустить ребят в город, а самому остаться ответчиком.

Для первого посещения друзья остановились на Киево-Печерской лавре.

- Так! Это по улице Сичевого Повстанія, - вспомнил Борис, и все направились к нужной остановке.

Стояла ясная, солнечная, но порядком прохладная, зимняя погода, и еще сохранялись остатки понемногу тающего снега. Молодая, спортивного телосложения тройка друзей в утепленных куртках, полная энтузиазма и задора, шагала по одной из главных улиц украинской столицы. У входа в заповедник их пыл, однако, несколько поостыл. Они внимательно всмотрелись в монастырские стены, бросили взгляд на Троицкую надвратную церковь, прошли мимо келий, у врат в которые висела металлическая табличка с надписью: «Выставка художественных изделий из драгоценных металлов XVI-XIX вв.»

- Да - а, ничего себе территория. Так, дикарем всего не осмотришь, - покачал головой Борис, - хорошо бы с экскурсоводом пройти.

- Пойдем за кем-нибудь, - предложил Шалва, - вон сколько народу. Просто валом велят.

- Девочки, а вы местные или приезжие? – бросил Борис. Женщинам лет под сорок, проходившим мимо них к входу.
- Ну, послушай, неловко же! Они такие же девочки, как я китайский император, - опроверг его обращение Шалва, - не видишь, какие дылды!

- А что? – с удивлением спросила одна.

- Можно вас на минуточку? У меня к вам вопрос!

Сергей отошел к кассам и, разговорившись с дежурными, попросил выделить экскурсовода.

- Официально у нас такого штата нет, - пояснила одна, - но кого-то найти вам постараемся.

Другая посоветовала поискать какого – то Володю, третья же через пять минут появилась из-за двери в соседнюю комнату с молодой девушкой..

- Вот наша молодая сотрудница Юля, - познакомила она гостя с черноволосой девушкой лет двадцати пяти, с правильными строгими чертами лица.

Сергей на мгновение обомлел и потерял дар речь.

«Какая красивая, Господи,» - обомлел Сергей..

- Здравствуйте, - заикаясь, все-таки поздоровался.

- Здравствуйте, - скромно отозвалась девушка.

- Покажите заповедник? Мы в долгу не останемся.

- Юля, пойдешь? – спросила одна из дежурных.

- Пойду, - немного помедлив, согласилась Юля.

Вскоре Сергей знакомил друзей со своей, он уже успел мысленно присвоить ее, Юлей, а Борис в свою очередь со своими новыми знакомыми.

Небольшая, собранная на скорую руку, туристическая группа, с большим вниманием слушала своего молодого гида, осматривала руины Успенского собора, киворий, бывший дом наместника, здание бывшей библиотеки Флавиана, в которой ныне была расположена выставка микро миниатюры Н.С. Сядристого, дом митрополита, здания Благовещенской и Михайловской церкви, которые также ныне были переоборудованы в государственный музей украинского народного декоративного искусства УССР.

Далее шли здания трапезной церкви с трапезной палатой, в которых был устроен концертный зал.

- Какое кощунство?! – изумленно шепнул Сергей на ухо Юлии.

- Скоро, думаю, много здесь приобретет с Божьей помощью свой первозданный вид, - скромно, но уверенно сообщила она.

Осмотрели могилы И. Искры и В. Кочубея, корпуса типографии и переплетной. Задержались у горных ворот и смотровую площадку, Борис успевал делать отдельные и общие фотографии своим старым и надежным фотоаппаратом «Зенит».

Время шло быстрее, чем экскурсия с экскурсоводом, короткий зимний день близился к закату, начинало темнеть.

Борис с Шалвой вызвались проводить новых знакомых, заторопившихся по домам, а Сергей остался с Юлей, и они еще немного побродили по оставшейся недосмотренной территории... Общий язык нашли быстро и даже несколько расположились друг к другу.

- Как у вас тут хорошо! – подметил Сергей.

- Да, пожалуй, здесь нравится всем, - согласилась Юля, с ее собранных сзади волос соскользнула заколка, и они волной обрушились ей на плечи.

Сергей едва устоял на ногах от этой красоты, с трудом сдержался едва не вырвавшийся стон. От удара о грунт с приколки разлетелись небольшие хрустальные камешки.

- Ой! – огорченно воскликнула Юля, нагибаясь. – Нет, не видно! Потеряла!

- погоди, поищем! – наклонился и Сергей, невольно прикоснувшись, он боязливо и нерешительно обнял своими ее ладони.

Юля не отшатнулась, что прибавило Сергею смелости.

- Ничего-ничего, найдем и прикрепим, - пообещал Сергей. – Какие у тебя нежные и проворные руки, Юля, - полилось из его уст, и он поднес одну из них к губам.

- Не надо, пожалуйста, - словно опомнилась Юля, осторожно высвобождая руку, - лучше поищем приколку.

С трудом, но общими усилиями это удалось, и они неторопливо двинулись к выходу.

Сергей говорил больше, чем Юля. Рассказывал о себе, о друзьях, о стране, в которой живет, о близких, в промежутках успевал расспрашивать Юлю и даже вызывать у нее короткий и звонкий смех.

Юля оказалась хорошо образованной, начитанной и глубоко верующей. Она быстро обнаружила, как Сергей плавает в богословии, слегка разочаровалась, но все-таки решила мысленно протянуть ему жезл. Подумала: «Если сумею, постараюсь вытянуть его из суеты. Нет, так оставлю жезл».

Поздним вечером Денис уговорил вернувшихся друзей всем вместе пойти и показаться.

- Ты начинаешь становиться его правой рукой, - иронически бросил Борис, что с готовностью подтвердил и Шалва.

- Истинный Дэн Сяопин! И начало имен совпадает. Так что присваиваем тебе прозвище Дэн.

- Спасибо вам! – тоже не без иронии поблагодарил Денис. Ему не без труда, но удалось-таки смягчить Зазу и Шалву и разрядить напряжение.

Утром следующего дня ребята опять разбрелись по городу кто с кем и кто куда.

Борис и Шалва отправились на встречу со своими новыми знакомыми. Сергей – с Юлей, а Денис отправился просто пройтись по городу вместе с гидом .

Вечером все собрались за ужином в ресторане, за что заслужили явное одобрение гида. Он полу в шутку – полувсерьез напомнил, что поездка только начинается, что самое интересное и главное впереди, призвал беречь моральные, душевные и физические силы на будущее, беречь и экономить внутренние силы, проявить собранность, чтоб , успешно провезти через границу все дозволенное и необходимое .

Вечером в номере Бориса и Шалвы составили партию в преферанс, так, что удалось даже втянуть в нее и сотрудника Академии наук Како, с удовольствием осмелившегося отдохнуть от общества своей жены Лии .

Денис нередко держал в четверке игроков лидерство . Сергей не играл, а взял на себя роль постороннего наблюдателя, чего-то вроде болельщика, скорее даже подстрекателя, за что, то и дело получал шутливые подзатыльники и это было ему крайне не по душе.

Красавица Мзия заметно сторонилась женского общества и больше склонялась к Дато и Гии, к которым сейчас и направилась, после вечернего легкого душа и туалета.

С ними она чувствовала себя непринужденно, почти как ровесница, а ребята в свою очередь, как могли, развлекали ее экстравагантными, сногшибательными выходками и историями . Состязались с бросанием кнопочных портативных ножей, уговаривали и ее попробовать свои силы, на что она , немного поколебавшись, в конце концов согласилась . Но в основном выпавший досуг коротали перед экранами телевизоров и за пустоватыми разговорам.

Отъезд в Венгрию из Киева был намечен через день вечером, и все поспешно разбежались по городу довершать

затяжное за время пребывания, а вечером собрались в гостинице.

Сергей провел еще один интересный день с Юлей. Прощальный поцелуй чуть не сбил его с ног, и перед самым отъездом он не мог отвязаться от мысли задержаться и провести две недели не в Венгрии, а с Юлей в Киеве.

- Вот так в жизни и получается, - заметил Денис выслушав его объяснения, - к намеченной цели, сбиваются с пути куда чаще, чем достигают до цели. Кто сходит на первой, кто на второй, кто на энной остановке, а цель сладкая, божественная, заветная остается потоку.

- Если так пойдет дальше, то и я не поеду! – разбушевался Борис, - останусь здесь. Благо есть повод!
Шалва чуть не задохнулся от смеха.

Разговор шел у отъезжающего на вокзал автобуса с открытыми настежь дверьми.

В ожидании отправления Сергей решил заскочить в туалет и чтоб не ехать на свой четвертый этаж, завернул на втором, где жили самые молодые во всей группе, Дато и Гия. В открытую настежь дверь были видны признаки начатой двумя горничными следы уборки. Выходя, он заметил измученную многочисленными ножевыми ранениями, почти по всей длине двери в ванную. Времени осмысливать, что к чему, не было, он не торопливо спускался вниз и не сразу заметил, как на хвосте у него оказались несущиеся с бранью горничная и дежурная по этажу.

Заза и остальные с ужасом следили, как он убегает от погони.

- Товарищ Заза, пойдёмте, поглядите, что он сделал с дверью санузла на нашем этаже, - бросилась к гиду горничная.

Выяснение отношений заняло не менее получаса. Пришлось заплатить солидный материальный штраф за ущерб, чтобы не передали в милицию и не задержали всех, а то и не отложили поездку.

Заза и Денис нервничали, им казалось, что все оборачиваются против них.

Зазае удалось выяснить, кто жил в этом пострадавшем номере, и в течение всего турне он, очень сложно и долго добивался от Дато и Гии хоть частичного возмещения ущерба. Группа поддержала его.

- Зачем нам такая новая страна и такие новые? – обращался он с вопросом к Денису уже в поезде 237, точно

по расписанию отъехавшем от железнодорожной станции, с полным составом группы к счастью для гида .

- На них нет никакой управы! Ты видел, Денис, с каким гонором и нахальством давили они на меня, а их подружка, красавица, сучка этакая, подливала в огонь масла.

- Слабым умом надо уступать, Заза, - успокаивал его Денис, - видишь, они вооружены и очень опасны. Потерпите их еще две недели, а потом Всевышний каждому воздаст по заслугам, а пока и мои, и другие, выражают вам солидарность и поддержку. Мои даже отбросили сомнения и решились ехать ради вас .

- Спасибо, - поблагодарил Заза, - да они ангелы по сравнению с этими!

- Да-а, есть у нас, как и везде, этикие молодчики!

- Которым и принадлежит будущее нашей страны и мира!?

- задумался Заза.

- Нет, Заза, нет, успокойтесь . Опирайтесь на слова Спасителя о том, что блаженны кроткие духом, ибо они унаследуют землю.

- Да, но когда это будет? – расстраивался Заза .

- Скоро! Уверяю вас, очень скоро, - утешал его Денис .

Скорый поезд неся все дальше и дальше от столицы Украины, увозя с собой группу туристов и массу неизгладимых впечатлений от древнего и вечно юного города Киева.

VIII

Утром, выйдя из поезда, группа автобусом достигла городка ЧОП. С приближением к пограничному пункту волнение нарастало и достигло апогея уже в самом пункте.

- Так, ребята, доставайте паспорта и документы, – провозгласил Заза, - правила провоза алкогольных напитков вам известны! Две бутылки вина и одна бутылка водки на брата.

- Авойе-ээ, - протянул Шалва. – Что сейчас буде-е-ет!?

- Что будет? Большая прогулка, со шмоном, - поддержал его Сергей.

- Не прогулка, а гулянка, - подправил Борис.

- Просьба сохранять спокойствие, - призвал Денис.
- Какое может быть спокойствие! Сколько я могу выпить за один вечер! – хорохорился Дато.

- А остальные четырнадцать дней мы, что, лапу будем сосать? – поддержал его друг Гия.

Поспокойнее, но возражали и остальные члены группы.

- Успокойтесь, товарищи, эти претензии не ко мне, а к таможенному контролю, но я пойду, попытаюсь с ним договориться, - обещал Заза, - а пока помогите мне выгрузить несколько из пустых ящиков, сваленных один на другой в конце автобуса, за занавеской, и сложите лишние бутылки спиртного туда.

Гул возражения нарастал.

- Ребята, помните, главнейшая наша задача провести через пограничный КПП не столько спиртное и остальное, а самих себя. Попробуем протащить лишнее спиртное за счет непьющих женщин.

- Не плохая мысль, - поддержал его Дато, - в конце концов, они ведь тоже люди!

- Ну, так, не доводите до того, чтоб из-за одного пострадала вся группа!

- Заза, ты мужик, - поддержал его Борис.

- Не бойтесь, прорвемся! – завопил Шалва.

- Проскочить бы сейчас, а там наши! – закруглился Сергей.

После затяжных переговоров на таможне, Заза возвратился с одним из сотрудников и с небольшой стопкой чистых разграфленным, но незаполненных листочков таможенной декларации с длиннейшим перечнем вопросов.

Принялись заполнять, пока Заза вымаливал у таможенника лишние бутылки.

Суетились, переговаривались.

- А что делать с цепочкой? – вопрошал Борис. – Вносить или нет? Если не внесу, смогу там кое-что за него выручить.

- Не стоит, Борис, не рискуй, - предостерегал его Сергей, - лучше внеси.

- Это еще ладно, а что делать с электродрелью? – заволновался Сергей.

- Электродрель я беру на себя, - успокоил их Денис, - а насчет электрочайников, электрических кофеварок, думаю, у нас проблем не будет, их ведь по одной.

- Дито, у меня в сумке десять баночек икры, - заволновалась его молодая сестра Нино.

- Половину переложи в сумку мне, - посоветовал ей Дито, - почему нам нельзя взять с собой всего – то по пять банок?

- А как насчет электрических миксеров и утюгов?
 - Ваню, у нас четыре бинокля на двоих, не много ли?
 - Пожалуй, придется от одной пары избавиться!
 - Ребята, помогите мне провезти один мощный телескоп!
 - Конечно же поможем!
 - В Венгрии такая природа, такие звезды светят ночами.
- Как вообще без него!
- Ребята, вы не могли бы пристроить к себе несколько утюгов, хотя бы по одному на каждого?
 - И двойные электрические валенки – грелки для обеих ног, для рыбаков подледного лова?
 - А у вас столько командирских часов и линейек!

После долгих переговоров с таможенником Заза ненадолго задержался в автобусе, а сотрудник таможни пошел на КПП докладывать предварительную обстановку.

- Ребята, быстренько и тихонько перераспределяйте товары! Чтобы у каждого по минимуму. И чтобы без шума и пыли!

- Заза, ты наш предводитель!
- Не дай нас в обиду!
- Мы были не правы, прости!

Апогея волнение достигло, когда вернувшийся таможенник велел водителю переставить автобус в сторону для переведения более тщательного таможенного контроля четырьмя сотрудниками таможни.

Больше всего рискованных товаров набралось у Шалвы.

- Давайте, ребята, все лишнее мне! Смелей, я их не боюсь! Я возьму все на себя и буду вашим громоотводом. Лучше пусть пострадает один, то есть я, чем опозорится вся группа или, не дай Бог, вся страна!

- Да здравствуйте Аугусто Пиночет, - скандировал автобус, - мы тебе этой услуги не забудем.

« Подходите, я вас не боюсь», - мысленно настраивал себя на худшее Шалва и обратился с этими словами к подошедшим таможенникам, после сверки фотографий в паспорте с его лицом приступивших к досмотру его сумок, забитых в основном чужими товарами, электроника для лесорубов, электродрелью, электрочайником, электрическими миксерами, утюгами, электрическую кофеварками, небольшим цветным переносным телевизором, аудио плеером, магнитофоны, радиолой VEF, позолоченными и серебряными частями сервиза, икрой красной и черной, биноклями и многим другим!

Более чем часовой таможенный контроль прошла вся группа, кроме Шалвы, которого сотрудники таможни вывели с частью вещей из автобуса, и повели в КПП, в который за ним последовал и Заза с Денисом.

- Не дадим в обиду! – Скандировал разъяренный автобус, и если бы не просьба гида всем остаться на местах, то неизвестно еще, по какому бы руслу потекло возмущение.

- Я вашу маму... видел на базаре, - ругался Шалва про себя, а вслед за ним вполголоса и Борис.

- Эх, моя бедная, несчастная бабушка Роза, блин! Она всегда советовала мне сторониться неприятностей, - бросил Шалва с оглядкой, удаляясь от автобуса.

- Товарищ майор, вот задержали с поличным, - доложил лейтенант службы таможенного контроля.

- Да ну?

-Ну!

- Какой товар? Контрабандный, что ли? – поинтересовался майор.

- Да нет, в декларацию внесено, но ... многовато.

- Товарищ майор, ну, вы уж простите меня, что перед поездкой сбрил усы и немножко похудел, - оправдывался Шалва перед майором, сверявшим его паспортные данные.

- А как с золотишком? Есть? – осведомился тот.

- Откуда же, товарищ майор, была бы, не нацепил бы на себя столько электрического дерьма! открестился Шалва.

Майор усмехнулся:

- Это хорошо! Но учти, найдем, пеняй на себя!

- Пожалуйста, товарищ майор, но если нет, отпустите?

Майор взглядом указал лейтенанту провести Шалву в спецпомещение для досмотра, где его детально шмонали три таможенника, в том числе девушка в штатской униформе, ловко перерывшая его дипломат. Остальные прощупали шапку на его голове, обшарили карманы брюк и куртки.

Девушка, исследуя картонную коробочку, поранила себе палец.

Выяснилось, что в ней Шалва держал разобранную безопаску, а бритвы зарубежные и чересчур острые покоились в специальном пластмассовом футляре. Одно из лезвий выпрашивалось так призывно, будто дожидалось тоненьких девичьих пальчиков.

- Ну, разве я виноват? – оправдывался Шалва. – Надо же было самой смотреть.

- Ну, хорошо, а зачем у твоей куртки столько карманов? На какой они черт? – повели его обратно к майору.

- Ну, как?

- Ничего? Только случайный мини инцидент.

- Пройдите в автобус, будем решать, что с вами делать дальше!

«Что хотите, то и делайте, - подумал Шалва по пути в автобус, снимите с группы. Пожалуйста. Все равно ехать не хотел. И вообще, обложил я всю поездку!»

После продолжительных выяснений у него отобрали электродрель, электропилу, лишние часы и уют. Группе пришлось оставить также лишнюю пару ящиков спиртного.

Растерзанная морально и физически туристическая группа Зазы в полном составе отъезжала от пункта таможенного контроля уже на шикарном, новом, небольшом, фешенебельном венгерском автобусе, в котором их встретил молодой венгерский гид, миловидна женщина лет сорока, не высокого роста, среднего уровня внешности, с хорошим английским и ломаным русским языком.

- Элис, ваш гид по Венгрии, - представилась она, - Заза уже успел рассказать мне о ваших проблемах с таможенной. Но не переживайте, все это позади, а впереди гостеприимная, радушная и теплая Венгрия, которая подарит вам много, надолго памятных дней.

«Вот тебя-то нам сейчас как раз и не хватало», - пробубнил себе под нос Шалва.

«Вот славно, нашему gidу теперь скучно не будет», - так же не громко приветствовал ее Борис.

- Каждой твари по паре, - ворчал Шалва, - лучше верните-ка мне мою электродрель и электропилу.

- Прекрати, Шалва, они ведь вовсе не твои! – остановил его Борис.

- Да-а? А ребят по твоему, не жалко?

- Где пьется, там и льется!

- А о выпивке вообще не заикайся. Надо же, два полных ящика уволокли, сволочи, да я за них, может быть ..., - процедил таки Шалва.

IX

Мимо взора путешественников проносилась Венгрия.

Первые километры пути понемногу поглощали недавно испытанные отрицательные эмоции.

Зима в Венгрии выдалась довольно теплая и солнечная. Всмотривались в проплывающие виды пристально и внимательно. Посыпались вопросы.

- Нас порядка двенадцати миллионов, - с готовностью отвечала Элис, - половина в городах, половина в селах. Наша история неразделимо срослась с историей других европейских народов, тысячами родственных, экономических, культурных нитей. Яркие и бледные отблески нашей истории видны в истории почти всех европейских народов. Многие из них прижились и в нашем скромном уголке земли, вошли в семью европейских народов. Само название венгров – мадьяры означает на древне венгерском «люди», «человек».

Верующие преимущественно католики. Приезжает много туристов, в основном летом. Приглашаем летом и вас.

Борис и Шалва переглянулись.

- Посмотрим, каково у вас зимой, - раздраженно пробубнил Шалва, - а потом поговорим о лете.

- Летом на наших курортах хуже, что ли? – поддержал его Борис.

- Где у вас? В Хохляндии, что-ли? – поддел его Шалва.

- Почему же в Хохляндии? На черноморском побережье, - уточнил Борис.

- Его уже давно отравили и загадили, - поправил его Шалва, - Радиоактивные облака от Чернобыльской катастрофы, говорят, три раза обошли земной шар и столько же раз пролились дождями. Жди теперь от них милости.

- Как все, так и мы. Не волнуйся ...

- Не оплакивай, смертный, вчерашних потерь,
Дел сегодняшних завтрашней меркой не мерь,
Ни былой, ни грядущей минуте не верь,

Верь минуте текущей - будь счастлив теперь! – и успокаивая группу и слегка хвастаясь, вполголоса прочел Дито стихи Омара Хайма.

- Что ж, - поддержал его гид Заза, - подлинное душевное спокойствие, без которого невозможно хорошо провести наше турне, достигается путем примирения даже с самым худшим.

- Я не примирюсь, и свою электропилу для лесорубов, клянусь, возьму любым способом, - стоял на своем Дато.

- Только не за счет венгров, - попросила его Мзия.

- Поездка только начинается, а я уже так устал и намаялся с ними, - пожаловался Заза.

- Ничего, Заза, я вам помогу, - пообещала Элис.

- Я оставил одних ради них и работы своих домашних, но им это до лампочки, они хотят получить от поездки каждый свое!

- Как и все мы в жизни, - примирительно отозвалась Элис. – Подъезжаем к населенному пункту Ньиредь – хаза, - обратилась к группе Элис, - взгляните, товарищи!

- Тамбовский волк тебе товарищ, - пробубнил Шалва, - и наш гид Заза!

- Ну, что товарищи, - подхватил слова коллеги Заза, - остановимся здесь на завтрак или поспешим в Дебрецен, всего лишь в ста километрах отсюда?

Борис заметил на автостанции, к которой они подкатывали, длинный «Икарус» с надписью «Совавтотранс».

Заза подловил оживленного Бориса, у которого засверкали глаза при виде советского туристического автобуса.

- Ребята, смотрите у меня, - подловил и предостерег всю четверку Заза.

Первые расходы начались в роскошном одноэтажном здании с туалетом, куда группа и устремилась.

- Серж, понимаешь, что соответствует нашим желаниям, кажется правильным, - со смехом цитировал на ходу Борис, Андре Моруа, - а все, что противоречит им, приводит нас в ярость.

Заза с Элис сидели в баре автостоянки за чашкой кофе, коктейлем и парой легких пирожных. Женская часть группы, которая успела подкрепиться еще в автобусе, крутилась вокруг ларьков и прилавков. Покупали кое-какие сувениры, туристические карты, брошюры.

За стаканами курили Дато с Гией и молодые врачи.

- Какой везде порядок, в кафе-баре, в ресторане, на стоянке, автовокзале, магазинах! А ведь страна социалистическая! Стало быть, дело не в строе, а в людях.

- И в их отношении к окружающему.

- Правда, иногда, мы видим людей и вещи такими. какими желаем их видеть, но, с другой стороны, зачем излишнее украшение, если, скажем, здание вполне выполняет свою функцию и в более скромном состоянии.

- Как? – удивился Ваню. – А эстетическая сторона? Недаром в поговорке говорится, что глаз человеческий и ест и пьет! К тому же привлекательный облик страны отбивал бы желание выехать из нашей страны!

- Кому не нравится, пусть себе на здоровье выезжают!

- А тебе самому нравится?

-Что?

- То, что видишь ты у себя, вокруг себя?

- Что-то нравится, что-то нет!

- Так почему же не изменить хотя бы то, что не нравится?!

- Потому что это возможно только путем полного, а не частичного преобразования!

- А-а, вот видишь, значит правильно взялись за перестройку!

- Так ведь она на сегодня директива всеобщая, а не только наша.

- Ты давай не путай, перестройка перестройке рознь. У них своя, а у нас своя.

- Как бы не закончилась она бедой?! Наглядный пример и подтверждение тому девятое апреля прошлого года у нас в стране, а ведь это только начало.

- Но без начала не бывает конца! А начатое нужно доводить до конца.

- До победного конца!

- Вот именно.

- Ну и чего ты желаешь и добиваешься? Объясню тебе на простом примере: сейчас у нас туалет общественный бесплатный, с перестройкой станет платным, вот увидишь! И не только это!

- Ну, и что? Зато эта оплата поможет улучшить сервис, расширить инфраструктуру производств и разных других объектов. Да и, в конце концов, это не только в интересах нашей большой страны! Сколько можно плестись в хвосте у всего капиталистического мира? Когда-то мы должны сами начать ковать свое будущее!

- Фу-у, воистину, история учит тому, что ничему не учит. Все это уже было в прошлом, и чем кончалось, можешь прочесть в истории разных стран в прошлом.

.....

- Посмотри, Софики, какая шикарная косметика! - разбегались глазки у Кетино.

- Да, до таких радостей нам пока далеко, - согласилась с ней, но приуныла Софико, - молчи. грусть, молчи.

- Да... Это, конечно же, не та развитая, капиталистическая Европа, которую мы с тобой видели, но лучше, чем у нас, - делились первыми впечатлениями.

- Воистину, счастье не в том, чтоб родиться гением! А в том, чтоб родиться вовремя и в нужном месте. Но и в одном и том же можно увидеть разное.

Вскоре автобус, готовый к отъезду, дожидался двух недостающих, Бориса и Шалвы, которые показались наконец, в обществе двух молодых девиц, провожавших их до самого борта. Несколько секунд ушло на проводы, последние слова прощания, рукопожатия, взаимные поцелуи в щечки, и счастливые и радостные, с сияющими лицами Борис и Шалва влетели в отъезжающий автобус.

Запас прочности в радости помог им безропотно устоять перед замечаниями гида Зазы и Дениса.

Дорогой до Дебрецен четверка друзей успела сыграть несколько партий в кинг на символическую, минимальную ставку, но уже не на рубли, а на форинты.

Чаще всех проигрывал самый невезучий Сергей, которому под конец надоело оставаться в проигрыше, и он сознательно внес некоторые изменения в свою пользу, в записи. Друзья обнаружив подвох и надавали ему в полсилы, в полу шутку по шее, по затылку и по лбу.

- На помощь, академию наук бьют, - звал коллегу Сергей, пригнувшись, защищаясь хоть и от шуточных, но увесистых тумаков.

- Вот бери таких с собой в поездку!

- Во дает! – изумился Денис выдумке. – А каким был честным парнем!

- Вот тебе, вот тебе за враки! – добавили ему по шее Борис и Шалва.

Борис, впервые проигрывал в паре с Сергеем, поспешил воспользоваться ситуацией, изорвал листок с записями и выкинул в форточку по сложившейся на родине привычке.

- Не знал, что вы такие заядлые картежники, - подскочил Како, - ну, а как насчет преферанса? Играете?

- Э! – воскликнул Борис, – еще как!

- Присоединяйся к нам как-нибудь, у нас как раз четвертого не хватает.

Како сразу догадался кого, тот намерен выключить из состава, и посмотрел в сторону Сергея.

- Он в преферанс фраер хуже, чем в кинге.
- Како, спаситель и коллега, не связывайся с ними, - проскулил Сергей, - эти заядлые жулики и обставят вас в два счета, и жену вашу Лию жалко. Похитят вас у нее!
- Ну, это мы еще посмотрим! Ладно, за партией!
- Ага, давай!
- Какая прекрасная природа вокруг, не правда ли, Дито? – призвала Нико, брата, быть повнимательнее и не скрывая своего восхищения.
- Да-а, - философски протянул Дито, - и впрямь великолепная! Ну, а где же она иная? Всюду свои прелести и свои особенности. Марк Аврелий в свое время предлагал представить, что ты уже умер и что жил, только до настоящего момента, а оставшееся время жизни, как выпавшее сверх ожидания, проводить согласно с природой....
- Да, не даром Иван Павлов называл природу второй, после Священного Писания, книгой жизни, - подтвердила Нино.
- Хм, усмехнулся Дито, - а ты знаешь, что святой Антоний Великий, один из первых пустынножителей, не умея читать и писать, создал замечательные труды, отвечает одному философу, проведавшему его в пустыни, на вопрос, как он живет без философских книг?
- Что же он отвечал?
- Он сказал, что его книга – это природа и через нее можно прочитать волю Божию и узнать куда больше, чем содержится в книгах.
- А как мы к ней глухи. Мы можем быть в лесу и не видеть леса...
- К тому же свой язык есть не только у зверей, птиц, рыб, но и у растений, и даже камней. К ним нужно внимательно, присматриваться и прислушиваться, чувствовать и ощущать их.
- А мы без оглядки мчимся вперед, не задумываясь и не оглядываясь на прошлое...
- Да, дорогая моя, но если мы оглянемся, что же увидим? Ведь история развития человечества есть не что иное, как история воин.

Неплохо о двадцатом веке писал в свое время Дудин:

Над прошлым – мрак,
Над Будущим – туман,
Погрязло человечество в обмане....
Двадцатый век, Кровавый век.

Что ты наделал, человек?!

Нино задумчиво кивала головой.

- Оглянись на прошедшее. Пережито столько переворотов. Можно предвидеть и будущее. Оно не выйдет из ритма происходящего и ныне. Потому-то Марк Аврелий и утверждает, что безразлично, будешь ли ты наблюдать жизнь в течение сорока или десяти тысяч лет. Он бы без или с непринципиальным интересом оглядел сегодняшние наши трамваи, автобусы, троллейбусы, кинотеатры, аэродромы, космодромы, электрорекламы... Подумаешь! Будущее!! Оно будет, как и настоящее каждого человека, «В том же роде и не выйдет из ритма происходящего ныне». Разумеется, движение не в смысле перемещения, а в смысле деятельности.

Преграды рождают мысль, без них ее не было бы.

Разнообразие пищи, семейного, социального и государственного уклада, способа заселения территории - признак человека и одновременно условие его возникновения и развития.

- И вправду, чтобы услышать природу, необходимо размышлять о сумме мгновений, то есть о природе времени, - согласилась Нино, - подняться выше обыденных жизненных будней. Расскажи мне еще о Марке Аврелии, - взмолилась она, - я уже влюбилась в него и начинаю сожалеть о том, что мы с ним слегка разошлись во времени.

- Ничего себе слегка, - усмехнулся Дито, - римский император, повелитель Рима, властвовавший в сто семидесятые годы нашей эры. Его рукописям уже тысяча восемьсот двадцать лет.

- У тебя недурной вкус, сестричка! Остерегайся себя, с твоими взглядами можно остаться в старых девах.

- Не волнуйся, мне это не грозит!

- Во все времена жизнь однородна и единообразна, и кто видел настоящее, тот видел бывшее и будущее...

Невежествен тот, кто дивится чему –либо из происходящего в жизни, - говорил он, - видит уродливые качества, но остается философом до конца, не желая чрезмерно вмешиваться в естественный ход дела.

- Легче природу взорвать, чем понять, - вмешалась Нино, - естественность природы, темпы ее развития несовместимы с человеческими, хотя, согласна, все должно идти своим, естественным ходом развития. По-видимому, темпы развития природы и человека приходят в противоречие, чем порождают конфликты. Мы наносим природе

смертельные раны, и она в ответ мстит нам и отвечает тем же. Да, пожалуй не надо вторгаться в естественный ход вещей, событий. Сам Лев Толстой, давая оценку мудрости великого полководца Кутузова, отмечал, что он давал событиям двигаться и развиваться своим ходом, чередом, разве что чуть-чуть помогал им, подталкивал в нужное русло.

- Этому же учит и Марк Аврелий! Он предлагает делать то, что от тебя требует в настоящее время природа, не надеяться осуществить республику Платона, быть довольным продвижением вперед хотя бы на один шаг – и не считает этот шаг маловажным. Кто может изменить образ мыслей людей? – спрашивает он. – А без такого изменения не может быть ничего, кроме рабства и лицемерного повиновения. Он предлагает и простой рецепт счастья: «Считай каждое мгновение своей жизни – последним». Все следует делать, обо всем говорить и помышлять так, будто каждое мгновение может оказаться для тебя последним... Ибо самая продолжительная жизнь ничем не отличается от краткой.

- Ну, как сказать, здесь бы я с ними поспорила...

- Слушай ты, Марк Аврелий, может хватит тебе философствовать, а? – запротестовал уже чуть громче и суровее сидящий за преферансом Шалва, - из-за тебя я на мизере, мне паровозик большой. так сказать...- бросая на импровизированный стол из дипломата свою колоду карт.

- Не нравится, не слушай, - огрызнулся Дито.

- Заколебал со своей философией! Ты для чего в Венгрию приехал, а? Философствовать? Или хвастать, что больше всех знаешь?

- Во всяком случае, не для того, чтоб играть в карты.

- Философствовать можно и дома!

- В карты играть, кстати, тоже.

- По-твоему это одно и то же?

- Почти, подошел и вмешался гид, - не ссорьтесь, ребята, из-за пустяков, каждый волен поступать по-своему, не мешая при этом другим.

- Ну, вот и я об этом же, Заза, - подтвердил Шалва.

Дито тоже хотел ответить, но Нино остановила его.

- Серж, помоги! Подскажи, что делать, – попросил Шалва наблюдающего за игрой со стороны Сергея.

- Стреляй снова и снова, и попадешь прямо в цель, - надомил Сергей, - и повезет больше.

- Откуда мне на голову свалилось столько философов, ума не приложу, - изумился Шалва, собирая в общую колоду разбросанные карты партнеров.

- Будто, кроме меня, в автобусе никто не разговаривает, - ворчал Дито, как бы обращаясь к сестре, между тем как та не отрывала взгляда от проплывающих мимо ландшафтов.

По всему пути тянулась линия высоковольтных электропередач, перекидывалась с одного массивного, металлического решетчатого столба на другой.

- А что это за шары на проводах, Элис? – подали голос с задних сидений автобуса Русико и Манана.

- Ауф, галерка! – поощрил их Борис и расхохотался.

- Конем ходи, Шалва, корнем, - поддразнил Шалву, возвращаясь к картам Сергей.

- Молчи, грусть, молчи, - пробубнил Шалва, - говорят, если нет хода, ходи с бубей. Ну, коли так... – бросил одну из своих бубен Шалва.

- Дело в том, что у нас не всегда такие теплые и приветливые зимы, какой дружелюбно встретила Венгрия вас. Нередко бывают непогоды, снег, гололедица, ветры, наносящие большой ущерб линии. Потому на трассах появились динамические гасители колебаний. Они снижают амплитуды и частоты колебаний и предотвращают аварии на линиях электропередач, - рассказывала Элис.

- Авойе... – протянул Шалва, - как великолепно! Я и не знал!

- О чем? – переспросил Борис у друга.

- О том, что сии яйца называются динамическими гасителями колебаний.

- Они прежде всего символ жизни, - подбросил Сергей.

- Полезные для здоровья!

- А долго еще ехать до Дебрецена? - закрыла тему Манана.

- Долго, долго, - поддразнил ее вполголоса Шалва, - пока пульку не закроем!

- Да нет, уже не очень! – всмотрелась через переднее стекло автобуса в дорогу Элис. – Вот мы уже и въезжаем! – воскликнула она немного погодя. – В административный центр медье Хайду-Бихар, в один из крупнейших городов района.

-Что? Файду? – приложил ладонь к уху Шалва.

- Да, Хайду, - почти согласилась с ним Элис, - Происходит от слова «гайдук», по - венгерский «хайду». В Дебреcene проживает примерно двести тысяч жителей. Развито

машиностроение, обработка металла, химия, фармацевтика., швейное, пищевое, мебельное, кожевенное дело, - перечисляла Элис. – Есть университет, один из крупнейших в стране, медицинский, педагогический и сельскохозяйственный институты. Интересный и красивый, небольшой город, в чем вы сами вскоре сможете убедиться.

- Так, друзья, слушайте теперь меня! и внимательно, – взялся за свое дело Заза, - у нас есть два варианта пребывания в этом городе.

- Элис обещала поводить нас по городу, показать достопримечательности. Но можно самим выбрать себе досуг. Желающие могут пойти с нами. В любом случае встречаемся здесь, на автобусной станции через, скажем, три часа. Идет? – объявил Заза.

- Идем, - дружно ответила группа.

- Идиот, - вполголоса пробубнил Шалва.

- Да, что с тобой стряслось? – возмутился Денис.

- Видимо, алкогольная недостаточность» - предположил Борис. – Побаивается нас.

На самом подходе к автовокзалу Борис первым из группы заметил очередной советский автобус с надписью на борту «Россельмаш», отчего у него вновь, как и давеча, ярко вспыхнули глаза и он потерял покой.

- Ха, «группа захвата», смотрите у меня, чтоб без опозданий и глупостей! – предупредил Заза четверку друзей сбегавший, мимо него по ступенькам автобуса.

- Не бойсь, начальничек, все будет в порядке! – пообещал со смехом Шалва.

- Денис, присмотри-ка за ними, - поспешил взять гарантии Заза.

Желающих составить компанию Зазе и Элис оказалось не так уж и много, всего лишь Како и Лия, да и те вскоре улизнули.

- Видите, Элис, как они меня любят и желают моего общества! – воскликнул с горечью Заза.

- На силу мил не будешь, - на чуть ломаном русском, смеясь ответила Элис, - мне знакомо ваше чувство.

- Ну, раз у нас сходная участь, может быть перейдем на ты? - предложил Заза. – Рассказали бы немного о себе...

Элис улыбнулась, особенно нечего, в детстве и в юности мечтала о многом, а получила то, что есть.

- Вы не довольны?

- Как вам сказать? И да, и нет.

Они медленным, неторопливым шагом, шли по одной из главных улиц Дебрецена, начиная постепенно, всматриваясь друг в друга.

- Неплохо играла на фортепиано, танцевала, занималась спортом... Какими наивными мы бываем в юности!

- Да-а! И что же из мечтаний удалось осуществить?

- Очень мало, поверьте мне!

- А в чем предназначения человека в жизни?

- В том, чтоб реализоваться, наверное...

- Каждому по-своему?

- Да, конечно же, но для любой женщины, наверное, важно создать семью и растить детей.

- Я не решался спросить об этом, но раз уж зашла речь, как у тебя сложилась личная жизнь?

- Как сложилась? Да никак! Был парень в прошлом, из-за него ушла из дома, от родителей, хотя у нас здесь вообще, в отличии от вас, дети раньше уходят от родителей и сами устраивают свою личную жизнь, но все-таки хорошо, когда это происходит по-доброму, без ссоры. Обычно такие расставания, и не только с родителями, заканчиваются крахом. Человек теряет и тех, от которых уходит, и тех, к которым или к которому приходит. Последнее может быть только делом времени.

- А откуда тебе известны наши обычаи? – поинтересовался Заза.

Элис внимательно посмотрела на него и улыбнулась.

- Наслышалась от ваших, я ведь вашим гидом работаю уже не первый год.

- Ах, да, - спохватился Заза, - у нас и вправду, случается, родители всю жизнь заботятся и пекутся о своих чадах.

- По-твоему это хорошо?

- Во всем, что происходит вокруг нас, содержится одновременно и нет, и да. Что же стряслось с твоими избранником?

- А ничего! – отмахнулась Элис. – Пожили вместе года два и расстались, не сошлись характерами.

- Потеряли друг друга?

- Ну, в том начальном смысле, может быть, да, а так, когда встречаемся, здороваемся, порой даже перебрасываемся парой-тройкой слов.

- И не пытались связать свою судьбу с другими?

- Да так, было еще пару раз, но безрезультатно.

Проходили мимо детского сада. В теплую погоду! Детвору вывели поиграть во двор.

Остановились у ограды понаблюдать за детишками.

- Забавные!

- Да! Такими же, видимо, выгладим и мы взрослые. Со стороны ведь видней.

- И к тому же, если мы в гордыне почитаем себя умнее их, то они вправе счесть себя чище и лучше.

- Человек рождается обнаженным и счастливым, по образу и подобию Творца, а что же, - с грустью заметил Заза, - что же с нами делает жизнь?

- Не, жизнь, а мы сами, - усмехнулась Элис, - не надо сваливать на жизнь наши слабости и лень, нежелание всегда и везде следить за собой, бороться с самим собой. Этому мы предпочитаем борьбу с жизнью и с другими людьми.

- Человек устает от жизни, от ожидания, от несвершения!

Дети под наблюдением воспитательницы весело перетягивали канат, пока одна из сторон не рухнула наземь и не выпустила каната из рук.

- Вот и в жизни бывает так же, - подметила Элис, - все мы обречены на падение и падаем. Падение неизбежно, но одни падают с поражением, а другие с победой. И есть, повашему, разница?

- Да! Пожалуй, разница все-таки есть, Элис.

- Разве?

- Посмотри на того мальчугана, - предложил Заза, - как тщательно он это делает.

Симпатичный мальчуган не торопясь, обстоятельно вытягивал на длинной зеленой скамейке и перегибал в одну и в другую сторону стальной проволоочный прутик до тех пор, пока он в месте перегиба не переламывался. Половину отдал товарищу, внимательно наблюдавшему за его действиями и терпеливо ожидавшему своего куска, половину оставлял себе. Вскоре они занялись своим делом уже вместе.

- У них можно было бы поучиться, не правда ли, - улыбнулась Элис, продолжая путь вдоль ограды, - если бы не наша гордыня и слепота.

- Дети радость, это да! – согласился с ней Заза.

- У вас они есть?

- Всего. К сожалению, одна дочь, - грустно произнес Заза, - а могло быть еще, если бы не роковая ошибка, когда мы с женой решили вначале некоторое время пожить для себя, отказались от второго ребенка, ну, а теперь уже не дается.

- Да ну, еще все впереди!
- А женой дорожишь?
- Как сказать, сейчас важнее обязанности, которые вытесняют первоначальные чувства. Жить не можем мы теперь без дочурки.

- Вот видишь! Какое счастье иметь детей от любимых. Думаю, в этом мы сходимся с мужчинами, хоть нам и приходится труднее. Ну, почему? Так далеко не всегда! – горячо возразил Заза. – В вашей воле, кого осчастливить, а кого нет. Жена не первая моя избранница, до нее мне многие отказывали...

- Глупости все это, Заза! Мужчина при сильном желании и настойчивости может добиться любой женщины. Это лишь вопрос времени.

Разговор продолжился за чашкой кофе и пирожными.

- Ты разочаровалась в мужчинах, Элис?
- Нет, пока еще не совсем. Я все еще прежняя наивная дура и жду мужчину мечты, хотя определенное мнение у меня все-таки уже сложилось...

- Да... Любопытно, какое же? – впервые посмотрел в глаза Элис Заза и обнаружил вдруг, что они голубые и очень блестящие.

- Если вы будете так смотреть на меня, то я вам ничего не скажу, – смущенно отвела взгляд Элис.

- Ну, хорошо, хорошо, – рассмеялся Заза.

- В принципе я подразделяю мужчин на две категории, одни считают, что девушкам для полного счастья нужны деньги, а другие, что секс, представляя нас простыми, падкими на такие самками.

Неужели святое слово «любовь» стало всего лишь пустым звуком? Так мы скоро вымрем. Нет же среди нас нынче динозавров и мамонтов!

- Кстати, не знаю, как на счет мамонтов, но одной из причин вымирания динозавров называют то, что они перестали с чего-то ходить на свидания.

- Но куда же, куда исчезает любовь? Почему сначала она пылает так ярко и жаростно, а вскоре начинает задыхаться и гаснет?

- Видимо, потому, что мы вовремя не подкидываем дровишек.

- Но почему не подкидываем?

- Должно быть, ничего не может без Него. – устремил Заза взгляд вверх.

- Выходит, не сможем любить без Любви долго, если не до конца жизни?

- Возможно...

- Знаешь, не в обиду будет сказано, но мне казалось, что мужчины – люди с другой планеты, говорящие на другом внутреннем языке, и что разногласия с ними это помехи перевода.

- Счастье- бумеранг, который улетает и возвращается. Все поправимо, Элис! Просто женское сердце постоянно ищет праздника, а в обыденной серой жизни это не всегда достижимо.

- Я не могу простить мужчинам измен и обманов. Уходит - пусть уходит, это право мужчины, но оставаться до конца честным и правдивым перед ней он обязан.

- Говорят, истинному мужчине подобает повиниться, даже когда обидел не он, а она.

- О-о! Это хоть где-нибудь и с кем-нибудь бывает?

- Как мне нравится такие опрятные городишки. Посмотри, Како, какие симпатичные двух- трех этажные дома, с палисадниками и двориками, - не сдержала восхищения Лия.

- Тебя не поймешь, Лия, то тебе хочется жить в верхних этажах корпусов, поближе к небу, то приземистых домиках поближе к земле, - напомнил жене Како.

- Ты меня никогда не понимаешь. К сожалению, у нас таких красивых, ухоженных домиков нет, так что лучше уж в корпусах. А вообще дома, в которых живут люди, влияют на них правда?

-Ого, еще бы! Сам Федор Михайлович Достоевский писал, что низкие потолки и тесные комнаты теснят душу и разум человека.

- Почему бы и у нас в стране не строить такие домики?

- Ну, проблема многоэтажек, сама знаешь, проблема территории. К тому же у нас в деревнях тоже нет – нет , да попадают хорошие домики такого типа.

- Но не такие! А что, Венгрия гораздо больше нашей страны?

- Ну, здесь, конечно, просматриваются вкус, характер, обычаи, да и ты ведь не бывала ни в одном из них. Не знаешь, каковы они внутри.

- И впрямь! давай к ним попросимся.

- С ума сошла?! И на каком языке ты собираешься говорить?

- Да, - задумалась Лия, - нужно будет попросить Элис.

Автобус, готовый к отъезду, снова ждал трех недостающих членов группы.

- Опять нас подводит « группа захвата», - нервничал Заза..Ну, где же они , Сергей? Я ведь так просил не опаздывать. Неужели придется ехать в потемках?

- Подойдут, Заза! Вот-вот подойдут, - волновался и Сергей, поглядывая в окно.

- Понадеялся на Дениса, но и он меня подводит, - все больше раздражался, сколько же у меня в группе подводников?

Вскоре и вправду вдалеке показались трое друзей в сопровождении трех провожающих девушек.

- И как они успевают за такое короткое время? – недоумевал Заза.

Х

Он предложил, чтоб поднять дух отъезжающим, спеть что-нибудь свое, разное. Кроме всего остального, ему хотелось похвастать перед Элис и, больше того, поскорее показать ей свою группу хоть с какой-то положительной стороны. Пели всю дорогу, к концу пошли и танцы. Шалва с Борисом умудрились сплясать в узком проходе между сиденьями «шалахо». К ним подключились и другие. Шалва не без усилий, но вовлек в танец и Элис . Лучше и задорнее всех получилось у вновь образованного трио Дато, Гии и Мзии .

«Так значит могут быть хорошими, - констатировал Заза про себя, - а ведут себя черт знает как»

Когда подъезжали к городишке Сольнок, Элис принялась за дело и сообщила краткую, несколько суховатую информа - цию, перечислила предприятия, которых оказалось довольно много для семидесяти пяти тысяч жителей, наряду с машиностроительными еще и целлюлозно- бумажные, и пищевые, и сельскохозяйственные. Сообщила, что несколько дней мы проживем в гостинице «Пеликан». А завтра при желании можем поехать в обратном направлении на рынок,

о котором она упоминала и где можно что-то продать, если найдется.

- Ура! – дружно крикнула группа.

- Ну, ладно, поедем, - пообещала Элис .

- Ребята, попрошу вас вести себя культурно, - попросил Заза, - а теперь, десант, приготовиться к высадке!

Невысокая белоснежная гостиница « Пеликан», ярко освещенная мини прожекторами, сразу пленила всех яркостью и опрятностью, подбодрила и заметно подняла настроение.

Весь вечер расселялись, устраивались, бегали друг к другу, обменивались первыми впечатлениями о Венгрии .

Правда, вечер был слегка омрачен неприятным случаем в связи с тем, что Заза вынужденно поселил друзей –врачей Ваню и Котэ в разные номера.

Активнее всех протестовал Котэ.

- Так ты поступил с нами в Киеве, а теперь и здесь , - возражал он, - между тем, как мы согласились на поездку, чтобы побыть вместе, ведь после распределения мы попадаем на разные предприятия.

Недовольство нарастало, как снежный ком и втягивало в себя все больше людей.

«Поразительна забывчивость человека, - терзался Заза, - я все время стоял за вас горой, а теперь вы готовы переехать меня. Можно подумать, что это моя собственная гостиница и я лично распоряжаюсь номерами. Хорошо, хоть Элис уехала и не видит всей этой заварушки».

Первыми в защиту Зазы вступили Како и Лия.

- Зазу в обиду не дадим! – решительно заявили они.

Их поддержала «группа захвата», которая согласилась поступиться своей компактностью, ради восстановления мира.

Како в тот вечер гостил в номере Бориса и Шалвы, где проходила первая обстановка преферанса, сначала без участия Сергея, который задержался у себя в номере, предаваясь воспоминаниям и появился под конец.

Этот же вид отдыха избрал его сосед по номеру, уткнувшийся в толстушку венгр, с которым они общались при надобности с помощью улыбки, мимики – жестикуляции.

« Может , мне следовало остаться в Киеве», - думал он, вспоминая время, проведенное с Юлей.

Тепло разливалось по всему его телу и душе.

«Какая она все-таки нежная, чистая, кристальна и ...»

Он впервые встретил и познакомился с девушкой, которая так пленила, заморозила, «пригвоздила» его к себе. Его озадачивала таинственность, которая ее пронизывала .Она притягивала разумом, душой .

« А еще говорят, что привлекательные внешность и нутро не уживаются, тем более у женщин», - горячо возражал он кому-то в уме. Долго ерзал на постели одетый. Одолевали и сомнения, терзания. Он был и рад своему уединению в номере, и мучился от него. В голове что-то перекатывалось, не успевало вылиться в мысли, и он решил довериться бумаге, следствием чего явилось следующее послание:

«Юлечка, миленькая, прости меня за назойливость , но я не могу сейчас не писать тебе, и потому пишу, хоть и не знаю, отважусь ли послать тебе это письмецо или оставлю его себе на память. А может быть утром порву его и выброшу, как один из героев, одного известного рассказа Василия Шукшина «Два письма» , хоть аналогичный проступок был вызван иной причиной .Что касается меня, то я боюсь напугать тебя своей излишней чувствительностью, которая так порой вредит складывающимся отношениям и волны которой накатываются на мою душу с большей и большей силой, затягивая меня в свои воды. Извини, что пишу тебе на этом русском, но украинского не знаю, а дать письмо на перевод своему другу Борису не желаю. Извини меня за некоторые вольности, а также за то, что я это я, а не кто-то другой, но об этом попозже. Я очень признателен тебе за доверие ко мне и за твою искренность. Очень хорошо, что ты решилась на столь смелый поступок по отношению к малознакомому человеку. Обещаю, что ты не будешь разочарована в своих надеждах и ожиданиях. О многом хотелось бы тебе сообщить и поделиться, но не знаю, с чего

начать и как унять и упорядочить свои чувства , мысли и слова. Ловлю себя на том, что письменно это удастся мне гораздо лучше и полнее, чем в беседе. Я не умею говорить так, как пишу. И, может быть, потому сейчас решил и пишу. Обещаю быть до конца джентльменом по отношению к тебе».

«Но почему только по отношению к ней? – закралось сомнение. – А к другим? Нечего, каждый то, чего заслуживает», - отрезал он сам себя и углубился в самоанализ.

«Я готов учитывать все твои мнения и в то же время надеюсь на ответ. Юлечка, если бы ты знала, как я хочу, чтобы мы с тобой поняли друг друга. Я понимаю значение каждого слетающего с уст слова, хотя его не всегда удастся должным образом контролировать. Но тем не менее...Так что, в случае некоторых упущений и промахов, рассчитываю и на твою снисходительность и благосклонность.

Общеизвестно правило отвечать добротой на доброту и искренностью на искренность, поэтому искренне скажу тебе, что, когда общаюсь с тобой, то полагаю, что общаюсь с самим собой .

Я буквально поразились нашим совпадениям , как в социальном, так и в духовном , хоть по зодиаку и гороскопу мы полные противоположности, и, более того, я даже чувствую некоторую астральную связь.

Интересно, чем ты сейчас занимаешься?» .

Юля тем временем потешалась над своей наивностью и сама писала ему:

«Дорогой Сергей, вам, наверное, покажется странным, но я решила ответить вам на письмо, которого вы мне не писали и которого я не получала».

«Да выкинь его из головы, - вспоминала она громкие слова своей подружки, Светки, - он же кавказский и обманет тебя как пить дать. Уж не собираешься ли ты обменять своего Игоря на него?

«Как бы мне не хотелось ошибиться в вас, ошибиться в своих чувствах и расположении к вам, хоть я и знаю, почему в большинстве случаев молодые парни отправляются в столь дальние увеселительные путешествия, на охоту, за разной дичью, неважно, какого пошива. Но о вас я так не думаю, иначе бы не писала ответа на несуществующее письмо».

«Мне бы очень хотелось, во всяком случае, - продолжал свое послание Сергей, - чтобы вас не постигло очередное разочарование, хотя, признаться, гораздо большее ощущение того, что разочаровываются в тебе.

Что поделаешь, некие особенность, элитарность, глубина познаваемого сопровождаются порою паузами от разлуки или молчания... оборачиваются то обузой, то пользой, вопреки утверждениям, что молчание идеал общения.

Далеко не у всех хватает терпения, а то и времени до конца пройти коридор, лабиринт социальных тайн познаваемого, за которым, как правило, ищущего пилигрима ждет высшая для человека награда – радость человеческого общения и открытия, и в науке, и в жизни и в самом человеке. Всякий человек – своего рода уникам, мир, галактика, вселенная, и соприкосновение с обретенным в поиске новым, неизвестным и загадочным столь сладостное ощущение и духовное наслаждение, от которого трудно, а порой и невозможно отказаться. И не даром Бернард Шоу высказал уверенность, что обмениваясь яблоками, два человека, получают в материальном плане по одному, а в социальном - по два плода.

Я прекрасно знаю, как лжив и суетен всякий человек, - продолжала Юля, - что ни на кого. кроме Господа, полагаться и надеяться нельзя, но что же делать, если мы, люди, созданы друг для друга, для любви, добра, взаимопомощи, если с каждого из нас в день собственного Божьего суда спросить. что мы сделали друг другу и друг для друга. Молчание – золото, но ведь порой нас так тянет к молве,

считающейся началом всех зол, вопреки советам мудрых старцев, призывающих к спасению.

Как странно, не правда ли, что человек прямо-таки летит к своей гибели, при том, что силы добра настойчиво и усердно побуждают нас к спасению. Вы к сожалению, не бываете в церкви, а мы там затепливаем свечи, делимся огнем, то есть любовью, и от тепла она не оскудневает, а, напротив, все больше разгорается и от нее становится светлее и радостнее».

« Так уже сложилось в моей жизни, - продолжал тем временем Сергей, что по воле судьбы или по своей глупости я стал обладателем множества наград, грамот, дипломов, которые по правде говоря, не очень-то меня волновали, потому что самая большая радость души для меня есть и будет общение с друзьями и близкими, и чем его больше, тем настоятельнее потребность в нем.

Очень бы хотелось, Юля, обрести в твоём лице хорошего друга. О большем не решаюсь даже мечтать, зная, что такую красивую и добрую не может не окружать множество друзей и поклонников, так что далеко их искать тебе не приходится.

Извини, что занимаю твоё время, но надеюсь на настоящую, близкую дружбу. И прошу ещё об одном. Не судить по первому впечатлению, окно зачастую оказывается обманчивым. Напиши мне. Буду ждать».

Он отложил письмо, взглянул искоса на задремавшего над газетой соседа, осторожно потянулся и выключил оба настольника, соседский и свой, под неярким матовым светом с потолка, сложил письмо вчетверо. Подумал: «Если не встану сейчас, то усну, а ночью придется бодрствовать», поднялся, заправил постель, посмотрелся в ванной в зеркало и тихонько захлопнул за собой дверь.

«Поразительно, но людей отчего-то тянет обращаться к словам и мыслям выдающихся, незаурядных личностей, при том, что и те сознательно или подсознательно опирались на своих предшественников. Стало быть, первоисточник их сам Творец», - дописывала между тем свой ответ Юля. – Должна признаться, что хоть у меня много друзей, очень близких мне по духу, но, что-то таинственное и неведомое тянет к общению именно с вами и возникает надежда, что я не обманываюсь в своей надежде на наше взаимопонимание...»

« Может быть, не стоит писать об этом? – смутилась она в душе, но тут же утешилась, вспомнив: - Письмо-то я все равно не пошлю...»

«Знаю, знаю, как в начале желаемого общения каждый пытается показать себя с лучшей стороны, оставляя в тени, все негативное. Недавно я написала в стихотворении:

Когда проходит пик любви,
То на поверхность вдруг всплывают
Иные, худшие черты,
И нелегко порой бывает
Паденья знать своей звезды.

Она вдруг почувствовала страх перед тем, как бы не узнал об этих строках некий Игорь, и непреодолимую решимость порвать письмо, сжечь, развеять и забыть.

« С этим не шутят, Юля». – Послышался ей вдруг тихий голос из глубины души. Повинуясь ему, она снова обратила взгляд на письмо:

«На этом, пожалуй, я и остановлюсь, буду ждать от вас ответа. Ваша Юлия», задумалась, убрала слова «от вас» и букву «и» из своего имени и поставила в конце дату.

«Делать тебе нечего», - скажет ей позже ее подружка Света, услышав ее признание в «ответе» Сергею.

- О-о, - протянул Шалва, увидел входящего Сергея, - винц мовида, гаумарджос.

- Где ты, Серж, до сих пор, спал, что ли?

- Оставьте его в покое, он в отличие от нас делом занимается, - побил карты партнеров Денис.

- Каким? Что за дело? – удивился Борис.

- Он влюбился в ту хохлушку, помнишь? – рассмеялся Шалва.

- Сам ты хохлушка! – огрызнулся Сергей.

- Серега, роденький, выручай меня, - взмолился вдруг Како, - эти бесстыдники обыгрывают меня.

- Э-э, - протянул Сергей, - говорил я вам, Како, и советовал не связываться с ними, но вы меня не послушали, а теперь, как знаете.

- Как разве я тебе не помог, когда они лупили тебя в автобусе? – шутя, напомнил Како.

- Помогли, помогли, еще как, - согласился Сергей, - ну, ладно, так и быть, пойду к вам в болельщики, - подсел он поближе к играющим.

1. Приветствие тому, кто пришел.

Баталия продолжалась до поздней ночи. Сергей подглядывал в карты партнеров, подсказывал ходы Како. И все кончилось тем, что их с Како шутиливо отлупили и выставили за дверь.

- Вот так, Сергей, если мы, сотрудники Академии наук объединимся, то будем непобедимы, - пожал Како на прощанье, руку Сергею.

- Союз меча и орала, живыми не сдадимся, мертвых не возьмут, они нас не пройдут, - со смехом отозвался ему Сергей.

Гостиница и проживающие в ней погружались в ночную дрему и мглу.

XI

На утро следующего дня, ни свет ни заря ,свалилась, как снег на голову Элис . Спешно и суматошно приготовившись и нескоро позавтракав, туристическая группа отправилась на барахолку под городом Сольнок. Прихватили с собой кое-что, для продажи или обмена.

Обстановка на рынке для продавцов, так и для покупателей оказалась благоприятнейшей, если не считать одной детали . Продавцам нужно было платить за место за прилавком и за продавца – двадцать форинтов. Эта хоть и небольшая, сумма многих все-таки отпугнула, и потому за один прилавок по договоренности решили становиться по два, и товары, естественно, теснились и жались. Тем не менее торговля шла бойко, и первые же часы оказались очень успешными.

Помимо странствующих советских горе торговцев по рынку шастали и орудовали польские торговцы, не уступая лавров первенства случайным и попутным торгашам.

- Что это у тебя, друг, водичка? – поинтересовался у Бориса поляк из-за соседнего прилавка.

- Какая еще водичка! – возмутился Борис. – Это чача .

- А! Ча-ча-ча, - радостно пропел поляк.

- Да, ча-ча-ча, - понял его Борис, - хочешь, попробуй!

- Беври ар даалевино магас, ар мовквдес, - смеясь предостерег Бориса Шалва.

Борис ножичком осторожно снял с поллитровки пластмассовую крышечку, нацедил поляку грамм сто первача от двойного оборота.

- О-о, ча-ча-ча, - сразу заметил поляк колечки на поверхности прозрачной жидкости.

« Видно, знаток в этом деле, - подумал Борис, - разбирается».

- О-о, ча-ча, - отвел поляк нос от стакана, - зажмурился, затаил дыхание и залпом тяпнул остаток его содержимого.

- Фу-у, - протянул он, морщась, - хорош ча-ча!

- Да, хороший, хороший, вез бы я сюда дрянь?

Поляк кликнул своих корешей, которые и выкупили у Бориса всю водку по сто форинтов за пол литру. Денису удалось быстро продать свой монокль за четыреста форинтов. Заза выручил за часы « Электроника », которые ему продал Како, триста форинтов. Сто форинтов ему достались за банку растворимого кофе, и еще триста за сто сорока граммовую жестяную банку красной икры.

Дато и Гия за четыре тысячи форинтов продали электродрель.

У женской половины группы успешно шли полотенца как кухонные, так и ванные, разное белье и тряпки, золотишко под бижутерию.

Ребята удачно сбыли позолоченные и посеребренные приборы.

Шалва стоял расстроенный, к его разнообразным часам интереса не проявляли. В результате он оставил их со своей другой, мелочишкой и пошел разгуливать по рядам и свободной территории рынка со свисающим с шеи фотоаппаратом «Зенит Е» и, между делом, фотографировал сотоварищей за прилавками и лотками.

- Погодите, я- таки выведу этих жуликов на чистую воду! – хохотал он, обращаясь к Сергею, который из-за смущения за прилавком бросил товар на Дениса.

Группы торговали также кассетами от аудио магнитофонов « BASF » « TDK » « SONY ». Неплохо шли портативные стерео магнитофоны и стерео наушниками. Русико и Манана проявили богатый опыт, их очередная поездка оказалась для них очень прибыльной.

1. Много, не давай ему, кабы не помер. (груз.)

- И опыт, сын ошибок трудных, - процитировал Заза.
- Да, видимо, это их далеко не первая поездка или они перед отъездом запаслись ценной информацией, - предположила Элис.

Солидные женщины успешно торговали спортивными формами, сумками, ботосами от известных зарубежных фирм «Adidas», «Puma» и др. Шла разная обувь.

Элис с Зазой ходила по рядам и просто диву давалась.

- Заза, у них столько всевозможных товаров, что непонятно, на что им вырученные деньги.

- Вас учили, наверное, формуле товар-деньги-товар?

- Да, но, думаю, они с большим успехом могли бы обменяться друг с другом, разными товарами, совершить множество бартерных сделок.

- Ну, может, им хочется просто подержать в руках много иностранной, пусть даже венгерской, валюты.

- Но для чего?

- А об этом мы с тобой узнаем детальнее позже, я могу сказать: чтобы потратить их на время препровождения, разные другие покупки. Может, готовятся к Будапешту, ведь на границе, таможня обменяла всего по двадцать рублей.

- Ну, хорошо, скажем, но о каком времени проведении думают Русико и Манана?!

- А кто их знает! Они меня не очень слушаются, а ограничивать их в чем-либо, кроме противозаконных действий, не особенно хочется. К тому же у нас в стране такая вольная распродажа, не практикуется, а в ней, видимо, есть некая романтика, купи-продай, купи-продай! Человек по своему нутру торговец, купец. И, чтобы много купить завтра, надо много продать сегодня! Говорят еще, что деньги нужно делать не трудом, а деньгами.

- А ты разве не любишь заниматься этим делом? – поинтересовалась Элис.

- Ну, мне это как-то неловко и не по душе, хоть от лишних форинтов тоже не отказался бы.

Шалва успел пару раз щелкнуть их мило беседующими.

- О, молодец, Шалва, учти, одну фотографию мне, другую Элис, - попросил Заза. - Обязательно, - пообещал Шалва и подумал: горисполком в КГБ, чтобы знали, с кем ты флиртуешь и гуляешь здесь с иностранкой.

Походя он заметил, что неплохо шли командирские часы! Подосадовал:

«Жалко, уронил в унитаз»

На электротовары спрос все три дня был необычайный. Стеной шли утюги, электрические миксеры, кофеварки, электрические чайники...

На третий день сбыли и утепленные удвоенные валенки для подледной рыбалки.

Дито и Нино торговали в основном разной мелочью, марочным красным отечественным вином, растворимым кофе, запечатанной в баночки красной и черной икрой, по четыреста пятьдесят форинтов за жестяную, и по тысяче за пару стеклянных.

К концу третьего дня Шалве удалось загнать свой легендарный фотоаппарат «Зенит Е», за две тысячи форинтов, а до того отщелкать и проявить несколько пленок, на редкость удачных.

Денису и Борису с такими же своими фотоаппаратами расстаться еще не довелось.

Все три дня пребывания в Сольноке ушли на рыночную торговлю, а вечерами развлекались кто чем и как мог, в основном в гостинице «Пеликан».

Самым тяжелым выдался третий день торговли, когда у большинства членов уже не хватало ни сил, ни терпения в полупустую простаивать за прилавками.

- У нас и нашей страны скорее всего такое же будущее, как и у поляков, - предположил Сергей, - жизнь – торговля.

- А на сегодня Польша самая отсталая в Европе, - напомнил Денис.

- Это вам не Ленин в Польше, - подколот ребятам Шалва.

- Э-э, пусть разрешать покупать и продавать, и мы сами как-нибудь прокормимся, - подметил Борис.

- Даже если этим будет заниматься каждый? – спросил Шалва.

- Ты знаешь, какая будет конкуренция? – выдохнул Денис. – Это будет не Сольнокская барахолка.

У Дениса и Бориса, зато пошли тем временем в ход сигареты «ВТ» по сто пятьдесят форинтов за блок, при том, что Шалва проявил в этом деле дальновзоркость и потом выручал в магазинах до двухсот сорока форинтов за такой же.

Сергей продал пару баночек бразильского растворимого кофе за сто пятьдесят форинтов каждую.

- Верните мне мою электропилу для лесорубов или возместите мне ее убыток, - приставал со своими претензиями Дато и Гия.

Мзия торговала рядом с ребятами в основном женским бельем и фирменными туфлями.

Како и Мзия неплохо продали свой портативный цветной телевизор и видеоплеер с дистанционным управлением.

Вано и Котэ увлекались продажей электротоваров Кетино и Софико, кроме прочей мелочи, пытались сбыть, еще пару столовых и чайных сервизов, правда, с трудом и к концу третьего дня торговли.

Отвлечены были от торговли только Элис и Заза, который пристроил свой небогатый товар к Како и Лии. Сами же они провели эти дни, общаясь и наслаждаясь друг другом, совершая небольшие экскурсии как по городу Сольнок, так и близ и вокруг рынка.

Ко второй половине третьего дня рядом с Борисом появились новые продавцы, тоже поляки, которые предложили ему самогонку.

- Мы ее покупали у своих друзей. Попробуй, какая она вкусная и сладкая, - предложил новый сосед по прилавку.

- Так это же моя водка! Я ее продал в первый день торговли, - отпив, поразился Борис, - ча-ча!

- О, да, польская ча-ча, - подтвердил поляк, - хороши ча-ча-ча. Во!

- Во дают поляки, а?! Моей же водкой меня угощают, да еще выдают ее за свою!

Борис призвал к организованному экспромтом столу за прилавком своих друзей. Вскоре Шалва уже под воздействием то ли польской, то ли Борисовой ча-ча-ча бормотал что-то в туалете.

Только проспав несколько часов и подремав в автобусе игроки полностью оклемались и протрезвились, впрочем ненадолго, так как последним вечером в гостинице «Пеликан» города Сольнок, ребята собрались в одном из номеров за несколькими бутылками водочки и вина и нехитрой закуской.

Заза на приглашение отказался сославшись, что ему нужно проводить Элис до городского туристического офиса, где она ночевала все четыре ночи пребывания в Сольнок.

Вечер получился тихим, спокойным и прошел в веселой и интересной беседе без споров и эксцессов. Много фотографировались фотоаппаратом «Зенит», так и оставшимся у Бориса и Дениса. Правда, к концу посиделки не обошлись без кутерьмы.

В меру подвыпившие друзья из «группы захвата», оставшись под конец вчетвером, все никак не желали расставаться друг с другом.

Денис и Борис уговаривали Шалву и Сергея остаться ночевать в их номере, на диване или раскладных креслах.

- Нет, я хочу отдохнуть в своей постели и на своей кровати, - противился Сергей.

- И я, - поддерживал его Шалва.

После недолгих препирательств и уговоров Борис предложил обоим притащить свои постели с верхних этажей в их номер и переночевать последнюю ночь в городе Сольнок вместе, на что получили – таки согласие.

Сергей в последнюю минуту то ли забыл о своем обещании, то ли передумал, то ли вообще поленился, но, оказавшись в своем номере перед своей кроватью, с трудом скинул с себя верхнюю одежду, рухнул на постель и сразу провалился в глубокий сон.

Шалва, все же имевший за плечами гораздо больше опыта, сил и выносливости в таких делах, счел, что негоже забывать обещание, не без труда скатал свою постель в пухлый рулон, взвалил на плечо и отправился вниз.

Лифт вызвать ему не удалось.

- О-о, смотри-ка, какие важные, отключают лифт, видимо, чтобы туристы по ночам не бегали друг к другу, - предположил он, - вот недоумки, будто в здании нет лестниц.

Неторопливо под тяжестью скатка спускаясь по ступеням, потешался в уме над администрацией и сам не заметил, как натолкнулся на девушку и парня, который целовал ее в шею и в затылок.

- Ну, вот, - пробубнил он вполголоса, - а я что говорил!

Прежде чем заснуть, еще долго говорили, ждали Сергея, Денис утверждал, что вся наша жизнь, для каждого по своему «купи-продай», Борис полностью соглашался с мыслью Э. Хемингуэя о том, что вся наша жизнь постель, Шалва утверждал, что вся «наша жизнь игра», Сергей же во сне гулял с Юлей по набережной Днепра и уста его и душа говорили, что жизнь если не любовь, то ее неустанные поиски.

- Вся наша жизнь театр, - напоминал Заза известные слова, Элис, - и мы актеры в нем. Кто преуспевающие, а кто и незаурядный.

Утром следующего дня, готовя группу к отъезду из Сольнока, Заза, как наседка, сзывал «цыплят» по списку,

обходил номера, проверял, все ли на месте. Постучав, заглянул в номер Дениса и Бориса. Денис спросонья подскочил на постели, сначала даже не узнал вошедшего, протер глаза.

Протрезвил его, однако, холодно прозвучавший знакомый голос:

-Денис, у нас ЧП!

«Да на нем лица нет», - встревожился Денис.

- Точно, на нем нет цвета лица, - констатировал Денис в уме. – Какое же?

- Все на местах по своим номерам, а Шалвы не доищусь. Куда-то запропастился вместе со своей постелью.

- Не может быть, - неосознанно, как-то машинально прореагировал Денис. – Куда ему было деваться?

- не знаю, - испуганным, почти дрожащим голосом отозвался Заза.

Денис спохватился и покосился на диван. Заза проследил за его взглядом .

- Он что, ночевал у вас? – осведомился осторожно.

Денис легонько, но не без опаски кивнул головой.

- А где он сейчас? – изумился Заза.

- Не знаю, - пожал плечами Денис.

Заза бросился к туалету, но тут же обернулся и огляделся по сторонам, замерев и прислушавшись .

- Раз, два, три, четыре! Раз, два, три, четыре! – доносился с балкона негромкий голос.

Денис соскочил с кровати, резко раздвинул темно-голубые гардины, выбежал на балкон. Заза не спеша за ним. Шалва в одних плавках приседал, подскакивал, разводил и сводил руки, подсчитывал движения.

- Привет, начальнички! – весело приветствовал он Зазу и Дениса, - неплохое утречко рассвело, не правда ли? С морозцем!

Заза с удивлением и даже возмущением взглянул на Дениса:

- Чтобы через пол часа вся четверка спустилась к автобусу. Не то отъедем без вас, и разбирайтесь с ними сами. У мен нервов на него не хватает, - ринулся он к двери и со стуком захлопнул ее за собой .

- Конопатый подъем! – подошел к кровати Борис, - а ты, Шалва, давай собирайся, через полчаса сбор у автобуса.

-Что такое? Что случилось? – протянул полусонный Борис. – И что за спешка?

- Быстро, быстро, быстро! Борис, собираться. Надо сдать номер дежурным и – вниз!

На всякий случай позвонили Сергею.

Через сорок минут автобус в полном, без единственного исключения, составе, с возмущением дождался Шалвы, который замешкался со сдачей номера наверху и наконец, с опозданием на тринадцать минут, но, тем не менее, неторопливым шагом вышел из «Пеликана» с большой вещевой сумкой через плечо.

Заза хмурился, недовольно бурчал, но плюнул и решил не связываться перед дорогой и лишь без адреса напомнил, что семеро одного не ждут.

Неловко чувствовал себя почему-то только Денис, и позже он даже извинился перед Зазой за происшедшее ночью и утром. Извинение, впрочем, смягчило пыл Зазы, мир был достигнут и настроение поднято.

Автобус наконец тронулся, набрал понемногу скорость, стал быстро удаляться от белеющего уже «Пеликан» - а, в котором прошли чудные три дня и четыре ночи, и вдалеке уже и от уютного и милого Сольнока.

Автобус, вырулил на автостраду, взял курс на следующий город – Кечкемет.

XII

Туравтобус на большой скорости мчался по автостраде межраздольных, тронутых, снежком полей.

Внешне он, возможно, не многим отличался от других курсирующих по автостраде автобусов, но внутри его проходили события исключительно индивидуального, отличного от других, характеров, как, видимо, и в различных, схожих лишь наружно материальных телах в природе.

По пути мелькали здания и сооружения различных типов энергоактивности, ряды солнечных батарей, в основном установленных на крышах, ветряные мельницы.

- Какие практичные люди все-таки венгры, - удивлялась Лия, обращаясь к мужу, - как скрупулезно используют они энергию, так щедро дарованную им природой.

- Разве трудно и у нас устроить такую сеть энергоактивных зданий, - с сожалением отзывался ей Како.

- У нас в стране преобладают солнечные и ветряные погоды, - поясняла Элис группе, - поэтому грех не использовать то, чем мы одарены.

- А ты знаешь, я одно время занимался ими, - вспомнил Како.

- Да! И представь себе, мы даже разработали с ребятами небольшую научную тему по этому вопросу.

- И что же?

- А воз и ныне там, что касается финансирования и новых, интереснейших, проектов. Но как только дело доходит до практического использования предложений, тут же на пути встают препоны и непреодолимые преграды.

- У нас в СКБ то же самое, - покачало головой Лия.

- А представь себе, что экономия энергии достигает, даже зимой, в некоторых энергоактивных зданиях, чуть не до шестидесяти процентов. И установки со временем начинают окупать не только себя, но и сооружения, на которых устанавливаются.

- Ну, хоть попробовали бы. Удалось провести эксперимент, но не более, - расстраивался Како.

.....
- Не бери так сильно в голову эти выходки! – попробовала Элис утешить своего коллегу. – Древние мудрецы говорили, что как начнешь день, так его и проведешь. Наши дни что зерно на мельнице. Какое засыплешь в желоб, такое и будет, а стало быть, такую и выдаст муку.

- Просто обидно, Элис! Отношусь к ним со всей душой, и что же получаю взамен? Вот, пожалуйста, погляди, чем они занимаются, - показал он взглядом на четверку, захваченную возведением карточного домика на ровной поверхности дипломата. Домик складывали, потом доставали по одной карты из фундамента, накладывали и так до тех пор, пока домик не разваливался. Больше всего Зазу раздражали протяжные вскрики Шалвы, - авойе! – в критических для него ситуациях.

- Интересная и поучительная игра, - усмехнулась Элис.

- Да ну?! – удивился Заза.

- Ну, конечно же, - пояснила Элис, - нас часто раздражают не сами вещи и процессы, а отношения к ним. Посмотри на эту игру с другой точки зрения. Разве каждый из нас не делает то же самое в своей повседневной жизни. Не в игре, а на самом деле.

-Что же? - заинтересовался Заза.

- Строит карточные земные дома, то есть занимается делом, которое в один прекрасный миг, день обваливается и разрушается.

- Ты, Элис, проницательная, - задумался Заза. – Где и у кого ты всему этому научилась?

- Как, разве проницательность не одна из наших черт, да и мы, люди, постоянно чему-то учим друг друга, и вопрос только в том, хотим мы этого или нет.

- Да, но ведь не все оказывается приемлемым?

- А вот тут уже нужно действовать по принципу ковша речного экскаватора, который поднимает со дна грунт с водой и тиной. Ковш, зависая над рекой, выпускает через свою плотно сомкнутую челюсть все несущественное, ненужное и неважное, а основную, нужную массу оставляет в себе и переправляет в нужное место.

- Ну, то ковш, машина, а человек куда более чувствительное существо.

- Смотри на все проще, не исключено, что твоя реакция заводит их еще больше.

- Э, Дэн, что ты вытворяешь, вскрикнул Борис после неосторожного хода своего друга, - я твою бабушку Розу... Денис и впрямь изрядно повредил устойчивость карточного домика перед ходом Бориса.

- Она была не моя, а моего зятя, уточнил он.

- Все равно, - огрызнулся Борис.

- Ходи, давай и не ругайся, - призвал его к порядку Шалва.

- Я не ругаюсь, а ты вообще молчи и не высовывайся! С твоего неосторожного хода все и началось.

- Ходи, кому говорю! – видя, что Борис оттягивает ход, обозлился не на шутку Шалва.

Борис продолжал усмехаться в преддверии своего рокового и самого главного хода в партии.

- Вся наша жизнь игра, и мы в ней игроки, - усмехнулась и Элис, внимательно наблюдавшая за ходом игры.

- Ну, ходи же, пока я не достал свой кулак, - наседали Борис, не без колебания решил. Почти до конца вытянул длинными пальцами одну из карт в основании, но увязавшаяся за ней при выходе другая решила трагическую участь обрушившегося сооружения.

Борис долго возмущался, протестовал по поводу нечестности друзей в игре, а тем временем на дипломате выстроилась очередная, новая партия.

- Как ссорятся друг с другом! – удивлялась Элис. – Словно не все грузины. Не все?

- Надо же, и это заметила, - удивлялся Заза ее пронизательности. – Денис армянин, Борис – украинец, Шалва – еврей, а Сергей – грузин. Вот такая у нас страна разно национальная и дружная.

- Это хорошо, - заметила Элис, - у нас нет такого изобилия национальностей, мы венгры, мадьяры, составляющие почти девяносто восемь процентов населения.

- Да, но, - протянул Заза, - в конечном итоге мы все потомки Адама и Евы.

- В конечном итоге конечно, - согласилась Элис, - но Всевышний все же из-за гордыни и непослушанья людей разрушил выстраивавшуюся им Вавилонскую башню и развел людей по разным странам, хоть корни у них одни и те же.

Вскоре по настоятельной просьбе большей части женского контингента группы Элис провела небольшой урок венгерского обиходного языка. Кое-кто записывал отдельные слова и словосочетания.

- Керем – это пожалуйста, кесенем – спасибо, иген – понятно, нуитва – открыто, зарва – закрыто, фобос и чоколо – здравствуйте и привет, тешек – слушаю...

- Нет, это не по мне, - проронил Шалва, - армянский куда легче, - дружески кольнул он Дениса.

- Ха-ха, - усмехнулся тот, - вот новость! Конечно!

По окончании занятия Элис, попросила водителя Шандора включить по салону венгерскую национальную фольклорную и эстрадную музыку, которая очень пришлась по душе пассажирам, и не заметившим, что в скорее оказались у подступов к Кечкемету.

- Вот, дорогие мои и административный центр медье Баш-Кишсун, в междуречье двух наших самых больших рек, Дуная и Тисы, с населением в сто тысяч человек. Это центр района виноградарства.

- Да, виноградная лоза здесь тянется густыми рядами, - заметил Дато.

- Нужно будет распробовать винца с них, - подхватил Гия.

- Распробуем, распробуем, успеем, - уверил его друг.

- Этот ранее небольшой городишка, был застроен одноэтажными домиками сельского типа, разбросанными на десятках квадратных метров. Но в последнее время вырастает в большой и благоустроенный город с разнообразной промышленностью и, прежде всего,

машиностроительной и консервной. Из абрикосов, винограда и других плодов в нем вырабатывают вкусные компоты и соки, а так же венгерскую фруктовую водку – «барацкпалинку».

- У-у! – оживилась и загудела часть группы.

- Вряд ли стоило упоминать о последнем, Элис, - заметил Заза.

- Попробуем и скажем, чего она стоит, - выкрикнули Дато и Гия.

Автобус подкатил к одной из стоянок небольшого автовокзала.

- Так! Останавливаемся здесь всего на час и снова в путь, - командным тоном объявил Заза. – Ясно?

- Ясно-ясно! И понятно! – в один голос гаркнула вся группа.

Через час автобус взял курс на следующий пункт туристического маршрута – город Секешфехервар.

XIII

Под покровом шерстяного одеяла было тепло и уютно. Тела лежащих под ним тоже согревали друг друга, обмениваясь энергетическими полями.

В постели он любил ее больше, чем она его, но вне , все было наоборот.

Она ухаживала за ним, как за своим, маленьким ребенком, потакала его нраву, капризам и прихотям. Подбирала еду по вкусу, прибирала в доме.

Он же отвечал ей взаимностью и благодарностью за дневную заботу, ночью. Здесь он был лидером и властелином, а она покорной подвластной. Он любил эту женщину ,свою первую и последнюю, как ему казалось, привязанностью, как никто никого никогда , и готов был поступиться за нее даже жизнью.

Она любила поспать утром и частенько укоряла его за то, что он, правда вынужденно, но нарушает ее сон.

Он был ее первым мужчиной, и в общем-то не знал с ее стороны никаких, кроме шуточных упреков.

Но в это утро она первая заерзала, заметалась, то и дело поворачивалась с боку на бок, словно бы ее мучил, тяжелый сон и она тщетно пыталась отмахнуться от него.

Наконец он проснулся, протер глаза, всмотрелся в ее красивое лицо, потянулся к нему и осторожно поцеловал.

«О-о, Максим, - еще во власти полусна подумала она, - если бы все умели любить так чутко и бережно... Странно, - принимала она тепло его тела, мягкие, легкие движения, - вроде сплю, но мысль пробудилась. Впрочем, ученые утверждают, мозг, как и сердце, продолжает работать и во сне. По их подсчетам, он может оставаться свободным, не работающим, всего на всего, максимум три секунды, после чего его наполняют всевозможные мысли, одни из которых мы принимаем, другие отбрасываем, как не желанных мужчин, - улыбнулась она спросонья. – Наша свобода, видимо, проявляется в том, что мы принимаем, а что нет. Фейербах полагает: человек это то, что он ест и это, по всей видимости, распространяется на подпитку мозга, которую мы ей подаем. Все исходит из головы, все радости, успехи, страдания... Придется, видимо, встать. Забавная связь между мочевым пузырем и головным мозгом. И помогает и ... мешает». Он тем временем добрался до ее губ, коснулся их.

- Фу-у, Максим, ладно тебе, пойди прочь! – легонько оттолкнула она его.

- За что?- недоуменно пробормотал он.

Она замерла. На нее с жалобным вопросом глядел огромными глазами серый кот. Помедлив и подождав, он, повинувшись ее воле, неохотно, но, поднялся с постели.

Она откинула одеяло, некоторое время, полежала в теплой ночнушке, все еще с закрытыми глазами. Почувствовав холодок, вздрогнула, открыла глаза, сунула ноги в теплые тапки, накинула мягкий халат.

- Максим, поди к себе, - попросила умоляющим тоном, - дай еще немножко поспать.

Он быстрым движением спрыгнул на пол и отправился досыпать на диван, не далеко от кровати.

Она, увернувшись в одеяло, зажмурилась, но уснуть не уснула, подождав, открыла глаза и взглянула на большие настенные электронные часы.

- Еще пол часика подремлю, - заметила про себя с удовольствием. Но мысли лезли и лезли в голову, не давали отдаться сну, и она поняла тщетность своей затеи.

- Господи, помоги отринуть суетное и земное...

Но и мольбы оказалось недостаточно.

Она чуть слышно напела мелодичное духовное песнопение.

Невидимая, внутренняя преграда вскоре рассеялась.

- Навязчивые мысли – итог неверной духовной жизни.

Борьбы с ними никому не избежать, но бороться нужно исповедью и покаянием.

Ей вспомнились слова основателя монашеской жизни святого Антония Великого: жизнь человека – это лестница, ведущая к духовному совершенству, и на ней невозможно стоять, но нужно либо подниматься вверх, либо спускаться вниз по ней. Блажен восходящий человек.

На душе ее стало теплее, и уже легче было переключаться на земные дела и думы. Всплыли минуты совсем недалекого прошлого, которые ей довелось провести с еще не очень хорошо знакомым молодым человеком из далекой солнечной Грузии.

Она вдруг почувствовала, как словно с новой силой ее потянуло вниз, всплыло ощущение первого в ее жизни и прощального поцелуев, когда она долго стояла в изнеможении и удивлялась его смелости, а то и наглости.

Ведь ее поклонника Игоря, несколько, на два года старшего, по возрасту, к этому не привели и несколько последних лет ухаживания за ней.

« Кто смел, тот и съел?!» - подумала она невольно.

Опять, опять мысли бегут, куда не следует.

Она нехотя встала и направилась в гостиную. Лучи утреннего зимнего солнца легко пробивались сквозь просветы меж рассеянных и гонимых слабым ветерком сероватых облаков, достигали самых дальних углов. Юля с радостью направилась на встречу с ними.

« Опять неблагоприятный ветер, - подумала она, - все дует и дует. Ладно уж! Говорят, радиоактивные облака совершили не один круг над земным шаром. И сейчас, как саркофаг, служат некоторой помехой радиации, хоть все же и пропускают сквозь себя немного лучей солнца.

Она вышла на балкон, ощутила там прохладу, подошла к окну и только тогда заметила, что спугнула пару сизых голубей, лакомящихся на подоконнике крошками от вчерашнего вкусного подарка Юле.

« Птицы индикатор жизни, - подумала она, - они чувствуют радиационную обстановку лучше, чем люди, и видимо, вряд ли остались бы в городе, если бы в нем нельзя было бы оставаться.

Она украдкой посматривала на негреющее зимнее солнце, погружалась и обливалась им, впитывала, как земля струи дождя после долгого зноя.

« Каждый день нужно проживать, как последний. Хорошо жить с мыслью о смерти... А может быть, все же лучше без нее? Каким беззаботным и не тревожным было время до катастрофы. В сердце Европы взрыв много сильнее Хиросимы и Нагасаки! И задел не только нас».

Она отошла от окна, и вскоре до нее донеслось легкое постукивание клювиком о наружный подоконник. «Опять прилетели! Но сегодня почему-то не воркуют. Видно не до этого. Интересно, зимой им не холодно?»

Она восхищалась морозоустойчивостью своих комнатных цветов, зимовавших на окне в лоджии, и вдруг послышалось бульканье набегающих в отсеки радиатора, потоков горячей воды. Она подошла, коснулась радиатора над паркетным настилом у широких окон лоджии.

«Пока еще только, - констатировала, - только наполняется. Если б еще и светились, как солнце!»

Понемногу она пересиливала желание поспать немножко еще. Ей и прежде приходилось урывать минуты у утреннего сна, чтоб провести их в лоджии, наедине с пробуждающейся природой и своими мыслями. Многие поэтические строки проливались в ее сознание именно в это время.

« Говорят, настоящее искусство это танец на краю пропасти. В тревожном ожидании конца поют не только лебеди, но и люди, хоть для этого им нужно еще и перебороть в себе страх. Ей в этом помогала древняя мудрость: делать то, что тебе следует делать, а там будь, что будет».

Вот уже, на расстоянии почуяв запах корма, к окну подлетели и, нахохлившись, зачирикали прозябшие воробьи. Не без труда и благодаря лишь своему проворству удалось ненадолго отвоевать у голубей место на подоконнике и свою часть утренней трапезы.

Гонимые прожорливыми голубями они то и дело отлетали и вновь подлетали к подоконнику, и рассыпанным по нему крошкам своей трапезы.

Юля стояла у окна, вслушиваясь в нарастающий гул пробуждающейся жизни своего родного города.

- Пора, - велела она вдруг себе, определив время по движению солнца вверх, к определенной отметке, покорно покинула лоджию, плотно прикрыла за собой дверь, осторожно приотворила другую, взгляделась в старушку, наклонившуюся в кресле над резво снующими спицами. Та подняла на вошедшую взгляд поверх старых, больших, оптических очков, Тс-с, - приложила палец к губам, указывая в сторону спящей матери Юли. Юля вошла на цыпочках, поцеловала бабушку, расправила и внимательно всмотрелась в плоды ее усилий, отозвалась на предложение примерить почти готовую обновку, чуть не завизжала от радости и удовольствия, уловив свое отражение в модной пунцово-красной шапочке. выбежала прямо со спицами и клубком в переднюю с высоким зеркалом, замерла перед ним.

- Ну, ступай одевайся, - приняла обратно вязание бабушка, - а я еще немножко повожусь.

- Но мне хочется посмотреть и поучиться, - медлила Юля.

- Да что тут учиться! Главное во всяком деле желание, усердие и любовь!

- Любовь, любовь, во всем любовь! Никуда не сунешься без нее. Магический ключ, открывающий все двери на жизненном пути людей.

- О-о, – протянула бабушка, - это единственное, ради чего стоит жить и живет на свете человек. Вокруг оси любви вращается земной шар, галактика, жизнь человека, его отношения с окружающим миром. И она, как солнышко, греет каждое сердце.

« Каждое сердце...» - опустила она взгляд, пытаясь утаить набегающие слезы. Впервые ощутила их слабость, поняла суть и сущность слов, сладкие слезы. Страстно и жадно

убедилась вдруг, что желала продлить эти минуты на всю жизнь и даже вечность.

- А-а, опять воркуете? – вторгся в ее душевный порыв голос прорывшейся матери.

- Да, вот, решила сделать ей сюрприз, да не успела закончить...

Разговор набирал силу, все глубже проникал в слух, отгоняя ее давешнее блаженное состояние. Пытаясь защитить и продлить его, она не сумела сдержать рыданий и опрометью бросилась к себе в комнату, уткнулась лицом в подушку, усилием воли подняла голову, взглянула на икону спасителя.

- Прости меня, Господи, отведи от меня грех, но ... я полюбила его ... - Мольбу перебил внутренний голос : « А как же твой Игорек?» Он ведь богатворит тебя... вот уже несколько лет...

- Люблю, люблю конечно, и его... но по другому.

- Что с тобой? – скрипнула дверью и подошла к ней, уже немного успокоившейся и поглаживавшей кота, мать.

- Ничего ... Ты все равно не поймешь ...

- И все же?

- Потом ... Ладно?

Мать, некоторое время, молча, задумчиво вглядывалась в дочь:

- Не обращай внимания на то, что говорит тебе бабушка.

Мало ли ... ей под восемьдесят.

- Она ничего такого не говорит. И вообще дело не в ней.

- А в ком?

- Во мне.

- Тебе нужно помочь?

- Мама, потом, когда-нибудь, при случае и настроении.

- Ладно, - коснулась мать ее волос, - только не делай мне больно.

- Да, мама ...

Перебив после завтрака посуду, она оставила бабушку и мать у телевизора и направилась к себе. Повозилась с котом, послушала легкую классическую музыку, невольно углубилась в воспоминания. Все они около или прямо подводили к Сергею. Она подошла к настенному календарю, отметила еще один прожитый день, несколько раз пересчитала количество оставшихся до его возвращения в Киев из Венгрии.

О том, что, будет после его отъезда в Тбилиси, сейчас она думать не хотела, и лишь ждала их очередной встречи здесь.

Пытаясь уснуть, полистала книгу со своими любимыми стихами, набросала что-то свое ...

XIV

Красота вольно раскинувшихся полей среднедунайской равнины приковывала взгляды проезжающих на комфортабельном автобусе к сердцу территории Венгрии.

- Да-а, - вырвалось у Дито, - хорошо бы приехать сюда летом, когда все цветет и благоухает.

- Но это, видимо, придется сделать без меня, - предположила его сестра Нино.

- Ну, почему же? Поживем, увидим. Согласись, что какую-то общую идею, пусть даже в минимальной дозе, студентам все же дать надо, иначе из них не выйдет полезных и счастливых членов общества, - переключился Дито на другую тему. – Профессия, оторванная от окружающего реального мира и времени, непродуктивна.

- Но, с другой стороны, нельзя забывать, что, если хочешь быть счастливым и добродетельным, не стоит все обобщать, - напомнила ему сестра, - в некоторых случаях приходится держаться и узких частностей. Общие идеи порой оборачиваются неизбежным интеллектуальным злом. Не философы, а простые люди составляют основу общества. Вот, пожалуйста, пример – наша группа. Оглянись, подумай, кому нужна твоя философия.

- Ау-у, - протянул Шалва вполголоса, - опять брат с сестрой философствуют. Наперекор соседям-философам он принялся громко рассказывать разные забавные истории и анекдоты.

- Нравственное воспитание должно основываться, прежде всего на понимании и любви к мудрости, мышлению, и их следует прививать человеку с раннего возраста. Родители, как правило, едва доводят свою задачу до конца и с готовностью передают эстафету нам. Их влияние на своих чад при этом начинает ослабевать, а наша постепенно возрастать. После нас, преподавателей вузов, должен следовать крутой

взлет вверх, в небо жизни, чтоб самим стать навигаторами, выбрать путь и следовать ему.

- Мозг рассуждающий, желающий, решающий состоит обычно из того, что мы в него вложим и дадим стимул вложить в него другим. Все люди принадлежат не только себе, но и всем.

- Здесь настойчиво всплывает вопрос об уровне поисковой активности или, как я его люблю порой называть, душевного комфорта, - продолжил свои суждения Дито. – Поисковая активность, успешно проявившаяся в какой-то одной сфере деятельности, начинает распространяться и на другие. Разносторонне обычно проявляют себя подлинно творческие личности.

- Но не стоит, видимо, забывать и совета Ротенберга: никому ничего не навязывать, не оставляя права выбора, иначе может снизиться уважение и к навязывающему, и к навязываемому.

- О-о, - протянул Дмитрий, молодец! Это нужно делать чрезвычайно осторожно. Но все же я считаю правильнее по пути становления, формирования и развития личности идти от общего к частному. Не решив общего, не решишь частного. Да и сам великий вождь мирового пролетариата предостерегает от обращения к частным вопросам, не разобравшись в общих, чтоб не набивать себе каждый раз лоб.

- Как интересно! А как быть с догматом развития от единичного к общему, от менее сложного к более сложному? – возразила Нино. – Разве это не встречное, противоположного направления движение?

- А это разные вещи. Потому и движение противоположное. Нино прищурилась в знак несогласия.

- Да, да, - подтвердил Дито, - одно другому не противоречит, потому что это совсем разные вещи, пусть даже если в некотором роде и взаимосвязанные. Это как движения по автостраде, в одно и то же время и общее, и разное, встречное, противоположное. Но неизменно и незыблемо лишь одно, как утверждает М.К. Мамардашвили: чтобы оставаться живым, требуются непрерывные усилия, иначе личность не формируется.

- Это, конечно, неоспоримо, - согласилась с ним Нино, - но не каждому под силу.

- Почему же, ведь творец дает всем равные шансы.

- Но разные способности и таланты.

- Но, на то мы и существуем, чтоб дополнять друг друга.

- Ой, Дито, будет, у меня разболелась голова, - попросила Нино, - я поехала, чтоб расслабиться и отдохнуть, а не слушать твои утомительные лекции.

- Погоди-погоди! Хочется вспомнить еще и Л.Н. Толстого, которому воспитание представлялось сложным и трудным делом только до тех пор, пока, не воспитая себя, силятся воспитывать других, своих ли детей, учеников, студентов, кого бы то ни было ... Осознав что воспитывать других можно только через себя, воспитывая себя, убеждаешься, что вопрос о воспитании упраздняется и остается основной вопрос жизни: как жить самому.

- О-о, вот это, пожалуй, и впрямь самый главный и важный вопрос, который каждый решает для себя по-своему, - согласилась Нино.

- А сама ты его решила?

- На эту минуту да, - подтвердила Нино, - я на время ухожу от тебя в конец автобуса, - направилась она к одному из задних свободных сидений, где базировался, костяк группы, женщины, Русико, Манана, Кетино и Софики.

- Женщины могут полюбить философию, но не философов, - вздохнул ей в след Дито.

- Заза, предлагаю сыграть в фантики, - нарочито громко предложил Шалва.

Гид сделал вид, что не слышит.

- Что такое фантики? – полюбопытствовала Элис.

- А? Вроде игра такая, - отозвался ей Заза, - в некий приемник закидывается что-то из мелких вещей – фантиков, каждого из играющих, а потом обладателям предлагают выполнить выпавшее на долю их вещички действие.

- Любопытно! Попробуем?

- Вот так, - констатировал Дмитрий, - прав был Томас Эдисон: человек готов пойти на все, лишь бы избежать умственных усилий, за что впоследствии получает по заслугам.

Все, за небольшим исключением, быстро подыскали себе фантики и передали Зазе, который, в свою очередь, добавив свой фантик, протянул их Элис.

Элис перемешала фантики в дамской шапочке, накрыла ее своим шарфом, и вскоре выявились первые исполнители.

Репертуар и жанр выбирали разный – стихи, песни, танцы, выкрики, прыжки...

Шалве, выпало выкрикнуть, что он осел и потому непрерывно ревет.

- Верните мне мою электропилу для лесорубов, - требовал Дато, подчиняясь своему фанту.

Шандору, водителю автобуса, пришлось в течение пяти минут на ходу непрерывно сигналить, за что он был оштрафован нагнавшей автобус машиной автоинспекции.

Не успев еще вытащить очередной фантик, Шалва неосторожно выкрикнул:

- Следующий фант пусть поцелует Элис.

Элис смутилась, слегка покраснела, замешкалась с фантом. Наконец вытянула, осторожно разжала кулак.

Заза оторопел, узнав свой фантик.

- Ох, и повезло кому-то, - раздался голос из салона.

- Ну, ладно ребята, кончаем игру, закругляемся! – в свою очередь смутился Заза.

- То есть как? – запротестовали все разом. – Нет уж, раз начали, доиграем.

- Я сказал, хватит! – строго повторил Заза.

- Ты что, испугался? – потупившись, спросила Элис.

- Чего? Кого? – заплелся у Зазы язык.

Да меня. Не бойся, я тебя не съем. Это ведь просто игра.

- Заза, Заза, Заза! – скандировали в салоне.

Заза помялся, но решился и слегка прикоснулся к губам Элис.

- Вот не знала, что грузины не умеют целоваться, - улыбнулась она.

Заза зарделся, попятился к свободному креслу, где еще давеча рядом с Дмитрием сидела Нино:

- Ты парень, Дито, что не согласился играть в эту, с позволения сказать, игру!

- Говорят, умный всегда находит выход из создавшегося тупика, а мудрый никогда в него не попадет, - не возражал ему Дито.

В следующей игре, «холодно, тепло, горячо», Заза участия уже не принял.

- И все же дорога утомляет, не правда ли, Русико? – поделилась своими ощущениями Манана.

- Конечно, - согласилась с ней подруга, - но энергия, бодрость, задор молодых заряжают и возвращают в то недалекое прошлое, из которого мы пришли к сегодняшнему дню.

- Как быстро и как медленно течет время!

- Да-а ...
- И ничего ошутимого, кроме воспоминаний, не остается.
- Нет, ну почему же ...
- Ай, оставь, ради Бога, Руса! Кто нас во что ставит, - пожаловалась Манана, - ради них и их детей и поехали в такую даль, а так-то, что мы в Венгрии потеряли. В свою деревню не могу съездить вот уже несколько лет.
- Мы для них, а они для нас, такова жизнь, « It life,» как говорят англичане, и ничего не поделаешь. Радость общения с детьми тоже немалый дар Всевышнего.
- Да, это да, но все равно, мы были по отношению к своим родителям совсем другими.
- Известная проблема родители-дети ...
- И все же упорна человеческая слепота, - продолжал тем временем Дито внушать своему гиду, беседуя об уровнях человеческих душ. Глубокий интеллектуальный обморок преследует каждого из нас. Верченье мыслей без ответа – это и есть труд жизни. Новый светило философии Мамардашвили оценивал людей по уровням души и, как певцам ставят голос, ставил людям мышление. Переживания человека оцениваются по степени слепоты. Антонио Гаме правильно подметил, что пессимизм интеллекта есть оптимизм воли. А Марсель Пруст утверждает, что жизнь – это усилие во времени. Мераб Мамардашвили был человеком любви, он больше давал, чем получал, и всегда посылал друзей к друзьям, знакомил их. Философ существует не для того, чтоб создавать, а для того, чтоб сохранить в человеке способность мыслить. Осознанно, не осознанно, но мы выбираем, анализируем почти все – жизнь, так в настоящем мы куем свое будущее.
Автобус, набрав скорость, летел по гладкой и мягкой автомагистрали, увлекая в глубь страны группу туристов, людей разных по интеллекту, воззрениям, полу ... Разное было в одном и одно в разных, но все они были детьми своего времени, своей отчизны и своей планеты, но каждому выпало и предстояло пройти свой путь своей жизни, и нынешнее их единство, как и единство вообще, было условно, временно релятивно. Мелькнул момент, когда все разом испытали сходное, сроднившееся всех чувство

1. It life – это жизнь.

утомления, отрешенности, но тут же каждого потянуло к своему, кого к отдыху, кого ко сну, кого к уединению в самом себе.

Не имели права на отстранение лишь водитель Шандор и венгерский гид Элис, спокойно беседовавшие по-венгерски. По пути к Секешфехервару сделали несколько привалов. Самым долгим оказался отдых на подступах к Будапешту. Заза позволил группе размяться, пройтись по улицам предместья, подкрепиться, сделать легкие покупки, в основном обзавестись сувенирами.

Заза, смущенный давешним случаем, сторонился Элис и примкнул к Како и Лици.

Элис вначале осталась в автобусе с Шандором, но потом согласилась сопутствовать Русико и Манане.

Вернулась группа в автобус перед самым отправлением, с зарядом бодрости и в приподнятом настроении.

Оказалось, что во всех торговых точках города, сдачу, за недостатком мелочи, выдавали коробками спичек и презервативами, поштучно упакованных в пестрые упаковки.

- Разве у вас их в продаже нет?

- В продаже да, но в аптеках, и почти скрыто. Но, в магазинах вместо сдачи? Нет! Ведь это провоцирует, в особенности молодежь, к несдержанности, нескромности, - запальчиво отвечал ей Заза.

- Ну, почему же? – изумилась Элис. – Разве любовь нескромна?

- Не любовь, а секс? Покраснел Заза.

- А разве секс не составная часть любви?

- И потом это сплошная желтая пресса по всюду, - продолжал возражать Заза.

- Но к этому привыкаешь. Так реагируешь только в начале.

- А разве это не трагедия?

- Кто как смотрит на вещи! У нас полагают, что предохранение молодежи средство гораздо более эффективное, чем пропаганда воздержания. Она, как правило имеет обратный эффект. То, чего нельзя избежать, лучше перетерпеть с минимальными потерями.

Въезжали в город уже вечером, с наступлением сумерек. Шандор включил фары и слегка святящиеся приборы на водительской панели. По салону плыла легкая мелодичная венгерская музыка.

- И так, дорогие мои, - провозгласила Элис своим звонким голосом, - вот мы и въезжаем в Секешфехершвар,

административный центр медье Фейер, в котором проживают больше ста тысяч жителей. Они развивают здесь машиностроение, алюминиевую и кожгалантерейную промышленность.

Секешфехершвар один из наиболее быстрорастущих городов Венгрии, он расположен близко и к столице, и к промышленному комплексу среднегорья. Это соседство побудило к выпуску автобусов. Здесь работает филиал будапештского завода «Икарус», специализирующийся также на телевизорах и электронно-вычислительной технике. В XII-XIII вв. Секешфехершвар, по-латыни «Альба Регия» был столицей Венгрии. В его центральном соборе захоронено большинство венгерских королей времен до турецкого нашествия, после которых от древней Альба - Регии сохранились лишь руины – музей под открытым небом «Парк руин».

- Почти как наш Мцхета, - вклинил в сообщение Элис неугомонный Шалва.

- Постоянно ведутся раскопки, дающие интересные результаты.

За годы народной власти, город далеко вышел за старые границы и украсился прекрасными зданиями современного архитектурного стиля.

- Народная власть – самая гуманная и справедливая, - воскликнул Шалва.

- В этом городе мы проведем три ночи и два дня, - продолжала Элис. – Побываем на руинах романской церкви XI в. Осмотрим готическую капеллу XV в. Посетим барочную церковь кармелитов середины XVIII в. Насладимся прелестями фресок Ф.А. Маульберча. Может быть, успеем осмотреть дворец епископа и дома облсовета начала XIX в. в стиле классицизма. Словом, нас ждет много очень интересного, неизгладимое впечатление на долгие годы.

- Короче, Склифасовский, - не удержался от реплики вполголоса Шалва.

- Поживем, увидим, - поддержал его Борис.

По салону волной прошлось оживление, когда автобус подкатил к одной из лучших гостиниц городка.

Вскоре усталые путешественники выправляли формальности, Элис вела переговоры с администрацией, а потом и с Зазой. Условились, что уже утром она приедет, чтоб приступить к экскурсионным поездкам.

- Спасибо, Элис, - поблагодарил Заза.

На прощанье смущенно обменялись поцелуями в щечку.

Вечер в номерах прошел относительно спокойно. Сказалась усталость от долгой убаюкивающей дороги.

Вечер следующего дня оказался куда живее и продуктивнее. У членов группы появилась дополнительная возможность общения и обмена впечатлениями по поводу проведенного дня и посещения некоторой части из тех достопримечательностей о которых предварительно заявила Элис еще вчера в автобсе.

После осмотров достопримечательностей обменивались впечатлениями, перекинулись в преферанс.

Сергей, как и в большинстве случаев, был лишь вольным наблюдателем и, пользуясь тем, что игра носила в основном дружеский характер, отпускал легкие шутки, за что получал соответствующий нагоняй от играющих.

Заза, восстановив, утраченные за время поездки и утомительного дня силы, смотрел в холле гостиницы футбольный матч.

Вано и Котэ отважились спуститься в кафе-бар, где вскоре появились и уселись за столик рядом их сверстницы Кетино и Софики, то и дело косились в их сторону.

- Нужно все-таки подойти к ним, Котэ и пригласить, - немного неуверенным тоном предложил Вано. – Неудобно ... Как-никак члены одной группы. Нужно с ними познакомиться поближе.

- Но хотят ли этого они? – возразил Котэ. – И не ждут ли они здесь кого-нибудь?

- Но кого, Котэ, венгров, что ли? Во-первых, они не знают венгерского, да и потом ... в этой глуши?

Ну, знание языка не совсем обязательно, если встреча желанна. К тому же это могут быть не венгры, а ... скажем, англичане.

- Ты смешишь меня. Но ладно, пусть будет по-твоему, будем держаться стороной, - согласился Вано, - но я считаю, что невежливо не отзываться на желание дам познакомиться поближе.

Ребята медленно потягивали шампанское, погружались в мелодию, охватывавший полутемный под бар, слабыми огнями светомузыки. Выложенный цветными стекляшками небольшой светящийся шар в центре потолка усугублял таинственность.

- Обрати внимание, она на тебя посматривает, - заметил Вано.

- Кто?
- Кетино, что ли, ее зовут.
- Ну, и что?
- Как что? – не выдержал Ваню. – Оставайся здесь один, а я пересяду к ним.
- Ну, как знаешь!

Ваню поднялся, замедлил шаг у соседского столика, приветствовал девушек, перебросился парой слов, тут же обернувшись легкой беседой. По всей видимости, повел он ее в нужном русле, так как вызвал сначала улыбки, а потом уже и смех, за которым последовало разрушение, можно сказать приглашение подсесть, побудившее его подать знак другу, который нехотя, неторопливо поднялся с места и шагнул с бутылкой шампанского к только что завоеванному отважным предшественником, столику.

- Ну, вот и молодец! – бросил на встречу ему Ваню, - девочки свои и не кусаются. Правда, девочки?

Кетино и Софику улыбнулись и чуть-чуть покраснели.

- Эта Кетино или Кет, а эта Софику или Софа, - знакомил Ваню усаживающегося друга с девочками.

- Да, я уже знаю.

- Вместе веселей, а то мы держались как-то особняком.

Девочки улыбались и запивали кофе шампанским из высоких, тонких бокалов.

- Люди стали бояться друг друга, - качал головой Котэ, - предпочитая рискованным знакомствам ограничения и воздержание.

- Да уж, время такое, - согласилась с ним Софику.

- И потом многие общаются только со своими, и как их раскусить и понять? – поддержала подругу Кетино.

В девушках и в самих проглядывали, кроме желания сблизиться и общаться, некоторая закомплексованность и настороженность.

- И так, за углубление нашего знакомства, - провозгласил вскоре Ваню, и все чокнулись и отпили по несколько глотков живительного напитка.

Ваню заказал еще пару бутылок шампанского, немного пирожных, шоколада и кофе.

- Жизнью порой правит случай, - продолжал Ваню свой тост, - в конце то концов мы и созданы, чтоб духовно обогащать, знать друг друга. Мы с Котэ медики, а вы, простите, кто по профессии?

Кетино и Софику переглянулись.

- Я экономист, работаю в банке, - улыбнулась Софико, - а Кетино физик-ядерщик.

- О-о, - протянул Ваню, - мама мия! Вот вляпались мы с тобой, Котэ, - пошутил он.

- И что же девушку на физику потянуло?

- И как вы друг друга нашли?

- А мы бывшие одноклассницы, с детства вместе по жизни шагаем ...

- Это же прекрасно! – восхитился Ваню. – И все же каждый блуждает по лесу своей жизни один ...

- И в то же время, как утверждает известный психолог Рубинштейн, - первейшее из первых условий это другой человек и сердце человека соткано из его отношений к другим, - несмело включился в беседу Котэ.

- Ого, молодец, дружище, - похвалил его Ваню, - тем не менее я считаю лучшим из существующих определений человека формулу М. Бахтина: человек не равен самому себе.

- Обстоятельства порой поработают до того, что порой бывает невозможно разобрать, где говорит разум, а где вступает сердце, - прошептала Софико.

- Большинство людей счастливы настолько, насколько решили быть таковыми, - поддержала подругу Кетино.

- Хочешь быть счастливым, будь им, - процитировал Котэ Козьму Пруткову.

- Прав был Шекспир, ничто не является хорошим или плохим, все зависит от того, как мы смотрим на вещи, каковы наши умонастроения и установки, - уверенно заявила Софико.

- Да и еще, ребята, думаю каждый, смотрит на другого в меру своей ... своей, - задумался Ваню, - ну, хорошо, скажем так: в меру своей образованности и порядочности.

- Я вообще полагаю, что человека можно распознать уже с пары первых, - воскликнул Котэ.

- А до того по взгляду, - в тон ему отозвалась Софико, а Кетино взглянула на Котэ и тут же отвела глаза.

- То есть по глазам ...

Беседа развивалась и набирала интерес. Вскоре послышались первые приглашения на медленные танцы. Понемногу выявились пары по сходству характеров. Котэ топтался с Кетино, а Ваню кружился с Софико.

- Какое совпадение! Кето и Котэ! – шутил со своей напарницей Ваню.

- Открою тебе маленький секрет, Ваню, - улыбалась Софики,
- мы обязаны нашему сближению симпатиям Кетино к Котэ. И
я ее поощряю. Как говорится, чего не сделаешь ради
подруги!

- В таком случае вы все должны благодарить меня?! –
самодовольно заявил Ваню. – С вас всех магарыч!

.....
- Странные желания, тяга к странным поступкам всегда
преследовали и преследуют меня, - объяснял Дато Мзии и
Георгию за столиком ресторанчика в дальнем конце холла
гостиницы.

- Ради Бога, не надо меня пугать, - просила, улыбаясь, Мзия.

- Не волнуйся, - успокаивал ее Гия, - с друзьями он
проявляет себя искренне преданным и верным.

- Помню, еще в школе в наш класс затесался дон жуан,
который пытался оспаривать у меня успех среди девчонок,
чем нервировал.

- Ну, и ...

- Кончилось плачевно для обоих!

- Как же?

- Пришлось повести с ним прямой и откровенный разговор
за углом стадиона, в небольшом укромном местечке между
трансформаторным киоском, наружной стеной
пристроенного трехэтажного флигеля школы.

В окружении одноклассников наш спор длился не долго. Я
сразил его прямо поставленным вопросом: хочет ли он, чтоб
ему надавали по шее или нет, на что он ответил похожим
встречным.

И когда открыто признал, что получить от него по шее желаю,
он задумался, не решаясь на первый шаг. Тогда я повторил
свой вопрос, на что он ответил согласием, видимо, надеясь,
что и я не осмелюсь двинуться на него. Но он ошибся.

- И что дальше? – в нетерпении спрашивала Мзия.

Дато глубоко вздохнул.

- Он его отдубасил. Правда, и сдачу получил немалую, -
продолжил вместо него Георгий, - ну, а потом их обоих один
старшеклассник, отвел в милицию.

- Как романтично! – заметила Мзия с грустью.

Она деликатно брала с тарелки кусочек за кусочком и
терпеливо выслушивала байки о подвигах своих друзей.

- Любая активность куда труднее пассивности, - заявил
Дато, - и только мертвый не хочет жить и быть первым.

- Стремление к первенству заложено в нас, мужчинах, с самого рождения, - поддержал его Гия, - и мы следуем этому своему порыву.

- Мы, женщины, тоже, - не замедлила отметить Мзия, - мне нравится ваша энергия, но она не должна захлестывать ваш разум. Нужно научиться правильной ориентации и правильно определять цели и смысл жизни. Не то можно угодить в тупик или капкан.

- Дружба преодолевает все преграды, - утверждал Дато.

- Друзей тоже надо уметь выбирать, а еще важнее научиться контролировать себя.

- Мы вчетвером дружим со школьной скамьи, Мзия! Как мушкетеры: один за всех и все за одного! – пояснил Гия. - Всегда и во всем.

- Да уж, красиво жить не запретишь! Мне с вами порой даже страшновато, - призналась Мзия.

- Пойдешь в наши ряды?

- Пожалуй, - с некоторым колебанием отозвалась Мзия, вытирая края губ белоснежной накрахмаленной салфеткой и приподымая бокал красного вина.

- Только поступая так, как не ведает, человек поступает так, как думает, - заявил Дато.

- Кто это сказал? – ужаснулась Мзия.

- Это бразильская поговорка! – объяснил Гия.

- Подвиг одного есть не что иное, как результат головотяпства и слабости другого, - настаивал Дато.

- К тому же важнее победы частенько оказывается неотступность, - поддержал его Гия.

- То, чего не постичь разумом, невозможно достичь силой.

Запомните эти слова, - запальчиво настаивала Мзия, все острее осознавая свою надобность молодым друзьям, чтоб изнутри удерживать их от абсолютно не прогнозируемых поступков, от которых могла бы пострадать вся группа и поездка в целом. Она чувствовала, что на молодчиков с нет никакой управы, что у них своя философия, свои взгляды на жизнь и свои с позволения сказать нравы.

Что единственный человек из группы, к которому они могли бы прислушаться, это она, и никто другой. Глаза ли ее, голос, облик, могли послужить тормозом, несмотря на полное несовпадение их жизненных позиций. Они должно быть, испытывали необъяснимую симпатию к ней, и ее занимала и мучила таинственность возникающей в ней антиномии,

которую она объясняла себе властным единством и борьбой противоположностей.

- Если хочешь, Дато, я объясню тебе, как в человеке рождается импульс и желание перешагнуть черту ...

- Что ж, интересно! – наострил уши Дато.

- Только без обид. Идет?

- Идет!

- Человеку, даже взрослому, свойственно «про себя», мысленно проигрывать недопустимые в обществе действия, считает психолог Петровский. Когда действие мыслится, рождается и моторный импульс. Взрослый, воспитанный и владеющий собой человек, если он не пьян, такой моторный импульс подавляет. Дети и молодые люди не могут сопротивляться этой мысли и действия и по тому иногда поступают, как «нельзя» делать. По тому-то запреты, диктуемые воспитанием, чаще всего вызывают обратную реакцию.

- Но к нам это не относится. Мы стоим на страже прав людей всех возрастов. Нельзя ущемлять ничьи свободу и достоинство. Мозги следует вправлять не только младшим, но и старшим. И не зазорно прислушиваться друг к другу.

- О-ой, - протянула Мзия, - вы неисправимы. Пошли-ка, Гия лучше, потанцуем под эту чудную мелодию, а Дато, оставайся и поразмысли о том, что я сейчас сказала.

Мысли и чувства ее в этот вечер сливались с ритмом и тактом танцующего тела, и она не станцевала со своими, молоды кавалерами ни одного медленного танца.

« Ладно! Еще несколько дней ...» А там она вернется в общество ожидающего ее на родине друга, на много лет старшего по возрасту. Но сейчас ей приятно было чувствовать себя если не старухой, то очень солидной особой среди молодых ребят.

Второй и последний день осмотра достопримечательностей Секешфехервара выдался интереснее и плодотворнее предыдущего.

- О-о! – обратил Заза внимание Элис на Котэ с Кетино и Ванос Софики. – Вроде пары нашли друг друга!

- Похоже, - согласилась Элис, - присмотревшись, и вернулась к своим информациям об исторических и архитектурно-строительных памятниках

Почти вся группа, к удивлению Зазы, с интересом, засыпала Элис вопросами, проводила параллели с узловыми историческими событиями страны, убеждала в том, что, за

небольшим исключением, народы не многим отличаются друг от друга.

В этот день группа впервые в полном составе собралась в перерыв в венгерском национальном ресторане. Там ее познакомили с некоторыми технологиями виноделия и вино хранения. Предложили отведать несколько сортов белого и красного вина из разных бочек в прохладном погребе.

За поздним радушным ужином венгры, хозяева ресторана, щедро выкладывали гостям все самое дорогое, что в этот день у них имелось на душе, на уме и на кухне.

За вкусными, ароматными венгерскими блюдами в сопровождении небольшого национального оркестра, последовали приглашения туристов на танцы в парах с танцовщицами ансамбля. В пляс пустились Заза и Элис, блеснули мастерством Дато, Гия и Мзия. К концу не удержался и Шалва.

- Э-эх, где наша не пропадала! – воскликнул он и двинулся к сцене, Денис попытался удержать его, но безуспешно. Шалва пригласил Элис, и их танец, несколько, правда, странный и экстравагантный, в принципе очень удался.

Борис и Денис едва успевали щелкать, ловя интересные и забавные моменты своими так еще и не проданными фотоаппаратами «Зенит».

День прошел для членов группы на редкость удачно и оказался самым памятным и веселым из прошедших в Венгрии. До конца его группа даже успела повидать предусмотренный программой исторический памятник архитектуры. Экскурсия, правда, явно уступала предыдущему, а особенно общему времяпрепровождению в ресторане.

Венгерское вино играло в жилах и тянуло к отдыху, но в гостиницу они попали только под вечер. Вечерний душ с поразительным мастерством снял всю дневную усталость.

Многочисленные струи теплой воды обстреливали лицо молодой девушки, побуждали раскрыть веки, чтобы проникнуть и приникнуть к глазам. Разметавшиеся по белоснежной шее черные, тяжелые от воды волосы на время потеряли блеск и объем, струи с них стекали на живот, грудь, ноги, спину, и весь стан колебался и крутился под теплым потоком и источал аромат пушистой мыльной пены. Душ прервался, тело облеклось большим пушистым полотенцем, и из ванной выпорхнула легкая и душистая фея, источающая свежесть и молодость. Оранжевым, под цвет яркого халата,

махровым полотенцем она вытерла волосы и продолжила их сушить небольшим жужжащим феном. Не чувствуя веса и земного притяжения она, как бабочка, скользнула под одеяло и из-за подхваченного журнала почувствовала на себе взгляд подружки.

- Какая ты красивая! – воскликнули обе почти одновременно в адрес друг дружки. Неожиданно для Кетино подружка Софико вдруг наклонилась к ней с поцелуем.

- Что ты делаешь? – удивилась, но не оказала сопротивления.

- Я люблю тебя, Кет!

- И я тебя ... но ведь это ничего не значит?

- Конечно же, ничего.

- Может быть, но я этого больше не хочу.

- Да успокойся, дурочка, что тут такого? Ладно... вот что! Я на всякий случай прихватила сильнодействующие предохранительные...

- О чем ты?

- Не будь дурочкой, Кет! Ну, на всякий случай... если он... ты понимаешь?

- Ты что с ума сошла? Думаешь я ему позволю?

- Но зачем же тогда строить глазки?

- Ну, мало ли! Он мне просто нравится, кажется скромным и порядочным и я уверена, что он ничего себе не позволит.

- Уверенна! Уверенна! Ни в чем быть уверенной нельзя! От мужчин в любую минуту можно ждать чего угодно.

- Уж не собираешься ли ты прощаться с невинностью в поездке?

- Не бери в голову, Кет, я просто пошутила.

- Так не шутят!

Укрывшись от друзей, Сергей вновь погружался в воспоминания о Киеве. Он называл Юлию в душе своей Люлочкой, вспоминал их встречи, прогулки по набережной Днепра, по Крещатику, Матвеевский залив, Русановский пролив, парк на венецианском проливе, где они катались на лодке, когда он впервые осмелился ее обнять, первый и прощальный поцелуй. Отыскал у себя в сумке бумагу и, решившись, принял за второе письмо. « Напишу так, будто бы получил ответ на первое».

« Получил твой ответ, за что очень благодарен и признателен тебе. В ожидании его очень волновался. Чувства наплывают волнами, и очень тяжело отгораживаться от них. Возможно,

это побуждает меня к некоторому рационализму, и если я, чего-то недоучитываю или упускаю, то это происходит невольно, и прошу меня извинить. Я все время думаю о тебе и воссоздаю тебя в своем воображении, хоть и далеко не художник. Благодарю тебя за чуткость, внимательность, доброту. Знаю, как тяжело тебе отвлекаться в столь сложное время, да еще при твоей занятости на работе и дома. Рад, что ты взялась за диссертацию. Сознаю, как много тебе нужно времени, труда, умения, терпения, выдержки, но все начинается с небольшого и незначительного.

Помните знаменитую песенку о том, что близится эра светлых годов, клич пионера – всегда будь готов! Так вот и строки эти можно было бы изменить: близится эра темных годов, клич гражданина ...

Я, возможно, не должен так говорить в момент, когда ты берешься за диссертацию, но мне с высоты достигнутого все представляется именно так, а не иначе.

В любом случае желаю тебе больших творческих успехов. Думаю о твоём добром письме. Все-таки у старого доброго способа общения – переписки – есть свои достоинства. Строки писем мне диктует сердце, хоть тянет и поразмышлять над тем, что нас так волнует. В конце концов мы с тобой люди с академическим образованием и тщательным воспитанием, и потому нам не чуждо вкладывать в слова не один прямой смысл.

Тривиальность для меня абсолютно неприемлема. Это мое нутро, моя сущность. Взаимный интерес людей одно из немногих явлений, каким в наши дни можно удивить человека или людей, в большинстве случаев интересующихся лишь своей жизнью и в лучшем случае близким окружением. Ко мне еще никто никогда не уделял столь большого интереса и внимания, как ты. Я давно, мой дорогой друг, хотел написать об этом, но всякий раз отодвигал в сторону эти строки, оставляя легкую недосказанность. Не был уверен, имею ли право приобщать к своей боли, ведь у каждого достаточно и своей. Самое же главное, пожалуй, панический страх, потерять возможность общения с тобой. Не ты, а ты мне нужна, и это не оговорка. Я пытаюсь ухватиться за спасительную соломинку, быть может, неумело. Мне приходилось разочаровываться, многие, наверное, разочаровывались во мне, и с каждым разом это становилось все больше. Дошло до невыносимости, и мне не хотелось бы причинять боль тебе. Согласен с классиком, лучше быть

жертвой, чем палачом. Если при всем этом ты не прервешь со мной, хотя бы в течении некоторого времени, какую-нибудь связь, я буду благодарен. Вообще я чужд половинчатости, и всякому делу отдаюсь без остатка, как говорится на полную катушку, за что порой приходится держать ответ. Как оценить характер взаимоотношений, который выстраивается очень долго, упорно, кропотливо, созидательным трудом души, в розово-голубой хрустальный замок и в один прекрасный день храни Бог, конечно, повергается в руины, пепел или прах. Чего тогда стоит вся эта затея? Заслуживает ли она каких-либо оценок, и если да, то каких?

К счастью, у меня осталось еще достаточно хороших и добрых знакомых и друзей, но, согласитесь, со своими ощущениями пойдешь далеко не к каждому. Бумага, правда, все терпит, бедняжка, больше, но все-таки бывает изорванной или сожженной.

Много времени пришлось потратить на работу и на диссертацию, а сейчас замечаю, что словно земля, начинает убегать из-под ног.

- Фу-у! – протянул Сергей, отбрасывая исписанный лист, - как же писатели строчат романы, если небольшое, душевное письмо, требует столько физических и эмоциональных сил! Не затеять ли и в самом деле « Письмо к своим чувствам»... ничто ведь на земле не проходит бесследно, - подумал он, уже стоя на небольшом балкончике гостиницы и всматриваясь в холодное звездное небо. Вопрос оказался обращенным к самой яркой в этот час звезде на нем.

XV

В Эстергом группа решила выехать спозаранку, решив, по совету Зазы, не терять лишнего времени и досыпать в автобусе.

Шандор удачно поймал по радио тихую, мелодичную музыку, которая слегка убаюкивала, полусонных туристов в салоне.

« Как приеду домой, сяду в горячую ванну и буду там сидеть долго-долго », - процитировал Шалва одного из героев известного кинофильма.

- И я, и я буду спать долго, долго, - пробубнил ему в ответ Борис.

- Ара, я не понял, - подхватил Шалва, - мы ,что приехали долго ехать по дорогам Венгрии, спать и играть в карты? Или гулять?

- Это наш староста Денис взбаламутил всех, не то сидели бы сейчас спокойно дома, - пожаловался Шалва.

- Эй, староста, - оглянулся Борис, - зачем ты нас сюда забрал, что мы тебе плохого сделали?

- Ответ на этот вопрос вы получите в конце поездки, когда вернемся домой, - повернулся с боку на бок Денис, пытаясь доспать.

- Нет, Серж, вот ты среди нас самый справедливый и честный. Так ответь, нам, тебе нравится поведение старосты? Мы ему задаем жизненно важные вопросы, а он отфутболивается! Разве это по-советски? – напирал Шалва.

- Отстаньте от нас, - поддержал Дениса Сергей, - трогайте того, кто за вами!

Сзади похрапывали Котэ и Ваню. Реакции от них не последовало.

- Ваню, одолжи, пожалуйста, твою жвачку, будь другом, я сегодня в Ваке еду, - и впрямь беспокоился Шалва, как бы тот ненароком не проглотил резинку.

Ваню и в самом деле безотчетно выплюнул жвачку на ладонь и вытянул ее вперед.

- Спасибо, ты настоящий друг, - ухмыляясь, поблагодарил Шалва.

В порыве щедрости и Котэ одарил приятелей целым блоком ароматной жевательной резинки.

- А ты настоящий джентльмен! – отметил Борис.

- Авойе! – восхитился Шалва. – Теперь хоть весь автобус угощай! Все! Перехожу с курева на жвачку, - решил но вдруг. « Бруклин!» - прочел Борис с этикетки.

- Но и армяне молодцы, предприимчивые люди, одними из первых, у нас в стране, начали выпускать всевозможные ароматные жвачки, - подметил Шалва.

Ваке – престижный район г. Тбилиси

- Брошенные всегда ощущают некий комплекс неполноценности, ты не замечал, Заза? – поинтересовалась Элис. – Вспомни, разве от тебя никто никогда не отрекался?

- Случалось, - подтвердил Заза, - мы выбираем, нас выбирают... это далеко не одно и то же.

- Удивительнее всего то, что как только к чему-то начинаешь привыкать, это что-то начинает исчезать!

- Многое в жизни человека зависит от его взглядов на жизнь, но, пожалуй, куда теснее родство по духу, нежели по крови, - отвел Заза взгляд от Элис.

- Жизнь одна большая картина, - продолжал он, - которая, как говорят китайцы, стоит десять тысяч слов. И под каждым надгробным камнем скрывается история всей галактики. Как человек мал и велик разом.

- Так же, как разом и счастлив, и несчастлив, - подтвердила Элис. – Из двух сердец одно всегда теплое, а другое холодное. Холодное дороже алмазов, теплое же не имеет цены и его, как правило выбрасывают.

- Не быть любимым это всего лишь неудача, утверждает Камю, а не любить – несчастье. Но верно и то, что имеем не храним, потеряем, тужим. Страдания, скорби, в них ведь тоже есть некая красота, грациозность, и к тому же, говорят, они подъемная сила в небо.

- Настоящее искусство идет от боли и страданий... - опустила руку на руку Зазы Элис.

Теплая волна прокатилась по жилам.

- Мы чувствуем одинаково, и говорим об одном и том же, на разных языках.

- Я на русском, а ты на венгерском?

- Нет, - усмехнулась Элис, - ты с позиции нашедшего, а я еще ищущего.

- Это не так, Элис. Мы все время бежим за счастьем и удачей, даже когда они у нас в руках. Завтра мы будем удивляться чему-то другому, ну а сегодня... Цепи случайностей и смены состояний непрерывны.

- Жизнь жестокая штука! Маленькая ошибка, незначительный просчет, и все летит кувырком, - пожаловалась Элис.

- Огорошенный судьбою, все же не отчаивайся, советует Козьма Прутков. Время не только лечит, но и ставит все и всех на свои места.

« Как много лиц у женщин», - удивлялся Заза, видя Элис в показавшемся ему неестественным для нее амплуа.

- У большинства проблем очень простые решения.
- В этом быстро изменяющемся мире редко, получается то, что человек задумывает и чего желает.
- «IT LIFE» - это жизнь, - говорят англичане.
- Се ля ви – такова жизнь, - говорят французы.
- Каждый человек несчастен на столько, насколько он себя таковым считает.
- То, что нас не убивает, делает нас сильнее.

.....

В салоне автобуса, как и в не его, царили земные законы, развивающиеся по земным, природным принципам развития и движения, когда одни события порождают другие, а те в свою очередь следующие.

Автобус несся к очередному пункту туристического маршрута, к городу Эстергом. Солнце поднималось все выше над горизонтом, овеивая пассажиров легким теплом и светом. Настигало одинаково ласково не только каждого человека в каждой точке земного шара, но и все остальное живое и неживое. И только облака, мрачные или белые, всерьез или в шутку, надолго или ненадолго, вставали по обыкновению холодными и невидимыми стенами-препятствиями, разъединяя не только людей, но и целые народы.

Первородный грех цепной реакцией прокатился по всему времени жизни людей, нарушая в сущности распад, единство абсолютного благополучия и целостности мироздания. Первый распад предопределял и вызывал следующий, и ничто не могло остановить и вразумить уже поврежденное сознание. И даже явившийся Спас был не признан и не признан, более того – беспощадно убит, и с тех пор всякая жизнь изнемогает в тщетных поисках. И только редким избранникам удастся нащупать давно утраченную, истинную радость.

- Как радостно видеть и чувствовать солнце.
- Да, на душе становится отрадно, хоть за стенкой автобуса все-таки холодно.
- Что ж, ведь за окном зима!
- Знаешь, Руса, у меня такое ощущение, - продолжила начатый разговор Манана, - что мы в теплице, и не где-нибудь, а у нас на даче. Так там тепло и зимой.
- Так у вас на даче теплица есть?

- Да, мой муж соорудил ее пару лет тому назад. Собрал из арматурных прутьев удлиненный каркас, затянул целлофаном, и...

- Как здорово! Так что же, у вас урожай круглый год? А когда же земля отдыхает?

- А чего ей отдыхать?

- Как это чего? Ей нужна передышка, и не только зимняя.

- Вот и я удивляюсь, что пару лет парниковый эффект давал свои результаты, а потом пошел сбой. Я даже потешалась над мужем и называла не по имени, Тео, а Нео или Неу и плюс еще дачник.

- Стало быть, неудачник?! – расхохотались обе.

- А вот мой муженек Гиви, тоже молодец. Решил осуществить свою, домашнюю, продовольственную программу, устроить небольшой курятник в лоджии.

- Да ну?! Это восхитительная, оригинальная мысль!

- Не иронизируй, а слушай. В начале все шло хорошо, яйца, петушиный крик по утрам, кудахтанье над каждым яйцом... А как похолодало, куры начали подыхать.

- От холода?

- Да нет. От голода!

- Ага, понятно. С холодом начинается и голод?

- Нет, корм оказался однообразным. Недостало витаминов.

- Вот это да! Что же это твой муженек так просчитался?

- Ну! Я ему говорю, какого хрена ты бежал из деревни, если не можешь жить без нее.

- А он чего?

- Чего! Чего! Если бы, говорит, не приехал, не встретил бы тебя. А я ему: да ладно, говорю, поклонников у меня было хоть отбавляй!

- Это да! Да и у меня их хватало, а вышло...

- Случай и минута решают судьбу человека...

.....
- Дело в том, Нино, что в цепочку наших мыслей и поступков философия вторгается некая пауза, - рассуждал Дито. - Древние называли это «Ведением». Задача ее не в том, чтоб смеяться или плакать, а в том, чтобы понимать.

- А как это соотнести с определением бытия, если считается, что оно то, чего никогда не было и не будет, но что есть сейчас или всегда! – отзывалась ему Нино, - очень просто. Адекватно его определению. Вообще философский акт состоит в том, чтобы блокировать в себе манию мыслить и представлять все наглядно и предметно, словно с

помощью неких картинок. И когда мы убираем из сознания эти картинки и предметные референции, тогда и начинаем мыслить.

- Мыслить, писать и действовать по-разному, как говорит Кафка? Какова же цена таким мыслям?

- Грош цена! Это да. Если человек далек от гармонии и совершенства, которые куются им самим же. Достоевский полагал, что вся цель, к которой стремится человечество, заключается лишь в одном, непрерывном, процессе достижения... а не в собственно самой цели. Активность поиска – неотъемлемое свойство всего живого. Сам человек прежде всего и больше всего помощь и опора самому себе. И они что у старого, то у малого одна – разум.

- Поэтому надо работать и прыгать все время только в высоту. Это непрерывный процесс.

К полудню автобус подъехал к Будапешту, где туристы – путешественники основательно подкрепились в ресторане, и поразмявшись после долгого сиденья в автобусе, немного погуляли по окраине столицы Венгрии.

- Не хочется ехать в этот захудалый Эстергом. На черта он нам сдался, Заза, - обратился Шалва к гиду, когда отъезжали от автостоянки, - останемся мы наконец или нет в Будапеште. Разве не лучше?

Заза задумался, но спохватившись, сразу возразил:

- Нельзя ребята, неудобно! Мы не можем пренебрегать Венгерским гостеприимством и программой, которую нам предлагают, - бросив все-таки, впрочем, вопросительный взгляд на Элис.

- Не могу, Заза, - объяснила та, - меня и Шандора за это могут снять. Да к тому же в Эстергоме немало такого, что стоит посмотреть, да и где ребята могут продать еще не реализованное.

- Ну, если так, то, может, и стоит съездить, ребята, - в один голос согласились почти все.

- Лучше бы поехали на Балатон, - ворчал и не сдавался Шалва.

- А что там делать зимой, Шалва, - усомнился Заза. - Ни вида, ни рыбалки.

В Эстергом группа въезжала почти под вечер

- В этом маленьком городке, с сорокатысячным населением, расположенном на Дунае, у склонов гор Пилина, имеются горячие источники. Это своего рода – город-курорт, - вступила в дело Элис, - с крепостью,

королевским дворцом с капеллой двенадцатого века и ренессансным залом конца пятнадцатого века, который ныне является резиденцией католической церкви в стране. В городе находится также капелла Бакоца эпохи ренессанса, построенная в начале шестнадцатого века.

На холме стоит грандиозный собор, а у его подножия извиваются узкие улочки с одноэтажными старинными домами в стиле борокко. В годы народной власти Эстергом стал не только центром туризма, но и промышленности – со станкостроительным, оптическим и радиотехническим заводами. Между Эстергомом и Комаромом, вдоль Дуная, протянулась цепочка промышленных городов, с нефтеперерабатывающими, цементными, целлюлозно-бумажными и химическими предприятиями.

- Вот, это как раз то, что нам нужно! – выкрикнул Шалва, - захвачу я отсюда пару станков!

- Прекрати! – одернули его Денис и Борис.

В городской гостинице Эстергома группа провела две ночи и один полный день. Объездили архитектурные памятники города, поделились впечатлениями с теми, кто отправился поторговать.

Борису удалось сбыть свой фотоаппарат «Зенит» за тысячу пятьсот форинтов.

- Лучшее бы мне одолжили, - обижался Сергей, - ведь в каких красивых местах побывали.

- Ничего, красивые места нас еще ждут! – утешил его Борис.

- Все! Последний, Денисов, аппарат сохраним до последнего момента, - предложил Шалва, - не то на память ничего не останется.

- Ва-а, - протянул Денис, - какой умный! Сам выручку от своего фотоаппарата жрет, а на моем хочет пахать до последнего?!

- А что делать, - возразил Шалва, - если у тебя шно нет продать его!

- Нет, это во всем Сергей виноват, - задиристо заявил Борис, - нечего ему было свой «Зенит» дома оставлять!

- Так он же не мой, а моей сестры!

- А какая разница! Купил бы ей другой, новый! – пояснил в свою очередь Борис.

1. Шно – (груз.) предприимчивость.

- Да, прямо-таки, разбежался! купишь у нас такой же! Да и какой смысл, барана продал – барана купил!

- Э-э! Опыт, скажем, бы приобрел!

- Не нужен мне такой опыт! Я не торгош, - оскорбился Сергей.

- Оставьте человека в покое! Говорит же, что не торгош, - поддержал его Денис.

- Он дурак, - усмехнулся Шалва.

- Не дурак, а кандидат наук... без пяти минут!

- А это, Борька, одно и то же! – расхохотался Шалва.

- Как так одно и тоже! – заинтересовался Денис.

- А так! Пока мы все на своей работе зашибали деньгу, он сидел в НИИ на ста рублях, да и по сей день там пашет.

- Посмотрим, что будет через несколько лет!

- Слушай! Ты и вправду дурак или притворяешься? – прищурился Шалва.

- Ладно, ребята, в конце-то концов! Прекратите! Не в деньгах ведь счастье... - примирительно призвал Денис.

- Счастье не в деньгах, но иногда они тоже нужны! – специально на ломаном русском заявил Шалва.

- Жорж Куртелин тоже замечал презрение к деньгам в основном у тех, у кого их не было! А Уильям Моэм, например, прав, когда проводит аналогию денег с шестым чувством, без которого невозможно в полной мере пользоваться остальными пятью.

- И где ты такого наслышался? – удивился Шалва. – Лично я придерживаюсь Ремарка, который считает, что деньги вещь важная. И вообще мужчина без денег – птица без крыльев.

- С деньгами все, все могут, а ты попробуй без них.

- Ой, ребята, клевый анекдот на счет этого!

- Валяй!

- Решил, значит, один проходя по улице с работающими на ней проститутками, снять одну, и спрашивает: пойдешь со мной? А та отвечает – пойду. Но учти одно! – А что именно? Он отводит ее за угол и что-то шепчет на ухо. И вдруг раздается крик: ах, ты, негодяй, ах, ты, развратник! Да как ты посмел! Ты за кого меня принимаешь! Парень едва уносит от нее ноги. Чего же он хотел? – бросились все к потерпевшей с вопросами, на что она изумленная, отозвалась: бесплатно, представляете?

Сергей вскоре смылся, сославшись на усталость. Остальные, обменявшись еще несколькими анекдотами, отправились

искать Како, спровоцировать его на очередную партию в преферанс. Вскоре они уже раскручивали его у себя в номере. Вечер коротали в гостинице, небольшими группами, по принципу свои общаются со своими. Заза был в баре с Элис, Дато и Гия вместе с Лией неподалеку. Како и Вано мило беседовали у себя с Кетино и Софико. Лия позже, не дожидаясь мужа, примкнула к Русико и Манане. Дито и Нино прогуливались в холле, изредка взглядывая на экран телевизора. Сергей отдыхал при слабом свете ночника и погружался в воспоминания о Киеве, пытаясь наладить некую астральную связь на расстоянии.

Юля начала свое второе письмо с прежней мыслью о том, что никогда не пошлет его, со слов: «Я к вам пишу – чего же более?» Вас ждет Тбилиси, мне жить в Киеве, но... «никому на свете не отдала бы сердца я». Думаю о вас часто. Занятость усиливается, хотя можно ли сейчас найти мало-мальски нормального не занятого человека. Хотелось бы продвинуться в работе над своей диссертацией, но история все-таки учит тому, что ничему не учит и часто приходится работать через «не могу». Думаю, человеческая жизнь все-таки велика, и в этом смысле человек не равен самому себе. Другое дело, насколько важно и необходимо все, что происходит вокруг человека и внутри него, и как из всей массы и гаммы происходящих явлений и событий выбрать необходимое и нужное, могущее пригодиться по пути самопознания, самосозерцания и, конечно же, главного, – воскресения. Но в то же время говорят, что все происходящее с человеком и вокруг него далеко не напрасно и не случайно. Может быть, это можно распространить на мою диссертационную работу и встречи с вами? Будут ли они в будущем иметь продолжение и пользу? Меня, признаюсь, более всего пленяют искренность, прямота и чистосердечность в наших отношениях. Не люблю игру в знание друг друга, предугадывание, вычисление. С опаской отношусь к всякому роду обещаниям. Меня всегда тянет к разгадке таинства влечения одного человека к другому.

Тем временем принялся за свое очередное послание и Сергей.

«Мне стало очень одиноко. Тебе, наверное, покажется весьма забавным и удивительным, но вечерние часы в гостинице для меня утомительны, хотя вокруг много друзей. С тобой мысленно лучше, ведь ты умней и чище

меня. Похоже, тебе удалось войти в мой внутренний мир и даже в мою жизнь. Все время ловлю себя на мыслях о тебе, по поводу развития наших дальнейших отношений, от чего у меня переворачивается сердце. Не думаю, чтоб наша дружба стала для нас обременительной. Так в чем проблема, будем следовать естественному ходу вещей. Вам знакомы ощущения и чувства, которые следуют за отказом от желаемого? Если вы откажетесь от меня, я буду делиться со своими чувствами?

И к тому же у меня на удачу и успех, как говорится легкая рука, счастливая нога и доброжелательное сердце. Видишь, какой я хвастунишка. Ужас! но шутки в сторону. Мне бы так хотелось сейчас быть рядом с тобой».

Юля, словно услышала эти слова, залилась смехом.

- С чего это ты? – удивилась ее мать.

- Вспомнилось что-то! – продолжала улыбаться Юля.

«Жизнь непрерывная цепь событий, ни одним из которых нельзя пренебрегать, - продолжал между тем Сергей.

Единственная определенность это сегодня, сейчас, и у меня это сейчас ты, бумага и перо...»

- А завтра? – спросил он себя.

- И завтра, и всегда!

- Ох-ох-ох! Как многозначительно! – услышал он в себе свой голос, - не обещайте деве юной любви вечной на земле...

Согласившись с голосом, Сергей счел неуместными последние строки письма и тщательно зачеркнул их пастой. «Нет, большее писать не могу. Воспоминания наплывают и мешают сосредоточиться...» Неподалеку донесся жалобный крик Како о помощи:

- Помогите, грабят, убивают!

«Никак эти сволочи, уже раздевают беднягу», - подумал он о своих друзьях.

- Сергей, на помощь! – раздалось отчетливо, он, как ужаленный, подскочил с кровати и выскочил из комнаты.

- Сергей, ну, где ты? Я же помог тебе в автобусе.

- Ну! – бросил вбежавший Сергей.

Како сидел почти голый, в трусах и носках, правда, в накинутом на плечи халате, и игроки требовали у него покрыть проигрыш в очередной партии скидыванием с себя очередной части одежды.

- Сергей! Они этого не добьются. Больше ничего не скину, а денег совсем не осталось. Обобрали, сволочи! – визжал Како.

На крик сбежалась чуть не вся тур группа. В результате Заза вручил Лие ее раздетого мужа, и она прикрывая собой, повела его по коридору в номер.

- Предупреждал, не связывайся! – ругал его Сергей, на что пострадавший жалко отбрехивался:

- Я же не знал, что они такие жестокие!

- Ну, ладно, одежда понятно! А нос почему такой красный? – добивался Сергей.

- Они меня картами ударяли, чтоб я разделся! – признавался Како.

- Ты совсем рехнулся! – возмущалась Лия, подталкивая мужа вперед. – Тебе не стыдно? Погляди, сколько людей? Что они подумают и скажут?

- А что они, шуток не понимают, что ли? – защищался Како.

- Шуток, не шуток, а факты упрямая вещь! Мне неудобно видеть тебя в таком виде и находится рядом с тобой!

Переполох долго не мог улечься, и участники события долго не расходились, так что Зазе пришлось повышенным тоном покинуть место происшествия.

- Денис, я все-таки полагался на тебя, но, видимо ошибался, - с горечью заметил Заза.

- Заза, я не виноват, мы условились об этом с самого начала, - потупился Денис, - и удержать их уже было трудно.

Заза без всякой надежды на результат побормотал что-то равнодушно-назидательное и поспешил удалиться.

Четверка долго еще гоготала, не удерживаясь от ухмылок и насмешек в адрес скрывшегося за дверью.

- Не понимаю вас, - несколько сомневался разве только Сергей, - хорошо хоть, в гостинице не так уж много народу.

XVI

Утром автобусу пришлось дожидаться опоздавшую четверку, с трудом продравшую глаза после давешних доблестей. Вся группа с любопытством провожала их взглядами, пока они не опустились на скамьи в самом конце салона.

Путь в долгожданную столицу Венгрии, Будапешт, предстоял не долгий, всего в несколько часов, но Заза чувствовал, что провести с группой это время задача далеко не из легких, уже от любого ее члена ожидал чего угодно и был настороже и начеку. Зато все острее ощущал плечо и поддержку нежной Элис, без чего, наверное, давно бы уже сорвался бы и окончательно потерял контроль и над собой, и над группой. Они в очередной раз приходили друг другу на выручку, и Заза поймал себя на мысли о том, что невольно проводит параллель между Элис и Натой, своей женой, которая хотя и была на несколько лет старше Элис, но во многом уступала ей, и особенно в понимании его душевного состояния.

Ната требовала и брала, чем отдавала, Элис же четко и чутко улавливала его сомнения, тревогу и надежду, и он сам, делился с ней порывами своей души. Недотягивала Элис до его супруги внешне, по физическим данным, и он впервые создал для себя симбиоз из двух разных женщин, сокрушаясь:

« Ну, почему трудно и почти невозможно найти человека , который бы отвечал всем твоим меркам?»

Элис между тем пребывала в своем амплуа, принимала всю нагрузку от создавшейся ситуации на себя и энергично разучивала с группой небольшую венгерскую песенку.

- Так вам и надо, - пенял Сергей друзьям, - не хотели учить популярные, современные грузинские песни, так пойте венгерские!

- Ничего не хочу, довезти бы группу в полном составе, в целостности и сохранности, в Тбилиси, и пусть себе живут, как знают, - признался Заза в тревоге Элис, - они, судя по всему, и родителей своих ни во что не ставят, а меня тем паче...

- Довезешь, довезешь! Все будет в порядке, не волнуйся, - успокаивала его Элис, - просто наберись немного терпения. Ничего не поделаешь, такая нынче пошла волна.

- Она что же, и в Венгрии такая же?
- Да как сказать, всякое попадает. Смотри какая соберется команда.
- Вот об этом я и говорю!
- А вообще во все времена, зеркалом жизни общества была молодежь.
- Ты знаешь, мне много приходилось работать с ней, но должен признаться, что с такой, как в нашей группе, я не сталкивался никогда, - разоткровенничался Заза.
- Видишь, как хорошо! Ты обогатился опытом. Так постарайся, чтоб он пошел бы тебе в будущем на пользу.
- Знаешь, когда караван поворачивает в обратный путь, нездоровые и отсталые оказываются впереди, и я не хотел бы вести их.
- Если есть выбор, конечно же! А если нет? Мы ведь часто оказываемся не у дел и не там, где бы нам хотелось, а куда нас ставит жизнь.
- Ох, уж эта жизнь, судьба наша злодейка, - пропел Заза, - она как четки, и философ, перебирая их, посмеивается в ус. Ну, так бери с него пример!
- Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно... Жизнь человеческая – много шума из ничего!
- Начало всякой мудрости – признание факта. Деловые люди, не умеющие бороться с беспокойством, умирают молодыми. Так что возьми себя в руки Заза. Далекое не все вокруг тебя стоит твоей жизни и твоего здоровья. Можно ли считать успешным человека, который расплачивается за продвижение по службе язвой или стенокардией? Стоит ли овладеть целым миром и потерять казалось бы малость.
- Пожалуй нет, - пришлось Зазе согласиться, вспомнив к тому же о том, что соображение недавно прочитанного Кеттеринга хорошо и правильно сформулированная проблема – наполовину решенная проблема.
- Страх беспокойство, ненависть... и неспособность приспособиться к реальной, существующей ситуации и действительности это основные факторы, вызывающие убийственные заболевания, - продолжила Элис.
- Возможно, когда-нибудь этими словами я буду успокаивать тебя, - предположил Заза, - потому что они разом и оправдывают нас, и наказывают.
- Конечно, - согласилась с ним Элис, - на то мы и люди и нужны друг другу. Со стороны всегда виднее, и легче

давать дельные советы, необходимые для скорейшего и простейшего выхода из простых ситуаций.

- Знаешь, есть такая медицинская формула, - вспомнил Заза, - болезнь это жизнь, стесненная в своей свободе. Дито напомнил мне мысль, Мераба Константиновича Мамардашвили о том, что путь к философии пролегает через испытания и даже страдания, благодаря которым мы приобретаем незаменимый и уникальный опыт.

- Ау... опять он заколебал со своей философией, - вторгся в беседу своей репликой Шалва.

Настроение группы и общая атмосфера в автобусе улучшалась обратно пропорционально расстоянию до обещанного и желаемого Будапешта.

- Будапешт – столица Венгрии – раскинулся на Дунае, - полилась у въезда в город речь Элис. – Его населяют более двух миллионов человек.

- Почти в два с лишним раза больше, чем в нашем Тбилиси? – пробормотал Шалва.

- погоди! – остановил его Борис. – Послушаем.

- И вот так каждый раз! – в негодовании огрызнулся Шалва. – Мне надо было стать не инженером – строителем, а гидом, тогда мне уделяли бы больше внимания!

- В Будапеште функционирует университет имени Л.Этвеша, - сообщила Элис.

- А когда там вступительные экзамены? – поинтересовался Дато.

- Подожди-ка, Датошка, дай послушать, - встрепенулась и Мзия.

- Да нет, он не шутит, мы и вправду обдумываем, куда нам поступить – поддержал друга Гия, - у себя чего-то не хочется, а вот в Будапештский университет мы бы сдали с удовольствием.

- На грузинский сектор, правда, Гия? – пошутил Заза.

- Ясное дело, начальник, о чем речь! – подтвердил Гия с галерки автобуса.

- Базара нет! – поддержал его Дато.

- Как же нет? – удивилась Элис. – Есть, конечно же, и не один.

По автобусу пронесся легкий смешок, немного смутивший Элис.

- Я сказала что-то не то?

- Нет, нет, - успокоил ее Заза, - все в порядке, это их очередные выходы!

- В Будапеште работают также медицинский, экономический, политехнический институты.

- Совсем как у нас, - бормотал Шалва.

- А сколько здесь стоит устроиться на медицинский? – поинтересовался Дато.

- А сейчас я дам вам самую главную и необходимую предварительную информацию. А вопросы потом. Ладно? – тактично уклонилась Элис от прикольных вопросов некоторых членов группы. – В Будапеште имеется Академия наук.

- Ва-а! Како, Серж, это по вашей части, - восторженно воскликнул Борис, не сдержавшись.

- Погоди, не шуми, дай послушать! – взял у него реванш Шалва.

- А также музыкальная академия, множество театров, музеев, спортивных развлекательных и научно-просветительских центров. Здесь же располагается Аквинкум, известный времен Римской империи.

- Аквинкум эс инча?

- Аквинкум до четыреста девятого года нашей эры был городом, - пояснила Элис, угадывая вопрос Дениса.

- Ва! – удивился Шалва. – Элис знает и армянский?

- Со сто седьмого года нашей эры это была римская провинция. Руины на территории нашего города, уверенна, привлекут вас своей красотой.

- Будем снимать? – хлопнул Шалву по плечу Борис.

- Ах да, совсем забыл! – склонился тот к сидящему впереди Денису. – Так как же?

- Отстань, дай послушать!

- Не хотите, как хотите! – обиделся Шалва. – Что, мне больше всех надо?!

- Вы сможете осмотреть остатки кварталов ремесленников, амфитеатра, оборонительных стен, водопровода, святилищ, дворца с мозаичными полами... - не умолкала Элис. – Сам город состоит из трех исторически сложившихся частей – Пешта, Буды и Обуда – и известен с тысячи сто сорок восьмого года. Объединенных эти части лишь в тысяча восемьсот семьдесят втором году. В городе развиваются машиностроение, приборостроение, электроника, транспорт. В пятидесятые годы четырнадцатого века Буда стала столицей венгерского

Эс инча – (арм.) что это такое?

королевства. С тысяча пятьсот сорок первого по тысяча шестьсот восемьдесят шестой год город находился под османским игом, а в начале восемнадцатого века подпал под власть Габсбургов. Словом, вас ожидает много встреч, экскурсий, впечатлений.

Жить будем в небольшой, уютной, пятиэтажной, современной туристической гостинице «WIEN» неподалеку от центра. Всем будет роздана специальная культурно-просветительная программа, и вы сможете осматривать достопримечательности либо самостоятельно, либо вместе с нами.

- То есть теперь уже я принимаюсь за свои функции, - улыбнулся Заза.

- Значит, так! – начал он вполголоса. – Прошу внимания! В Будапеште мы пробудем пять дней. Надеюсь, все будут держаться достойно, не станут позорить ни себя, ни страну, из которой приехали. Прошу Мзию присмотреть за ребятами. И ты, Денис, будь настороже. Не подкачайте! Софики и Кетино! Не отходите от Котэ и Ваню. А на Дито и Нино так же, как и на Русико и Манану, я полагаюсь. Ну, а тебе, Лия, предлагаю не отпускать далеко от себя своего мужа.

- Этого мне и у себя дома хватает, - рассмеялась Лия, а вслед за ней и вся группа.

- Так, кто остался еще? – окидывал между тем Заза взглядом автобус.

- А себя вы, начальник, не забыли? – выкрикнул Дато.

- Себя? – задумался Заза. – Себя я вручаю своей коллеге Элис, - углубив веселое настроение.

- Смотри, не откажись потом от своих слов, - смеялась Элис.

- Борис, на что ты там уставился? – поинтересовался Заза, присоединяясь к любопытному взгляду. Напротив оставшегося у входа в гостиницу автобуса Заза заметил новый, красный, длинный «Икарус» с надписью «Совавтотранс».

- Ага, сколько волку ни читай назиданий, он все равно смотрит в лес.

В ответ Борис, а вместе с ним и весь автобус рассмеялся.

- Ребята, прошу вас, без глупостей и без хулиганства, - почти взмолился Заза.

- Да не бойсь, начальник, все будет хоккей, - успокоили его из дальних рядов.

- Так, значит, договоримся: после оформления документов и расселения встречаемся в вестибюле гостиницы, чтоб не терять сегодняшний день. Через час?

- Через два!

- Ну, хорошо, пусть будет через два, - согласился Заза, поглядывая на свои часы и предлагая сверить по ним остальные. – И еще предлагаю всем вместе отпраздновать и ознаменовать в дорогом ресторане наше благополучное прибытие в столицу Венгрии, красавец Будапешт.

- Ура-а! – гаркнул Шалва, которого поддержали и некоторые другие члены группы. – Ехали мы, ехали, наконец приехали!

Вскоре все, расходясь по номерам, согласно обещанию получали у Элис программу пребывания в Будапеште, в феврале тысяча девятьсот девяностого года. Представители турбюро увезли Элис с собой на машине, пообещав вернуть ее группе к установленному времени, через два часа.

Шалва, прямо в одежде развалился на постели, вертел написанную на венгерском программу и, затягиваясь наспех прикуренной сигаретой, выражал глубокое недовольство:

- Вах, хоть бы на английском напечатали, то-о! – и смахивал пепел в брошенную прямо на подушку пепельницу.

- Хватит тебе на постели курить, ну! – протестовал Борис. – Не успели зайти в номер, а уже вешай топор, ступай на балкон и дыми там. Денис тоже хорош! Сам не курящий и берет к себе в номер некурящего Сергея, а мне подсовывает этот паровоз.

Шалва и ухом не повел, а только бурчал:

- Хоть картинки посмотреть, что ли? И то лучше, чем резаться в карты и валять дурака.

- Будто сам так уж бойко бухтишь по-венгерски!

- Нет, конечно, но зато и не жалуюсь.

- Только ко мне придираешься? Да?! Как бывало в стройотряде?!

- Тогда, летом, все было открыто, кури сколько хочешь. А сейчас за окном зима, хоть правда и теплая.

- Там и вправду было здорово! – согласился Шалва. Теплые вечера, шумное общежитие для студентов строителей, работа на стройке. Возводили плавательный комплекс будущей «Лагуны – Веры» в красивейшем уголке на правом берегу Куры. Жили в Ваке, неподалеку от

Черепашьего озера, в комнатах, буквально забитых койками. Работали, кроме группы Дениса, еще несколько групп из Политехнического института. В общем, жили в мире и согласии, хоть в группе Дениса порой вспыхивали то в полушутку, то полувсерьез, небольшие перепалки.

В тот вечер, воспоминания о котором сейчас всплывали в памяти развалившегося на кровати Шалвы, группа после очередного трудового дня поднялась на Черепашку, как ласково и кратко называли это озеро тбилисцы. Поплавали, поиграли в футбол и, поужинав в общежитии, разошлись по комнатам. Перед сном перебрасывались шутками, анекдотами. Парень из группы Дениса, по прозвищу Бендер в тот вечер, не выдержал издевок Шалвы, бросился на него с кулаками и потащил за ноги к балконной двери:

- Да я же тебя выброшу отсюда!

Сергей одним из первых, едва сдерживая смех, попытался воспрепятствовать этому и отбить Шалву у мощного противника, что оказалось не так-то просто.

К счастью, подоспели другие ребята и помогли разнять драчунов.

.....
- Ты думаешь, я забыл, как Бенья хотел меня выбросить с балкона? – сквозь гогот напомнил Борису Шалва. – Аж с третьего этажа.

- А сейчас спасать тебя будет некому!

- Ладно, потушу!

- Вот и хорошо, молодец!

Программа, брошюрка в тридцать две страницы, скрывалась под плотной красочной обложкой с фото супермаркетов, ресторанов, отелей, набережной реки Дуная, чарующего своей красотой рыбацкого бастиона...

- Вот, Конопатый, сколько тут чего! – потрясал книжицей Шалва. – Концерты, балеты, сигареты, оперетты, музыкальная и литературная жизнь, фольклор, выставки, музей, планетарии, рестораны, бары, ночные клубы, казино, игорные дома, рулетка... Живем!

- Главное теперь правильно распределить средства, чтобы хватило на все.

- Оказывается, можно взять и машину на прокат, телефоны и адреса прокатных служб указываются.

- Апус, группа и гид нас стесняют, не то разгулялись бы

1. Апус(груз). – как жаль.

на полную катушку, - выразил сожаление Борис.

- Вот тут хорошая реклама ресторана «Тромбитас», - тыкал пальцем в брошюру Шалва. – Швейцарская авиакомпания Swissair, предлагает свои услуги. А вот отели. А вот и список рекламируемых нескольких известных в Будапеште отелей таких как «Будапешт», «Барток», «Фортуна», «Фландрия», «Бекашмедьер», «Платанус». О! Вот и план улиц! Реклама фестиваля «Мулен руж». Вот бы попасть!

- Ну!

- Максим-варьете, фантастическое ревю, супер-магик шоу, интернациональный аттракцион, «Crazy Cabaret». Живем говорю!

- Разве в советской стране такое возможно? – спросил иронически Борис.

- Нет, конечно!

- Вспоминаю, кажется «Чрезвычайный рейс», когда захватили наш пароход и пытаются заставить наших моряков отказаться от жизни в советской стране. И еще, помнишь момент, когда Штирлица, спрашивают, а чем вам не нравится Советский Союз, а он отвечает:

- Тем, что в нем нет домов терпимости! – подхватил Шалва.

- Вот так и здесь с нами!

- А спортивные комплексы! О-о-о... Погляди!

Вскоре группа собралась в фойе гостиницы.

Элис с помощью Зазы ознакомила ее с планом пребывания и последовательностью экскурсии в столице.

Днем всем предстояло быть вместе, а вечерами каждый предоставлялся самому себе.

В первый вечер группа, в одном из фешенебельных ресторанов, отмечала благополучный приезд в столицу.

Взаимоотношения членов группы друг с другом и с гидами развивались, как успел заметить Заза, по волновой линии. Во время всеобщих застолий все сближались и спланивались, но после проделок и выходов разбежались, так что, от каждого он мог ждать чего угодно.

К счастью, в тот день и вечер обошлись без серьезных эксцессов, и Заза спокойно провожал уже поздним вечером Элис на квартиру, которую она снимала в одном из центральных районов города, рассказывал забавные и занятные истории, и они даже не заметили, как подошли к дому.

- Как, так быстро? – удивился Заза.

- Да! Мы прошли не в обход, а по короткой...
- Как жаль, а мне хотелось бы гулять с тобой сегодня всю ночь. Взгляни, какая теплая и звездная ночь.
- Это мы тепло одеты, - едва сдерживала смех Элис, - и плюс ко всему подогрев!
Заза пристально посмотрел ей в глаза.
- Не надо, - вытянула вперед руку Элис, - уже поздно, пора домой. Завтра нас обоих ждет напряженный день.
- Ну, и пусть, подождет. Мне интересно поглядеть, как ты живешь там, на чердаке второго этажа.
- Не сегодня, коснулась Элис губами щеки Зазы, быстро повернулась и побежала в сторону двери.
Он долго смотрел ей вслед и все же двинулся в обратный путь счастливый и свободный.
- Странные все же создания женщины, - нашептывало холодное, звездное, зимнее небо с легкими облаками, гонимыми северным ветром. Он шел мимо открытых, работающих ночью баров, ресторанов, мини и супермаркетов, удивлялся и наслаждался чистотой и порядком, пытался у звезд найти ответ на вопрос, когда же этого достигнет его страна.

XVII

Утром следующего дня Элис повела группу осматривать старинные архитектурные памятники и с радостью обнаружила, с каким интересом большая часть группы слушала ее и задавала интересные вопросы.

Особый интерес у членов группы вызвали останки римского города Акминкума, нынешнего музея. Осматривали и фотографировали остатки кварталов ремесленников, оборонительные стены, амфитеатр, часть сети водопровода, святилища, дворец с мозаичными полами. Убеждались, какого расцвета достиг Аквинкум, став римской провинцией Паннонией.

Четверка друзей по привычке препиралась, переходя с шепота на выкрики и с выкриков снова на шепот.

Денис поймал укоризненный строгий взгляд Зазы. Отвлеклась от своей информации и Элис. Все оглядывались и пожимали плечами.

- Будет вам дурачиться! Возвращайтесь немедленно, - прошипел вслед убегающим друзьям Денис, - неудобно... на вас смотрит вся группа...

- Ладно, что было, то было, «вернись, я все прощу»!! – отозвался ему Борис.

Группа увлеченно следила за разворачивающимися любопытными событиями.

- Ребята...а! Ложись, воздух, - выкрикнул вдруг Дато под звук пролетающего над головой, на большой высоте пассажирского авиалайнера, и присел на корточки, вызвав ответную реакцию своего друга Гии.

- Прямо-таки детский сад! – возмутился Заза.

- Заза, если вам неинтересно, можно прервать эту беседу и вообще уйти с этого места!

- Что ты, Элис, извини меня за этих недисциплинированных! Но и мне, и всем остальным интересно, и даже очень! Я даже могу добавить к твоему рассказу кое-что и из истории нашей страны этого времени. В семьдесят пятом году нашей эры римский император Веспасиан и его сыновья Титус и Домициан помогли нашему царю Мирдату II укрепить каменную стену в городе Мцхета, а в сто четырнадцатом, грузины участвовали в восточном походе римского императора Траяна против Парфии, восхитили своим мужеством римлян, и парфян. Наш картлийский царь Фарсман II с семьей и свитой по приглашению римского императора Антония Пия, посетил Рим. И, как пишут историки, Рим был восхищен грузинским царем и сопровождающими его. И на Марсовом поле была даже воздвигнута конная статуя грузинского Царя.

- Да, - улыбнулась Элис, - римская империя была настолько велика и сильна, что ее шупальца достигали многих стран нашего континента. И ей тем более ничего не стоило дойти до нашей страны в центре Европы.

Экскурсия по древнему городу Аквинкум продлилась почти до полудня. Было сделано множество фотоснимков. К концу экскурсии к группе присоединился дядя Элис, симпатичный худощавый мужчина, в теплом, длинном сером плаще. Он дружески поговорил с Зазой, спросил, как ему нравится Будапешт, и нет ли каких проблем.

- Проблемы только с домашними, - улыбнулся в ответ Заза.

- Да, к сожалению, так часто бывает, - согласился Иштван.

- Как, и у вас тоже?

Дядя, которого, как выяснилось, звали Иштваном, посетовал на сложности, даже неудачи в жизни Элис, особенно личной, попросил быть с ней помягче.

Заза кивал ему в ответ головой, соглашался, немножко даже удивлялся:

- О чем вы? Конечно! Мы прекрасные друзья, зачем же мне омрачать эту дружбу?

- Так вот я об этом!

- Я не совсем понимаю вас, Иштван, - признался Заза. – Я ей рассказал в принципе обо всем том главном, что посчитал нужным, чтобы она знала обо мне.

- Я не совсем хорошо говорю по-русски, но хочу дать вам понять: не отрекайтесь от нее и ее дружбы, знаете, у нас говорят, что человек человеку таблетки, - но мне не хотелось, чтоб она лишний раз оказалась разочарованной. Я имею в виду сейчас не вас. Поймите меня правильно, я говорю в общем. Вы понимаете меня?

- Нет проблем, Иштван, о'кей!

- Вы настоящий мужчина, Заза! Элис и вправду в вас не ошибается...

- Она и сама, прирожденный лидер, умеет находить общий язык с людьми и прекрасно с ними ладит

- Пожалуй, да... Но главное в ней все же то, что она в целом любит людей, но... но когда дело доходит до конкретного человека, тем более в личном плане, у нее возникает конфликт с самой собой.

- Да, и вправду легче полюбить все человечество, чем кого-нибудь одного...

Элис поспешила воспользоваться неожиданно представившейся свободой и ушла по своим делам.

Како и Лия отправились на фестиваль-ревью в кабаре «Мулен руж» по интернациональной программе, проходивший по улице Нагумезо 17 и пригласили с собой оставшегося в тот вечер без своей функции Зазу. К ним присоединились самые возрастные в группе дамы, Русико и Манана.

Котэ и Вано предложили своим девушкам как они уже считали, махнуть в ресторан «Паннония». В этом ресторане проходило одновременно три шоу максим-варьете:

фантастическое ревью, супер-магик шоу и интернациональные аттракционы, а также новейшая программа крейзи кабаре.

Мзия тоже потащила своих молодых ребят, Дато и Гию, в один из престижных ночных клубов.

Дито и Нино отправились на концерт симфонической музыки, от которой оба были без ума.

Четверка действовала по принципу довольствования имеющимся: к чему искать чего-то неизвестного вне, когда известное прямо перед носом. Принцип особенно устроил Бориса, позвавшего девушек из встречной транзитной группы.

Борис активничал, быстро «подцепил» сразу трех девушек, пригласил их за столик знакомиться со своими друзьями. Вскоре, Борис зрительно распределил девушек между друзьями, образовавшиеся, вернее, образованные Борисом пары кружились в медленном танце в полутьме танцевальной площадки бара-ресторана, под вращающимся на потолке большим зеркальным шаром светомузыки.

- Надо будет и для Сергей кого-нибудь найти, - предложил Борису танцующая с ним девушка, - я позову.

- Не надо, - отказался Борис, - Сергей мой собственный, личный телохранитель и я не заинтересован, чтобы кто-то отвлекал его внимания.

- Ну, почему же?

- Дело в том, что мы не совсем туристы, - таинственно шептал Борис, - мы здесь с миссией.

- Да? Не может быть?

- Да, может быть.

Сергей между тем попивал шампанское и закусывал его пирожным.

- Эй, ты, Серж, - двинул его ногой Шалва, - не очень-то! Учти, что ты наш телохранитель, и веди себя подобающим образом.

- Да с каких это пор? – поинтересовался Сергей.

- С тех самых, как тебя назначил Борис.

- Как интересно?!

- Не интересно, а почетно и ответственно!

Пары, сформированные Борисом, то сидели за столом, весело обсуждая интересующие молодежь вопросы, то танцевали, в основном медленные танцы под музыку небольшого оркестра гостиничного бар - ресторана.

Девушки с настороженным интересом посматривали на Сергея, который, в соответствии с информацией Шалвы, повел себя, как подобает форменном телохранителю. Вскоре, правда, эта роль наскучила ему и, извинившись, он, вопреки требованиям друзей остаться, отправился к себе в номер.

«Хватит, нечего, - возражал он про себя, - обойдетесь и без кондуктора, как в том анекдоте, а в нашем случае, без телохранителя».

- Ему необходимо уйти, - многозначительно поднял палец Борис, после чего всем пришлось умолкнуть.

Сергей, войдя в свой совместный с Денисом номер гостиницы, сразу же почувствовал благую силу тишины и спокойствия.

«Сколько шума выдерживает человек». Бросив ключ на трельяж, направился в ванную. Умываясь ощутил, как у него болит голова. Сравнил одолевающую его сейчас усталость в стройотряде и, вспомнив, как легко смывается она водой, стал под душ. Освежившись под теплой водой и набравшись новых сил, взялся за свое, уже четвертое письмо к Юлии.

«Здравствуй мой нежный друг, возмутитель моего душевного покоя. По пальцам считаю дни, после истечения которых вновь надеюсь увидеть тебя. Признаюсь, что раньше этот подсчет я считал детским, смешным и забавным занятием, но сейчас понял, что глубоко ошибался. С нетерпением жду хоть какой-нибудь весточки от тебя, хоть признаюсь, подолгу не решаюсь распечатывать твоих писем. Дрожат пальцы, захватывает дух».

«Вправду, что ли, схожу с ума? – оторвался Сергей от письма. Ну, что ж, сходить, так сходить на полную катушку».

«Юлечка, почему-то твои письма идут ко мне гораздо дольше чем, как я думаю, мои до тебя, хотя расстояние между нами одно».

Я не раз писал тебе, что, если берусь за какое-нибудь дело, то вкладываю в него всю душу, отдаюсь ему целиком без остатка и довожу до конца. Так и в письма к тебе вкладываю много душевных сил. И так хочется, чтоб они поскорее попадали к тебе. Но одно дело посылать, а совсем другое получать. Не знаю, существуют ли вообще ваши письма, но я их читаю и в меня прокрадывается мысль о том, что во всем этом участвует привидение, ведет нас, ты

идешь за мной, почти той же жизненной дорогой, и очень хотелось бы, чтоб тебя миновали испытания, за которые как писал великий Данте: «И я, как все возмездья не избег!» Я замахивался в свое время на многое, и у меня были на это основания, но меня вынудили сесть, лишь на кандидатскую посадочную полосу. Теперь мне все безразлично, но в то недалекое памятное время меня больше захватывал процесс работы. Но я полагаю, что душа куда разумнее, хваленного и декларированного всеми разума. Не случайно все-таки великий ученый-физиолог Павлов называл сердце, обитель духа человеческого, вторым разумом человека, хоть я назвал бы его первым. Могу даже поспорить об этом с любым оппонентом и призвать на помощь слова великого Гете о том, что перед великим умом он склоняет голову, а перед великой душой склоняется на колени. Найти бы в жизни ту единственную родственную душу, которая опустила бы меня на колени и к которой можно было бы просто, по-человечески припасть. Это много, это, можно сказать все, что надо человеку для полного счастья, абсолютно без контакта. Но почему люди этого страшатся и избегают. Что ж, у жестокого времени свои законы, и приходится принимать во внимание и учитывать объективную реальность. Не скрою, в одном из твоих писем что-то больно кольнуло мне сердце, показалось, что и ты далеко не полностью раскрепощена и чего-то остерегаешься и опасаясь. Оставь, прошу тебя, свои опасения, я помню о своих обещаниях. Признаюсь и в своих слабостях. В детстве старшие сестры баловали меня излишней для мальчика теплотой и лаской. С их замужеством это прекратилось. У нас есть пословица: не приученного не приучай, а приученного не отучай. Так получилось и со мной. Сестрам стало не до меня, их теперь одолевают свои семейные проблемы и заботы. Познав однажды вкус счастья и благополучия, уже постоянно ищешь его в другом месте и с другими, пребываешь в ожидании и лелеешь надежду обрести его вновь, правда не любим. Как-то у меня получился неприятный разговор с одной из старших сестер. Обиженная на меня, она рассказала об этом другой сестре и заодно напомнила ей, как детьми они радовались, когда я родился, подумать не могли бы, что я стану таким. Хотя верно и то, что все дети прелестны, но со временем сильно меняются и теряют очень многое. Почему так происходит? Почему так искривляет нас жизнь? А как у тебя обстоят

дела на этот счет? Как у вас в семье? Кто больше, кто меньше любит? Так хочется узнать о тебе как можно больше, о твоих мыслях и чувствах, неплохо бы и о возможных маленьких секретах твоей нежной души. Прости, если я прошу слишком много. В жизни так тоскливо и одиноко, хоть вокруг столько людей и столько чего происходит. Хочется порой и поделиться с кем-то, даже очень важным, таинственным... но, увы, есть вещи, о которых скажешь не каждому, и их с каждым днем становится больше.

Мне кажется, тайны души я мог бы открыть тебе. Уж не настоящая ли это любовь? Хоть мы еще так не много знаем друг друга. В поездке я много думаю о тебе, о нас, с наивной надеждой ожидаю от тебя хоть маленькой весточки. Не сойти бы с ума... Спасибо за дружбу и теплоту. Желаю всех житейских благ и больших творческих успехов. Чтобы все всегда было хорошо-хорошо. Твой друг Сергей».

С улицы послышались знакомые голоса и женский смех. Он поспешил на балкон и увидел возвращающихся в отель Кетино под ручку с Котэ, и Софико с Ваном. «Счастливые, - подумал невольно, - счастливые, что нашли в поездке друг друга». Видимо, в шикарном максим-варьете они провели вечер очень весело и приятно.

Вано и Софико, подходя к гостинице, замедлили шаг и, видимо, целовались.

«О-го, - подумал Сергей, - далеко зашли».

Молодые люди с веселым шумом прошли холл и двинулись по коридорам в номера. У самых дверей Вано задержал Софико за руку и, не дав войти, плотно прижал к стене. Видимо, возбужденная недавней выпивкой, Софико не сопротивлялась, не уклонялась от поцелуев, и Вано, осмелев, повлек ее за собой в свой номер. Чувствуя, что теряет контроль над собой, она нашла-таки в себе силы взмолиться:

- Не надо, Вано. Прошу тебя, не надо!

Робкая просьба услышана не была, и Вано, все больше давая воля рукам, потащил ее дальше, так что, не успела она заметить, как оказалась в номере у ребят. Вано действовал быстро и решительно, словно боясь упустить случайно представившуюся возможность.

Кетино растревожилась и, отвлекшись от обмена с Котэ мнениями о недавно виденных, ослепительных шоу, воскликнула:

- Софико все не видно! Как бы они не натворили там глупостей?!

- Да ну, что ты! Дети они, что ли? Сами знают свое дело. Разберутся! – попытался успокоить ее Котэ.

Беседа утратила недавнюю живость, и Кетино призналась, что очень устала и хотела бы отдохнуть.

- Что ж, я пойду, - нехотя поднялся Котэ и, косясь на Кетино, сделал легкое осторожное движение в ее сторону.

- Не надо! – уклонилась Кетино. – Спасибо за чудный вечер.

Котэ поклонился по гостинице и, убедившись, что ему не скоро удастся пробиться в свой номер, завернул к почти уже уснувшим Денису и Серго, которые устроили его на ночлег у себя, на раскладном кресле.

Эта ночь в будапештском отеле почти для всех членов группы прошла очень быстро, а на утро их уже ожидали у входа Элис и водитель Шандор со своим автобусом.

XVIII

В салоне группа оживленно и радостно встречала появление каждого, обменивалась восторженными впечатлениями от давешнего вечера в сказочном Будапеште, советуя друг другу не упустить и посетить то, что видели они сами.

- Так-так, очень хорошо! Кажется, мы уже все в сборе и, главное, без опозданий и эксцессов, - приступала к своему делу Элис.

- Ну, что же. Отрадно видеть, как растет у нас на глазах дисциплина, - похвалила группу Элис.

Умница и замечательная воспитательница, - подумал Заза, - у нее мог бы поучиться сам Макаренко. Но как бы похвала не вскружила им головы.

- Едем, - торжественно сообщила Элис, - осматривать одну из красивейших достопримечательностей Будапешта – Рыбацкий бастион.

- О-о! – оживились в салоне.

- А почему бастион? – спросил кто-то из группы.

- Бастион французское слово, - пояснила Элис, - это многоугольное укрепление в виде выступа крепостной ограды, для обстреливания крепостных и рвов. Рыбацкий бастион был сооружен в свое время рыбаками для удержания круговой обороны в условиях осады.

Элис пустилась в исторический экскурс, а веселый добродушный водитель Шандор, легко и мягко мчал автобус к цели поездки.

- Что такое рыбацкий бастион, спросите меня, - встрепенулся себе Денис.

- Это рыбаки отсиживают в крепости? – уточнил Борис.

- Оставь, ради Бога! Хочешь, чтоб он принялся за свое? – спохватился Шалва. – Хватит, наслышались!

Денис, прищурившись и откинувшись на спинку сиденья, и в самом деле не упустил случая вспомнить свои подвиги на рыбалке на озере Джандари неподалеку от Тбилиси, у села Марнеули, рай для рыболовов. Он не раз испытал прелесть тамошней рыбалки и как-то раз решил залучить туда своих друзей – однокурсников, в том числе и тех троих, которые сейчас сопутствовали ему в поездке по Венгрии. Правда, у него вызывало некоторое опасение то что он, совсем не умел плавать, и отплывать в лодке далеко от берега ему было немного боязно. Друзья подбадривали его и убеждали, что далеко отплывать в тех местах и не придется, что рыба там усиживается в основном в камышах вдоль берегов и неподалеку от них. Так что, проконсультировавшись и вроде бы подготовившись физически так и морально, он начал осуществлять свое достославное намерение с того, что намеченным утром чуть не проспал и наверняка запорол бы рыбалку, если бы его случайно не разбудил отец.

- Эй, великий рыбак! – удивленно потрянул он его за плечо. – Рыбы уплывут! Вставай!

Утром, вскочив с постели, Денис увидел, что опаздывает на встречу с ребятами, наспех собрался, пулей полетел на вокзал и подоспел-таки к отъезжающей уже электричке, на ступени одного из вагона которой вспрыгнул уже на ходу. И только придя немного в себя, опомнился и с ужасом осознал, что впопыхах забыл дома тщательно приготовленные и проверенные удочки. С ним оказалось только небольшая спортивная сумка с предметами первой необходимости для двухдневного уикенда и немного продуктов.

Ребята шутили, успокаивали его, обещали одолжить свои лишние удочки.

Весь первый день, субботу, провели в лодках, в камышах, под дождем, не поймали ни одной стоящей рыбы, а так, лишь изредка попадалась мелюзга.

Начало же второго дня, воскресенья, ознаменовалось еще и градом. Так что рыбаки в основном отсидели его в доме рыбака, на озере, расположенном неподалеку от лодочной прокатной станции. Этот домик впервые и назвал Денис рыбацким бастионом, который защитил их от ненастной погоды.

- Откуда только берется на небе столько влаги, - с досадой подумал тогда Денис, убеждаясь, что такой погоде не будет конца.

К концу горе - рыбалки рыболовами было, как говорится, не до жиру, быть бы живу, никто из них не думал уже не о рыбе, ни о рыбалке, а все помыслы были направлены на то, как бы благополучно добраться до вечерней электрички, чтобы добраться домой целыми и невредимыми. Покидали горе - рыбаки озеро во второй половине дня, как французы Москву зимой тысяча восемьсот двенадцатого года, продрогшие, вымокшие, измотанные, раздраженные, приунывшие, понурые, смущенные, обиженные, искусанные комарами да еще с головной болью.

Денис поглядывал на всех со стороны и вспоминал хвастовство и обещания каждого поймать таких больших рыб и в таком количестве, как никто, нигде и никогда.

- Вот и, ваши послы, - посмеивался Денис в душе над рыболовами - неудачниками.

- Какой позор, что скажут мои домашние, - волновал его и другой вопрос, - нет, определенным образом нужно будет успеть зайти на рынок, прежде чем являться домой, купить хоть немного рыбы, иначе подымут на смех, стыда не оберешься. Особенно зять, понесется и давай вспоминать свою несчастную бабушку Розу.

Нет, я этого явно не вынесу, лучше уж вернуться назад и укрыться в злополучном рыбацком бастионе. Но ведь это уже невозможно, - осознал он, поглядывая на свои промокшие и облепленные грязью ботинки. - Но, с другой стороны, я могу не успеть на рынок, и к тому же в таком виде... С такими мучительными мыслями Денис шел рядом с группой ребят, пытаюсь найти какой-нибудь выход.

- Иди спокойно и не разбрызгивай грязь, - заметил, оглянувшись Борис, - и сам весь в грязи, а ты еще на меня грязь кидаешь.

- То! Чего ты от меня хочешь! Иду, как могу. Не нравится, то отойди в сторону, - огрызнулся Шалва.

- Пусти его вперед. Не знаешь, что ли, евреи везде должны быть первыми, - подколол его однокурсник Симон которому Шалва дал прозвище Толстяк.

- Отойди, говорю, - отбрехивался Шалва.

- То! Раскричались! Места вам мало, что ли? – подал голос и Сергей. – Тоже мне! Идете, и идите!

Нависшее молчание нарушил один из рыбаков:

- Ребята, у вас бычков не осталось? Парень так часто просил у ребят бычков и так ловко удил, что даже в дождь, укрывшись плащом, умудрялся вылавливать из озера рыбешек – бычков, что не без основания заслужил прозвище Бычок.

- Курить надо бросать, - предложил ему Денис.

- Я знаю, что могу бросить курение, потому, что делал это тысячу раз, - вспомнил бычок Марк Твена.

Нет, ребята, в натуре, объясните, мы на рыбалку ездили или в карты играть и выпивать?

- А ты что, разве не знаешь? - напомнил Шалва. – Один умный человек сказал, что рыбалка это та же пьянка, только в резиновых сапогах.

- А удочка – это палка с крючком на одном конце и дураком на другом.

- Тогда надо было загодя обговорить, что едем не на рыбалку, а на пьянку, - не унимался Денис.

- Как, разве не по этому, ты оставил свои удочки дома?

- Не оставил, а забыл!

- Забыл, забыл, пить надо меньше, тогда и помнить будешь больше!

- Можно подумать, что я такой же выпивоха, как ты, Симон!

- Ты что же, не помнишь закон Архимеда по В. Зудову? О том, что всякая жидкость, помещенная в тело, вытеснит столько мыслей, сколько градусов в жидкости.

- А Дин Мартин вообще утверждает, что человек не пьян, если способен лежать на полу, не держась на него, - с гордостью заявил Борис.

- Прав был Авраам Линкольн: если употребление алкоголя и приносит вред людям, то проистекает он не от

употребления плохой вещи, а от не правильного употребления хорошей вещи.

- Ничего не скажешь, метко!

Шлепали по грязи, удаляясь все дальше от озера.

Неподалеку показалась группа местных, марнеульских, по большей части женщин, которые цепочкой двигались вдоль, проездной дороги и шарили руками по земле, затопленной вышедшей после проливных дождей из озера водой.

Горе – рыболовов это зрелище удивило, позабавило и насторожило. Подойдя поближе, они догадались, что женщины вылавливают выплывших из озера на обочину дороги карасей, карпов и бычков. Улов собирали в сумки, мешки, целлофановые кульки. Несмотря на усталость и спешку, с сомнительной верой в удачу Денис все же, разувшись, пустился по затону. Поелозив рукой по залитым водой буграм, камням и траве, нащупал-таки уткнувшегося в слякоть карпа средних размеров и, припомнив знаменитого Блеро, с не меньшей, чем тот радостью, выкинул его на дорогу, под ноги друзьям, уговорившим его побыстрее завязать с бессмысленным делом и поспешить на станцию, чтоб не прозевать последнюю вечернюю электричку.

Но радость от первой удачи подтолкнула приунывшего было Дениса на очередную.

Один из местных заметил, что с утра такая ручная рыбалка была куда богаче и интенсивнее чем сейчас, когда почти всю рыбу уже выловили и спугнули.

Тем не менее Денису удалось отыскать под убывающей водой до десятка рыб чуть меньше среднего размера.

- Все, еще последнюю, и выхожу! – успокаивал он нетерпеливо ожидавших его на дороге друзей.

Поиски последней рыбы продлились дольше предыдущих, чувствовалось, что отлов сделал свое дело.

- Вот, вот, поймал, наконец! – с радостью выкрикнул Денис, ухватывая скользкое гладкое тело добычи.

Но его последняя в этой рыбалке радость оказалась непродолжительной. Пожилая женщина из числа местных, с удивлением попыталась вырвать из воды ногу, плотно обхватившую руками Дениса, не прекращающего восторгаться своими успехами и удачей.

На берегу надрывались от хохота ребята.

- Смейтесь, смейтесь, сколько влезет! – торжествовал Денис уже дома, по возвращении, когда отец, наполнив ванну водой, пустил туда еще живых рыб.

- Молодец! – довольно восклицал он. – Из тебя выйдет, если уже не вышел, настоящий рыбовод! И надо же, в такую погоду!

- Ах, моя бедная бабушка Роза! – не упустил случая вспомнить прародительницу, зять Дениса. – Если бы она увидела этих несчастных рыбок...

Пока Денис, прищурившись и откинувшись на спинку скамьи в туристическом автобусе, погружался в воспоминания. Элис рассказывала туристам о достопримечательностях венгерской столицы и рыбацкого бастиона.

- Практически все жители страны тянутся в Будапешт, - отмечала она, - здесь сосредоточены государственные учреждения. Будапешт играет роль не только центра промышленности, но и науки и культуры, и поэтому поездка в столицу для многих дело обыденное и нередкое.

- У нас то же самое, - ввернул Заза.

- Да, - согласилась Элис, - в столицу едут по делам, в театры, на концерты, выставки, в магазины посмотреть новинки моды, по тысяче других причин и поводов, не говоря уже о сотнях тысяч рабочих и служащих, студентов и учащихся, ежедневно приезжающих из близлежащих районов. Думаю, вы уже успели заметить, знакомясь с Будапештом, что прежде всего в глаза бросается редкая красота двух резко контрастирующих берегов Дуная – расчленено – холмистого правого, Буды, и плоского равнинного левого Пешта.

- Между прочим, Тбилиси и этим похож на Будапешт, - заметил Заза.

- Да, как Ваке и Сабуртало на правом берегу Куры и Нахаловка – Санзона – Глдани на левом!

- А что на этот счет думает Денис?

- Он, кажется, вздремнул!

- Да не сплю я, не сплю, успокойтесь, просто вспоминаю рыбацкий бастион у нас на родине, на озере Джандари, сравниваю со здешним.

- А... Вот оно что!

- Эта контрастность подчеркивается своеобразным историко-архитектурным обликом отдельных частей

города, - продолжала Элис, словно перебивая беседующих параллельно с ней.

- Я уже говорила, объединения трех ранее бывших самостоятельными городов Пешта, Буды и Обуды в один произошло в тысяча восемьсот семьдесят третьем году, так что официально город Будапешт считается молодым, хотя время истории его уходит в далекое прошлое, что подтверждается осмотренным нами вчера в Обуде руины старого римского города – опорного пункта Аквинкума.

- Из трех названных городов особое место занимала Буда, с четырнадцатого века являющаяся столицей Венгрии.

- Слушай, откуда она столько знает?

- Сколько и мы о своем родном Тбилиси!

- Заглохни, дай послушать!

Кое-кто принялся делать записи в блокнотах.

- От средневековой Буды осталось не много.

Известнейшим готическим архитектурным памятником Будапешта является изящная церковь Матьяша на крепостной горе, которую мы обязательно посетим.

Буда долго находилась в руках турок. Турецкое нашествие, бой за Буду, пожары, уничтожили значительную часть города. После восстановления, в старейшей части Буды, на Крепостной горе и в прилегающих к Дунаю частях Пешта, в архитектуре стали доминировать барокко и неоклассицизм.

Господствующее место на Королевской горе занимает бывший Королевский дворец, в котором сейчас расположены Венгерская национальная галерея, Исторический музей, Музей рабочего движения и крупнейшая в стране библиотека им. Сечени. Полностью реставрированы после второй мировой войны дворцы, жилые дома, старинные церкви и памятники, примыкающие к крепостной стене и декоративный Рыбацкий бастион. Он был сооружен в конце прошлого века на месте, где оборона крепости была поручена цеху рыбаков.

- Крепостную гору украсило несколько новых зданий. Среди них новая монументальная гостиница.

К югу от Крепостной горы расположена гора Геллерт, на которой ныне возвышается Монумент освобождения в

память советских воинов, отдавших жизнь за освобождение венгерского народа от фашизма, среди них, возможно, было и немало грузин, - сделала жест в адрес своих гостей Элис, - мы обязательно побываем у этого монумента.

Еще немного терпения, и я закончу, заметила Элис некоторую усталость группы. В девятнадцатом веке Буда вышла за пределы крепостных стен. Появились характерные для большого города крупные магистрали, в зелени холмов один за другим вырастали особняки, гостиницы. Районы к западу и северо-западу от гор Геллерт и Крепостной, по сути дела густо застроенный лесопарк со множеством санаториев, домов отдыха, благоустроенных вилл, гостиниц и пансионатов, места прогулок и экскурсий. В Обуде исчезла одноэтажная, не отвечающая современным требованиям застройка.

Подъехали к конечному пункту маршрута, пошли неторопливо выгружаться.

- Вставай, рыбак, рыба идет!

- А? Что? Уже приехали? – похоже, пробудился-таки Денис.

По высадке прозвучала традиционная просьба Зазы, о подобающем поведении при осмотре памятных и исторических мест Будапешта.

Не считая мелких эксцессов и нарушений, просьба Зазы выполнялась почти до последнего дня турпоездки.

Оставшиеся же дни в Будапеште были полностью посвящены экскурсиям по достопримечательностям города, которые, не смотря на разношерстность группы Зазы, почти никого не оставили равнодушным и почти все были очарованы красотой Будапешта.

Даже, кто-то из группы, сочинил наспех, небольшую песенку про Будапешт, подхватываемую зачастую и многими остальными членами группы, которая звучала в словах следующим образом:

Будапешт, Будапешт,
Если кто тебя забудет,
Не дадим ему пешкеш!

Много фотографировались, обменивались впечатлениями, давали друг другу рекомендации, так, что вечерние мероприятия и времяпрепровождения словно колесом крутились по группе, вовлекая практически каждого.

Поздним вечером четвертого дня пребывания в Будапеште, Заза, провожая Элис домой, задумчиво и грустно попрощался с ней.

- Зайдешь? – подняла Элис вопросительно-печальный взгляд на Зазу.

- Нет, поздно, пожалуй, - воздержался Заза.

- Что с тобой? – удивилась Элис. – И вчера не зашел. Уж не наговорили ли тебе что?

- Нет, что ты! Устал что-то, и голова разболелась.

- Я знаю лекарство от этой болезни.

Элис приподнялась на цыпочки и поцеловала его в губы.

- Что ты со мной делаешь? Через несколько дней я покину Венгрию. Ты, что же, хочешь расширить список своих поклонников?

Элис встрепелась, дала ему легкую пощечину и резко отбежала к дверям.

- Элис, погоди...

Весь вечер и всю ночь Заза провел в смятении.

Элис неожиданно ворвалась в его душу, все перевернув и переверотив в ней, и неосторожные слова, которые он себе позволил, мучили и терзали его.

Тем же вечером, после веселого времяпрепровождения Софико уверяла свою подружку Кетино в преимуществах свободной, вольной, европейской любви.

- Знаешь, Кет, - признавалась она, - с некоторыми подходами можно поспорить, но простота отношений очень подкупает.

- Какая именно?

- Например, то, что молодая влюбленная пара до свадьбы живет вместе, в так называемом гражданском браке чуть ли не год, а порой и больше. Это дает возможность хорошо изучить и испытать друг друга.

- Да, но, позволь, разве для этого обязательно спать с этим человеком? – Изумилась Кетино.

- Но ведь человека надо испытать во всех отношениях. Человек до секса совершенно иной, чем после него.

- Но это же противоречит христианским нравственным устоям? – возмутилась Кетино. – Так можно менять избранников до бесконечности!

- Ну, почему? Конец наступает всегда и во всем.

- Вот именно! А хорошего конца быть не может, об этом еще сам А.С. Пушкин писал.

- Ну, хорошо, помнишь, в прошлом году я тебе давала роман О. Хаксли. Он советует нам представить трубу с водой под сильным напором. Потом пробейте в трубе отверстие, и увидите, какой из нее ударит фонтан. Если же проделать не одно отверстие, а, скажем, двадцать, то выбьется два десятка слабых струек. Так же и с эмоциями.

- Но ведь это же отход от христианства!

- Я не совсем с этим согласна, но ведь и в этом есть доля правды, как во всем.

- В неправильном мышлении истины нет, - стояла на своем Кетино.

- Рефлекс повиновения запрету у людей не сформирован, - защищалась Софико.

- К повиновению и покорности ведет нас страх перед Господом, он начало мудрости и блага.

- Да, но что делать, если человек не верующий?

- Соблазны ведут к одинаковому раскаянию. Начинаются болезни, причем не только телесные, но и душевные, отгораживания от людей, нищета.

- Хаксли пишет еще, что состав народонаселения смоделирован с айсберга, у которого восемь десятых массы находится под водой и только одна десятая над водой.

- Здесь, в Европе, девушки до тридцати лет в основном гуляют и выходят замуж после тридцати, чтобы не обременять свою молодость.

- А ты посмотри, каковы последствия этого! Резко упала рождаемость.

- Зато они счастливы, счастливы, что живут, прежде всего, для себя!

- Ты это серьезно?

- А что?

- И тебе нравится такая вседозволенность?

Тут на каждом шагу торгуют презервативами, и дело дошло до того, что их выдают во всех магазинах вместо сдачи. Это же не, что иное как подстрекательство и подталкивание к греху. В карманах у наших они тоже найдутся.

- А у тебя?

- Посмотри! Если найдешь, возьми себе.

- Не хочу больше спорить. Время и жизнь покажут, кто прав, и все прояснит.

- А что ты будешь делать, если Ваню тебя потом бросит? - спросила Кетино.

- Занимайся лучше своим Котиком, - обиделась Софико.
- Все, что не происходит в соответствии с истиной, рано или поздно оборачивается злом. У человека, кроме физического, есть и духовный, нравственный стержень, и если его долго нагружать грехами, то рано или поздно он не выдержит, и тогда спасти его, трудно.

- Ох, уж эти поучения, я ими сыта по горло!

- Пожалуйста, поступай, как знаешь, мне-то, что? – разочарованно бросила Кетино.

Разговор слово за слово заходил далеко и длился долго, пока подруги, разочарованные друг другом, не погрузились в сон.

XIX

Последний, пятый день пребывания в Будапеште, выдался для всей группы насыщенным, красочным и интересным.

С утра Элис повела группу осматривать острова на Дунае, один из которых, Маргит, был оборудован под благоустроенный парк с гостиницами, купальнями, теннисными кортами, ресторанами и кафе – эспрессо.

- На острове Чепель, друзья, расположено крупнейшее в Будапеште промышленное предприятие, Чепельский металлообрабатывающий и машиностроительный комбинат, - перечисляла Элис. - Через Дунай, в черте города, перекинуто восемь мостов-красавцев, из которых два железнодорожные. Раскинувшийся на придунайской равнине Пешт долгое время был торговым придатком Буда, его роль стала возрастать во второй половине восемнадцатого века, когда все больше правительственных, культурных, учебных учреждений, промышленных и торговых предприятий стало размещаться на левобережье. В пределах так называемого Малого кольца, находится большинство правительственных учреждений.

Осмотрели величественное здание парламента страны. Прошлись по многолюдным торговым магистралям, с

привлекательными витринами и множеством небольших уютных кафе. Останавливались, пили кофе, кока-колу.

- В городе, как вы видите, - сообщала Элис, - сотни небольших эспрессо, а в центре они буквально на каждом шагу.

- Не хочу жить в санзоне, а хочу жить в Будапеште, - расчувствовался Шалва.

По группе прошла волна оживления.

- Спокойно, - успокаивал Заза, - у нас со временем будет еще лучше.

- Да, много ты знаешь, - пробубнил под нос Шалва.

- Главные торговые магистрали Пешта это Большое кольцо, радиальный проспект Лайоша Кошута и еще несколько улиц. Двух километровый проспект был проложен и застроен в семидесятые–восемидесятые годы прошлого века к тысячелетнему юбилею Венгрии. Он завершается Площадью Героев, с величественными зданиями Музея изящных искусств. Центрального выставочного зала и комплексов памятников к тысячелетию Венгрии. Мы сейчас едем туда, - посмотрела на часы Элис.

- На площади Героев живет Денис! – воскликнул вдруг Шалва.

- Дубина, так же не в Будапеште, а в Тбилиси, - толкнул его Борис.

Сергей что-то писал в блокноте, Шалва подтрунивал над ним, даже осведомился у Дениса, не вытолкать ли его в шею?

- Да оставьте его в покое, - отвел от Сергея угрозу Денис, - не видите, человек материал собирает для своей будущей книги.

- Не скажи? – удивился Борис. Ладно, пусть пишет, а мы потом почитаем и, если что не понравится, надаем ему.

- А где мы его книгу возьмем?

- Не бойтесь ребята, ситуация под контролем, я все контролирую, - заверил Денис.

- Да ни хрена ты не контролируешь, а сам будешь его издателем, вот увидишь, - усмехнулся Шалва.

- Спокойно! – поднял руку Борис.

- Да, один раз это уже было, и вот вам результат! – подметил Шалва.

Санзона – один из районов г. Тбилиси

- А ты, что жалеешь об этом?

- Да... - задумался и тут же спохватился Шалва.

- Ну, вот и все, а теперь молчи и дай нам послушать. А Сергей такой же писатель, как я китайский император.

Как и обещала, Элис оставила автобус у площади Героев.

Осмотрели ансамбль точных копий некоторых известных Памятников венгерской архитектуры, за площадью излюбленное место отдыха и развлечений горожан – городской парк, с примыкающим к нему зоопарком, цирком и знаменитыми аттракционами – Веселый парк.

Элис рассказала о строительстве метрополитена с использованием богатого опыта советских строителей и применением Мытищинского завода. Среди средств городского транспорта, кроме традиционных, Элис отметила и одну из немногих в Европе зубчатых железных дорог до горы Сечени, подвесную канатку до вершины Яноша, на отметке пятьсот девяносто два метра над уровнем моря и одну из самых протяженных в мире железных дорог, протянутую в четырнадцать километров вдоль самых живописных мест Будайских гор. Упомянула о множестве горячих источников в черте города.

- Уже римляне, а позже и турки устраивали у источников купальни. Сейчас у выходов горячей воды возведено свыше десятка бань и водолечебниц с крытыми и открытыми бассейнами.

- Хочу в баню, - воскликнул Шалва.

- Баня будет тебе в санзоне, - успокоил его Борис.

- Будапештцы тоже их очень любят, - словно отвечая на возглас Шалвы, продолжила Элис.

День завершился весенним прощальным банкетом всей группы в роскошном ресторан неподалеку от гостиницы.

Не дождавшись конца застолья, Элис утащила с собой Зазу, предоставив группе полную свободу.

Она повезла Зазу на гору Геллерт, потом на рыбацкий бастион откуда они любовались вечерней панорамой города, огнями реклам, бесконечной цепью освещенных нарядных витрин, иллюминированными мостами, вереницами, жителей столицы и туристов, прогуливающих по ним и по улицам, заполняющих открытые террасы ресторанов и эспрессо... Совершили прогулку по Дунаю на катере.

- Неужели и сегодня ты откажешься зайти хоть ненадолго? – спросила Элис, когда подошли к ее дому.

- Элис, поздно, когда же я вернусь в гостиницу? – замылся Заза.

- Ну, хоть ненадолго. Тебе не интересно как я живу?

- Нет, что ты, очень даже... - заплелся язык у Зазы.

- Ну, тогда пошли, - почти силком потащила Элис Зазу за собой.

- Как бы они без меня чего не натворили, Элис?

- Да они наверно уже все бухие и спят. За эту ночь отвечаю я!

- О-о! – протянул Заза, - как здесь тепло, мило и чудесно! Как уютно и комфортно.

- Правда? – радовалась Элис, знакомя гостя со своим временным жильем.

За стол уселись в гостиной.

- О-о! – воскликнул Заза. – Это та бутылка Шампанского, которую мы взяли на теплоходе и так и не успели распить?!

Разговор продлился минут двадцать, под легкую и приятную венгерскую мелодию из магнитофона Элис.

Элис вышла покурить на балкон, облокотилась о перила, посмотрела вниз, потом вверх. Мягким, неслышным шагом приблизился Заза.

- Сегодня Лунная ночь, - отрешенно пробормотала Элис.

Пока она курила, под луной проплывало вытянутое в длину прозрачное перистое облако.

- Так, без облачка, она куда прекраснее...

- Да-а, - согласился с ней Заза.

- Темные пятнышки, как материки, на фоне яркого, светлого диска.

- Заза, быстро ответь мне, луна это шар или круглый плоский диск?

- Что с тобой? – удивился Заза. – За кого ты меня принимаешь?

Элис не сдержала смеха.

- Между прочим, астрономии обучают не только у вас, в Будапеште, но и в Тбилиси.

- Да? А я-то думала, глупая... А почему ветерок гонит тучи под луной, а саму ее не трогает?

- Чтoб мы смогли ею любоваться!

Элис снова засмеялась.

- Я люблю твой смех!

- А меня?

- И... тебя...

Он некоторое время растерянно смотрел на нее, потом склонился к ней, пробежал губами по всему периметру ее губ. Потом сжал руками ее маленькую головку и прижал к себе, будто пытаясь вобрать ее в сердце.

- Что ты со мной делаешь, Элис?

Она дрожала в его объятиях, как тростинка на ветру, и он поднял ее на руки.

- Разве ты не знаешь, что распускать страсти, значит терять над собой всякое управление, а это, как говорится, это, это, - заплетался у нее язык, - а это до первого фонарного столба.

Заза уже не слушал ее, а действовал машинально.

- Что же мы с тобой натворили? – испуганно восклицал через некоторое время Заза.

- Ты на мне всю одежду разорвал!

- Да ну! Мы даже не успели откупорить шампанское!

Вскоре, сидя на краю постели, они чокались бокалами с шампанским и заедали его кусочками шоколада.

- За совпадение чувств и поступков, - звенела бокалом Элис, - Но не волнуйся, это тебя ни к чему не обязывает. Во всем повинна красота Будапешта.

- Пойду еще полюбуюсь на него, - поднялся Заза

- Ну, что ж! Прощальный поцелуй?!

- Нет! Нет! Еще нет!

Элис подошла к фортепиано и прошлась по клавишам.

- Где ты училась? Ты изумительно играешь!

- В музыкальном колледже, - не прервала Элис « Лунную сонату». Она играла свою любимую вещь и с грустью осознала, что играет так только для него и больше никогда никому так не сыграет, - лунную сонату Будапешта.

Элис вспомнилось прочитанное когда-то о некоем птенце, который покинул родные места и гнездо и отправился в дальние края поискать то, о чем он мечтал все время, возлюбленную. И когда нашел ее, то запел единственный раз в жизни и пел ничего не видя вокруг, отчего налетел на шипы, а в предсмертной агонии запел еще прекраснее, и все кругом замерло, слушая его.

- Вся наша жизнь, проходит в ожидании чего-то необычайного, - как бы подхватывает его мысли Элис, - оно незаметно приходит и уходит от человека, оставаясь рядом всего лишь мгновение, о том, когда оно приходило, мы обычно узнаем, оглядываясь на многие годы назад.

- Жаль, что у меня не будет ребенка...
- Кто его знает! Может все образуется?
- Толстовское все образуется! – улынулась Элис. – Ладно, не важно, главное, что есть ты.

- Ты читала и знаешь Толстого? – нажал Заза на носик Элис своим указательным пальцем.

- Если в Тбилиси обучают астрономии, то в Будапеште литературе и всем знаменитым классикам.

- Ты знаешь, мне кажется, что венгры и грузины очень похожи.

- Чем? Темпераментом, характером, музыкальностью...

- А еще, а еще?

На мгновение Заза задумался, но сразу нашелся:

- Готовность любить всегда и везде!

Лунная ночь Будапешта оказалась знаменательной не только для Зазы и Элис, но и почти для всей туристической группы.

После торжественного фешенебельного общего празднования, прощального вечера, многие догуливали в барах, ресторанах, а также в своих номерах роскошной столичной гостиницы, по принципу «свои общаются со своими».

Сергею не без труда удалось отколоться от друзей с затянувшегося застолья и перед сном найти все-таки силы написать Юле.

«Прости, что беспокою тебя в столь поздний час, еле оторвался от друзей. Давно не получал от тебя ни строчки. Переживаю, не обидел ли тебя чем-нибудь.

Возможно, вина моя в том, что я желаю предстать перед тобой не только с лучшей стороны, но и таким каков на самом деле, хотя трудно найти, хоть одного человека, который бы знал себя целиком. Я сумел бы или по крайней мере постарался исправиться, если бы ты указала, в каком направлении мне следует это сделать.

Ну, хочешь, сердись на меня, обругай, но только не молчи, пожалуйста.

Мне бы много хотелось бы обсудить с тобой, о многом переговорить, а глупости мои пропуская мимо ушей и не обращай на них внимания.

В жизни много избирательно, думаю даже с последнего дурака можно взять что-то в социальном плане и даже кое-чему от него научиться.

Меня очень интересует как дела с твоей диссертацией, как дела на работе. Понимаю, что у тебя, возможно, куча проблем, в том числе и со временем, но, пожалуйста, найди его хоть немного для меня.

У меня ощущение тревоги, как и у человека, которому известно время его конца. Я просто пропадаю в поисках своего причала, своей тихой пристани в желанной и долгожданной гавани, вдали от будущего страстями и событиями океане жизни. Но ищу свою точку приложения не для того, чтобы, как Архимед, сообщать миру о своих намереньях и возможностях, а для того лишь, чтобы хоть частично реализовать себя, свой внутренний мир, разбудить энергию и потенциальные возможности, которые замерли во мне в ожидании встречи с тем единственным человеком, близким другом, с которым можно было бы поделиться самым глубоким и сокровенным.

Только в этом я вижу спасение и надежду не только для, самого себя, но и для этой близкой души.

Не может пропасть без следа»...

Сергей, так и не довершив очередного письма, усталый погрузился в глубокий сон. Спросонья слышал веселые голоса провожавших Дениса до их номера, его буйных отказов уложить его в кровать.

- Что я вам, девушка, что ли? Не смейте меня раздевать, ступайте к своим подружкам!

После перепалки наступило-таки затишье, сопровождающееся снами.

К полуночи вновь слышались веселые, знакомые голоса членов группы.

«Ну, никак, никак не угомонятся!» - подумалось сквозь сон.

Уже совсем поздно наступившую - таки тишину пропорол истощный, душераздирающий рев мотора одного из автомобилей на стоянке перед гостиницей, сменявшийся венгерской речью.

Рев мотора продолжался с переменной мощностью столь долго, что Сергей несколько раз порывался встать. Вскоре, слышался звон разбивающегося стекла, мужские крики и брань, судя по всему, даже матерщина на венгерском языке. Шум продолжался, но Сергей не смог преодолеть дремоты и проспал до утра.

Ранним утром следующего дня его удивило отсутствие в номере Дениса и подозрительная, как ему показалась тишина.

- Не уж то уехали и оставили или просто позабыли меня, - мелькнула у него тревожная мысль. Кинувшись на балкон в надежде обнаружить перед входом в гостиницу их автобус, он с тревогой заметил на стоянке лишь две полицейские машины.

Он быстро накинул на себя одежду и, даже не умывшись, выбежал на поиски своей группы. Несколько близлежащих знакомых номеров, в том числе и номер Шалвы и Бориса, оказались наглухо заперты. Часть группы, к счастью для себя, обнаружилось в комнате Гида Зазы, где с волнением обсуждалось ночное, не известное ему до конца событие. В номере присутствовал и полицейский.

- Что тут творится, Шалва? – прошептал Сергей.

- Аба ме ра вици. – Ночью, оказывается, поздно ночью кто-то бросал бутылки из окна гостиницы. Повредили две машины, и теперь их шьют это дело нам.

- Сделали не наши, да? – с надеждой спрашивал Сергей.

- Я с Борисом не делали точно, - подтвердил Шалва, - надеюсь, ты с Денисом тоже, а за других не ручаюсь.

- Кабы не влипнуть!

- Так все шло гладко и сладко, и вот тебе на!

- Нас всех, кроме некоторых, в том числе и тебя, еще ночью подняли!

- А почему меня не разбудили?

- Заза велел не трогать, сказал, что ты на такое не способен.

- Ну, что ж, спасибо ему, но общего-то дела это не меняет! А где наши остальные?

- Вместе с Элис в вестибюле гостиницы, там полиция, владельцы автомашин, разборки...

Неприятная канитель-разбирательство длилось еще долго. Полиция настаивала, чтоб Заза и Элис пошли с ней нарядом, с владельцами автомобилей. Настояния и уверения Зазы не возымели ни малейшего действия. Ситуацию усугубило и то, что Заза проговорился о своем отсутствии ночью в гостинице.

1. Аба ме ра вици – (груз.) А я откуда знаю.

- Как же вы в таком случае ручаетесь за своих, - нажимал на него офицер полиции.

- Все, ребята, нам всем хана! – обреченно обратился к группе ее гид, речь которого напоминала Сергею призыв царя Спартанцев Леонида к оставшемуся в живых небольшому отряду воинов.

- Спартанцы! Фермопилы нам с вами не удержать, так попробуем убить царя Ксеркса.

Дальше помнилось смутно.

- Ну, так вот, ребята, - продолжал между тем Заза, смущенный ночным происшествием, но подбодренный Элис и собравшийся силами, - честь наше группы видимо сохранить не удастся, так попробуем устранить предмет нашего спора с обвинителями, которые требуют денежного возмещения якобы нанесенного им нами материального ущерба.

Раздались отдельные негромкие возражения и несогласия:

- Это не мы... Мы-то здесь причем! Что, кроме нас, в гостинице никто не проживает? Почему взяли именно за нас? - Спокойно, спокойно, прошу вас, - взывал Заза, вытягивая вперед руку в позе вождя.

- В поездке мы все связаны одной цепью, о чем я вам неоднократно говорил. Если хоть один из группы даже недолго будет задержан в полиции, не говоря уже обо всей группе, мы не сумеем, как минимум вовремя выехать из Будапешта.

- Погоди и помалкивай! – оборвал его Борис.

- Открою еще один секрет, - продолжал Заза, - по графику поездки нам не положено было оставаться в Будапеште столько дней, но как гид Элис попросила начальство и нам разрешили, причем на максимальный срок, урезав от экскурсий по другим городам. Сейчас я думаю, что зря мы это сделали, но дело не в этом, а в том, что за удовольствия рано или поздно приходится платить.

- Да, но мы же заплатили!

- Ну, хорошо, скажу короче и яснее. У нас два выхода: либо мы остаемся в Будапеште на неопределенное время для расследования, произошедшего, которое может пролить свет на еще многие ночные происшествия ни одного из нас, - Заза имел ввиду прежде всего себя и Элис, - на что думаю, не многие из вас согласятся. Либо собираем сумму для возмещения нанесенного ущерба и через несколько минут уносим ноги. Думаю, не стоит напоследок омрачать пять

чудных дней в Будапеште, которые, думаю, останутся в памяти каждого из нас на всю жизнь.

- Интересно, чего это мы должны платить за других свои кровные? – возмущалась в основном женская часть группы.

- Так что же, будет платить ни в чем не повинная Элис? – воскликнул Заза, заметив, как та вытряхивает из сумочки на стол все свои деньги.

По группе пронеслось движение, и вслед за Элис выложил из кошелька все имеющиеся венгерские деньги и Заза.

Прошелестел шепот, пошли переговоры, первыми поддержали гидов Како и Лия. За ними последовала четверка, с трудом вырвавшая, правда из рук Шалвы небольшую купюру, как вяленую воблу из рук Вицина в кинофильме «Двенадцать стульев».

Джентльменский поступок четверки подхватили Дито и Нино, а за ними Ваню и Котэ, и понемногу вся группа пополнила сбор.

Вскоре Элис передала его в вестибюле гостиницы пострадавшим владельцам в присутствии сотрудников полиции, за что получила расписку.

Пострадавшие, однако, сочли сумму не достаточной. Пришлось собирать по второму кругу, после чего все-таки недовольных владельцев Элис уломала не донимать иностранных туристов, учесть, что они гости их города. Переговоры завершились, и разошлись конфронтационные стороны в общем-то с миром.

Вскоре группа свободно вздохнув, хоть и испытала подавленность и, моральную и физическую усталость, отъезжала от гостиницы и миновав главные и второстепенные улицы Будапешта, вырвалась на основную междугороднюю автомагистраль Будапешт – Эгер.

- Так шведы бежали из под Полтавы, - напевал себе под нос Шалва.

На трассе Шандор включил магнитофон и вложил одну из своих кассет.

Автобус, набрав оптимальную для себя скорость, уже мчался по основной трассе – Будапешт – Мийкольц. По сторонам ее нахлывались и каркали стаи ворон.

- Им-то что от нас надо? – расстраивался Шалва.

- Не знаешь, что ли? – пояснил Борис. – Прсят платы натурой.

- Лав эли! Не люблю я их. Пусть лучше сматывают, не то выматерю.

- А кто их любит? – Удивился Денис.

- Тот, что помалкивает, наверное, - намекнул Шалва на Сергея, который спросонья поклевывал и пытался воссоздать звуки и голоса, которые слышал давешней страшной ночью, и вроде вычислил-таки виновников события, но счел, что не имеет смысла называть сейчас их имена и позорить, а тем более вызывать новые препирательства и разборки, хоть и был уверен в своих догадках на девяносто процентов.

Автобус все мчался по автостраде Будапешт – Миикольц, стаи ворон по-прежнему провожали своих гостей из Будапешта, а по салону автобуса плыла легендарная музыка Л.В. Бетховена - «Лунная соната».

«Нет, это в правду наваждение» - воссоздавал Заза картину давешней ночи, пожалуй, самой лучшей в прошедшей, а возможно и в будущей жизни.

«Пусть простит меня великий композитор, но «Лунная соната» отныне для меня станет «Лунной сонатой Будапешта» - следил он взглядом за сорвавшейся из глаза и переливающейся блеском слезинкой на щеке Элис. Над ней вспорхнул яркий цветочек с нового платка.

Заза обнял Элис и легонько потряс ее по сторонам.

- Не надо, увидят...

Но заметить успели.

- Не переживай, Элис, и все хорошо, и мы еще кое-что соберем.

- Нет, нет, друзья, это вовсе не из-за денег, - поспешила оправдаться Элис, - просто мне неловко за происшедшее.

Заза не понял, какое происшествие она имела ввиду, Или, вернее понял.

Волны музыки охватывали салон, вырывались за его пределы, и казалось, что мотор сам устремляется за ним ввысь.

- Нажимай, Шандор, - подбадривал Заза водителя.

Молодые женские руки ритмично протирали влажной тряпкой оконную раму. Такая влажная уборка была рекомендована, особенно горожанам, несколько лет тому назад, после повреждения объекта номер один, потрясшего всю Европу, но не утратила актуальности по принципу осторожности.

«Как все в жизни взаимосвязано и взаимообусловлено!»

Судьбоносные нити, соединяющие друг с другом все живое и неживое в мире, настолько тонки и призрачны, что даже одно грубое прикосновение может порвать их.

- Чужой беды не бывает, внученька, - словно угадывая ее мысли, произнесла бабушка, целиком поглощенная вязанием на спицах. Ей и раньше приходилось заниматься этим, но сейчас, на этом отрезке своей жизни, она с особой силой ощутила связь дела рук с делом души.

«Порой одно и то же явление или событие, предстает разными гранями и оттенками, возбуждая и пробуждая новые рецепторы мироощущений», - поражалась она своему открытию.

- К сожалению аварии, в том числе и глобальные, спутники цивилизации, - напомнила она внучке.

- Мяу, - напомнил о себе симпатичный котенок.

- Да, да, Максимка, прости меня, я пропустила слова о ласке и любви, но забыть о них не забыла, - повинулась внучка.

- У всего в жизни есть итог, - перебила бабушка, - он согласует все видимое и невидимое, но мы этого не замечаем, - указала она взглядом на большую икону Спасителя на стене. – Он правит всем уходящим и постоянными мирами, в том числе и высшими, если они существуют, как любят говорить некоторые нынешние экстрасенсы. Он наша альфа и омега и ... все, что существует вокруг нас, все и вся принадлежит ему. Он человека создал так, что тот не может существовать без постоянной связи со своим творцом, в противном же случае погибает. Вот почему важно постоянно, хотя бы в неделю раз, посещать церковь, пристанище современному, измученному миру, дабы человека не одолевали враги и грехи.

Я счастлива, доченька, что ты меня слушаешь и не пропускаешь это мимо ушей, как это делает твоя мать.

- Ее можно понять, она дитя своего атеистического времени, - поспешила с оправданиями дочь.

- А ты разве не в то же время родилась? Нет уж, внученька, это мои ошибки и упущения, хотя я всячески старалась этого не допустить. В писании сказано, что никто не придет к Отцу, если этого не пожелает Сын его.

- Да, но ее поколение тоже жило с высокими идеалами, и, нужно сказать, они немалого достигли, - возразила внучка.

- Что за смысл в том, если ты обретешь все земные блага, но потеряешь душу?

- Разве служение родным, близким и ближним, семье, работе, стране – это не служение и ему?

- Слепое, слепое служение! Ведь и родителям нужна от детей не слепая и хладнокровная, мертвая помощь, а прежде всего любовь. А о какой любви может идти речь, когда нет ни веры, ни признания? Усердная и долгая, кропотливая, даже каторжная работа и труд без веры в Него превращает человека в высокомерного, надменного по отношению к другим, делает его гордецом, хоть в тогдашнем понимании умным, талантливым и можно еще многое перечислить. Люди сами становятся некими самостоятельными законодателями жизни.

- А юридические и гражданские законы?

- А ведь и они, если в них глубоко углубиться, исходят из одного общего закона Божьего. А что порядочного в том, чтоб использовать законы того, кого отвергаешь и не признаешь?

- Да, но, наверное, нельзя отвергать и современные науки и знания.

- Их и не отвергают. Современная верная наука тесно связана и вытекает из упомянутого общего закона.

По отношению к вечности все земные знания, привилегии, степени, звания, богатство - ничто!

Земные знания упраздняются, они нужны нам лишь здесь, в этой быстротечной земной жизни, там же нужны не наши знания, а наша любовь и наше сердце. Каково будет тебе, если твои дети вырастут и станут очень важными и знающими людьми, но не будут знать, признавать и любить тебя?

- Бабушка, мне кажется, я тебя понимаю? – ответила, помолчав и задумавшись внучка.

- Если б я не надеялась, что ты меня поймешь, то не тратила бы сейчас столько сил на убеждение. Но в тебе Его кровь и плоть, которые ты принимаешь через святые таинства. Ты не видела Его и не знала по жизни, но почувствовала сердцем и душой хотя бы однажды, как это произошло со мною и происходит с многими прихожанами церкви. Еще сам великий физиолог Палов отмечал, что сердце человека второй, не менее, если не более, важный орган познания, чем мозг. Познав и почувствовав в себе Его, трудно не желать его еще и еще, хотя лукавому часто удается увести человека от этой радости. Но сына Божьего трудно отнять у всемогущего даже сильнейшему. Вообще, жизнь верующего похожа на плавание против течения реки жизни, и стоит остановиться хоть бы на миг, как она понесет его вниз.

- Читайте классиков, - советуют мудрецы, - и найдете, ответы на все возникшие вопросы, в вашей жизни, - вспомнила внучка.

- Читать нужно не все, а только то, что отвечает на возникшие в душе вопросы. Это тоже слова одного из классиков, - напомнила бабушка, - но поверь мне, внученька, после двенадцати лет постоянного чтения святых отцов и мужей церкви, ты найдешь в душе ответы на все вопросы, которые возникали, возникают и могут возникнуть, и весьма возможно, что и читать тебе больше ничего не будет нужно и не захочется.

В это трудно поверить, бабушка, - огорчилась внучка, - я ведь немного и земной человек, и мне хочется немного и земных радостей и счастья.

- Хочется, конечно, хочется, внученька, - взглянула бабушка поверх очков, - ты молодая и красивая, только помни, все в меру, и любовь мира сего предательство и отрешение от Него, а любви земной проси у него в своих горячих молитвах, и получишь ее.

- Бабушка, я понимаю все, что ты говоришь, но в то же время и не совсем все. Не сразу, пожалуйста, на все нужны время и труд ума и сердца.

- О-о! – протянула бабушка, - ты сейчас сказала очень важную вещь, труд ума и сердца, это жизненно необходимо и важно для познания Его и приобщения к нему. А теперь подойди-ка, возьму с тебя промежуточный размер, а заодно сделаю и примерку.

- У-у, красиво, бабушка!

Раздался скрип открывающейся двери и быстрые шаги.

- Юля, подойди-ка лучше помоги, чем хихикать и слушать бабушкины сказки, - услышался раздраженный голос вошедшей матери.

Юля расширившимися глазами недоуменно посмотрела на бабушку.

- И да воздастся каждому по вере его – говорит спаситель. И она еще недовольна, что у нее не сложилась жизнь, да простит ей Господь. Надо молиться за нее, внучка, а теперь иди все-таки помоги ей.

- Как молимся, так и живем, - согласилась с ней внучка, спеша на помощь к матери.

- Умница, - кинула ей вслед бабушка, подошла к иконам и молилась до тех пор, пока до ее слуха не донеслись из кухни упреки недовольным тоном.

Тяжело опираясь на палку, она двинулась туда.

- Ой, сколько чего накупила, доченька! Зачем?

- Как зачем, мама, завтра твой юбилей, восемьдесят лет. Забыла, что ли? Надо еще успеть приготовить, вот я и заскочила с работы на базар и еле-еле все это притащила, еще выговор получу.

- Мама, я ведь предложила вчера пойти, а ты не позволила, - напомнила Юля.

Лена второпях перебирала кухонную посуду и раскладывала принесенное.

- Ты же не знаешь, что надо купить, а что нет! Вот если сможешь приготовить и на том спасибо, буду благодарна.

- Мама, когда я тебе, в чем отказывала и не помогала? - чуть не расплакалась Юля.

- Не надо, Леночка, из-за меня беспокоиться и устраивать такую горячку, - попросила бабушка, - спокойствие и мир в семье дороже подарка, а мне-то что теперь нужно. К смерти мне надо готовиться, не ко дню рождения. Надо же, восемьдесят уже накрутило, слава тебе, Господи, - перекрестилась бабушка.

- Вот в Него веруешь, а сама о смерти говоришь, разве это не грех? – посетовала ей Лена, - сама ведь говоришь, что рождение и смерть это не наше дело?

- Писатель Зоценко говорил перед смертью о том, что умирать нужно вовремя, а я запоздал и задержался на этом свете, - напомнила бабушка.

- Ладно тебе, бабушка, - пожаловалась Юля, - от мамы получила, а теперь от тебя получай!

- Заждался меня там, муженек, тяжело ему без меня!
- О-ох, заждался, куда там! Один, там, что ли? И родители, и вся родня! – напомнила Лена.
- Ничего! Сколько ждал, подождет еще. А нас тебе не жаль? – запальчиво воскликнула Юля.
- Не пропадете, я теперь лишняя только обуза.
- О! А еще верующая!
- Помню одну историю из святых отцов, кажется, - призадумалась бабушка. – Представьте себе, что некий человек оказался в очень красивом летнем лесу. Речка журчит, птички поют, много и тени, и солнца. Благоухают яркие цветы, полно вкуснейших плодов и ягод, бабочки летают, зверушки резвятся... И человек, озадаченный неопишуемой лесной красотой, наслаждается ею, рыбачит, ловит бабочек, слушает пение птиц, и уже не один день. А ему то и дело напоминают, что это не его дом, что пора уходить, хоть здесь прекрасно и приятно. Он отнекивается, отмахивается от напоминаний, не хочет уходить, хочет остаться в лесу. Так вот... Земля не наш дом, наш дом там, на небе. И кто хочет утвердиться на земле, тот потеряет небо.
- Успеешь еще, все туда взлетим, а пока оставайся с нами!
- Чего только не собиралась связать для нас и вот, пожалуйста! Беспокоит что-то?
- Хорошо, хорошо, заговорили совсем! Ну, и когда же этот день рождения?
- Завтра!
- Ну, надо же, как быстро летит время. Будто вчера был, и вот новый! Ну, ничего! И завтрашний день, и сегодняшний еще далеко не совсем вышел.
- Да что ты! Завтра Юля работает, придет поздно. Завтра вечером идет с друзьями на концерт. Так что остается один сегодняшний вечер.
- Я до вечера еще много успею, - пообещала Юля.
- Посмотрим! – усомнилась Елена.
- Как, значит, завтра мы будем праздновать без Юлечки? – всполошилась бабушка. – Я против!
- Я попозже подойду, бабушка! На работе меня тоже кое о чем попросили.
- Ну, конечно! – согласилась Лена. – Позову соседок, - всех троих.
- Ну, и хорошо! – обрадовалась бабушка.

- Так, ладно, побежала на работу, а ты, Юля, посмотри, что успеешь сделать из списка. Остальное вечером доделаю сама.

- Хорошо, - согласилась Юля.

- Так, иди, бабушка сюда, смотри, что и как я буду делать, а заодно и посплетничаем с тобой, теперь нам никто не мешает.

Вечер в Киеве выдался на редкость холодным. Нового снега не было уже давно, но ранее выпавший словно пробудился и решил напомнить горожанам о времени года, правящим сейчас в столице Украины.

Ноги, правда, тепло защищенные шерстяными носками и ботинками с подбоем, от долгого ожидания и стояния на месте, все же понемногу стыли и побуждали подвигаться. Руки тоже потирали друг дружку, принимая время от времени выдох теплого воздуха изо рта.

- Ну, где же она до сих пор? – возмутился, поглядывая на часы, ожидающий. – Хотя с одной стороны, это даже хорошо.

Наконец вдали показался силуэт ожидаемого и желанного.

- Ну, наконец-то! Концерт давно начался! – услышался упрек, заглушенный дружеским поцелуем в щеку.

- А где же Светка? Она что, не придет?

- Нет, сказала, что простудилась!

- Вот так у нее всегда, в самый ответственный момент что-то происходит!

«А мне без нее куда лучше!»

- Билеты взял?

- Нет, Юля, билеты давно уже распроданы, сегодня на концерт полный аншлаг.

- Ну, почему ж, пройдем к входу, я что-нибудь организую.

- Не надо, Игорь, лучше пойдем куда-нибудь, - предложила Юля.

- Пошли, пошли, - увлекал он ее за собой.

- Подожди! Куда ты меня тащишь? – смеялась Юля, не в силах отбиться.

Он и сам, заплатив женщинам у входа, уже едва сдерживал радость.

- Подымайтесь вверх, там легче найти место, - крикнула им в след контролер.

Концерт симфонического оркестра шел уже полным ходом. Вскоре в полутьмах, на ощупь Игорю и Юле удалось как-то пристроиться.

- А ты беспокоилась за Светку! Ну, куда бы мы ее посадили?

- На колени, или лучше тебе на голову!

- Тс-с! – прижала Юля палец к губам, включаясь в атмосферу концерта.

Справа от дирижера, изяшно взмахивающего своей палочкой и классно увлекавшего за собой громаднейший по составу оркестр, располагались чуть не десять контрабасов, словно ведущих слушателей по весенней аллее. Слева располагалась целая армия скрипачей, словно подхватывающих, кружащих и завораживающих опавшую желтую осеннюю листву. И трубы в центре поддерживали их. Две арфы, ведущие и ведомые, словно парусники на море, двумя женщинами навевали мягкую грусть. Над сценой висело огромное полотно с надписью «Зимний Киев – 90», фестиваль симфонической музыки.

Юля впервые слушала столь атональную симфоническую музыку и была поражена ею. Исполнялись отдельные произведения разных композиторов. На авансцену неожиданно выкатили большой черный рояль.

- Черное на двух ногах – это негр, - шепнул Юле на ухо Игорь, - а черное на трех ногах – это рояль. Помнишь?

- Да! Отстань, - смеясь, отталкивала от себя Игоря Юля.

На сцену вышел пианист.

- Пожалуй, прав Альфред Хичкок, утверждая, что продолжительность фильма, а я бы добавил, и концерта, прямо связана с выносливостью человеческого мочевого пузыря, - изрек Игорь, - пошли!

- Игорь, ну, не так же откровенно! – возмутилась Юля.

- А тебе известны законы музыки по Оскару Уайльду? Так вот, он утверждает, что музыка – это большая проблема и что, когда играют хорошую музыку, никто не слушает, а если плохую, никто не разговаривает.

- Ну, зачем ты так, Игорь, - все больше удивлялась Юля.

После антракта несколько мелодичных композиций исполняло трио – фортепиано, скрипка и контрабас.

Игорь все ближе придвигался к Юле и шептал на ухо пошлости.

- Музыка и книги, как большой Водоем, они тем глубже, чем больше в них воды. Чтобы сочинять музыку, как

откровенничал однажды Роберт Шуман, надо всего лишь вспомнить какую-нибудь мелодию, о которой никто другой не подумал.

- Дай, наконец, послушать! Для чего ты меня сюда привел? Они же виртуозы!

- О-о, это сложный философский вопрос, - хмыкнул в ответ Игорь.

- Виртуозы, как утверждает Марьян Козине, это ненормальные люди, которые по шесть - восемь часов в день пилят на скрипке или колотят по клавишам и лишь раз в год выступают перед малочисленной аудиторией. Судьба виртуозов печальна, но не приходится жаловаться на отсутствие пополнения их рядов новыми кадрами.

Сосед по ряду сделал Игорю замечание. Его подхватила Юля.

- Фу-у, - протянул Игорь. - Ну, ладно, ладно! Так и быть, помолчу. Вправду говорят, что музыка объединяет всех, кроме соседей.

Солстка - скрипачка с вновь вышедшим на сцену оркестром очаровала и покорила всех. Тонкая изящная рука словно сливалась в единое целое со смычком, любовно водимом по струнам. Нежные звоны пробуждали и призывали к сосредоточенности. Музыка плавно входила в души, вороша память и обжигая чувствами.

Овации казалось, не будет конца.

Понемногу темнели люстры и бра. Уже можно было различить шумок шагов и шелест вееров.

Начинали расходиться.

Публика состояла исключительно из юнцов и из старцев.

Потоки из рядов рассеивались, но хлопки все еще продолжались.

Бело - золотой зал покидали неохотно.

Холод на улице после тепла и очарования казался суровее и ощутимее.

К остановкам транспорта подходило все больше людей, и Игорь с Юлей решили пройтись немного пешком. Морозец крепчал, и Юля не так резко отстранялась от согревающих прикосновений Игоря.

- Хочешь, дам куртку?

- Что - ты! И так на мне столько всего!

- Я готов так идти за тобой всю жизнь, - плотно прижав под руку Юлю, пробормотал Игорь.

- Прекрати, пожалуйста! - просила Юля.

- Один дурачек утверждает, что мужчина любит женщину, сколько может, женщина же мужчину, сколько желает. Поэтому мужчина обыкновенно любит одну женщину больше чем она того стоит, а женщина хочет любить мужчину больше, чем в состоянии.

- Но ведь и любовь бывает разная. Некий историк считает, что мужчина обычно любит женщин, которых уважает, а женщина уважает только тех мужчин, которых любит, и потому мужчина часто любит женщин, которых не стоит любить, а женщина часто уважает мужчин, которых не стоит уважать.

- В этом он прав, - рассмеялась Юля.

- А ты меня не любишь? – поинтересовался Игорь.

- Ы-ы! – отрицательно покачала головой Юля.

- И не уважаешь?

- Ы-ы!

- Совсем-совсем, ни чуть-чуть?

- Ы-ы!

- Ясно, - обиженно протянул Игорь, отдергивая свою руку от ее локтя.

Сейчас он, изображая обиженного, плелся позади Юли.

- Прекрати, прошу тебя! Ну, что ты, в самом деле? – обернулась и потянула его за рукав Юля. – Ты ведь прекрасно знаешь, как хорошо я к тебе отношусь. Мы ведь не плохие, добрые друзья. Ну, разве тебе этого мало?

- Мало! – отчеканил Игорь, останавливаясь. – Ну, ладно, пошли! Холодно.

Проспорили до самого Юлиного дома, к которому подкатили уже на такси.

«Светка, паразитка, нарочно не пришла, специально подстроила. Иначе не было бы этих разговоров», думала Юля.

- Не сегодня, так завтра, но этот разговор все равно бы между нами состоялся. И не держи обиды на Светку, - словно прочитал ее мысли Игорь.

- Пойми меня правильно. Мы ведь далеко не дети. Мне уже двадцать восемь, тебе скоро двадцать шесть, - объяснялся Игорь, пытаясь прижать Юлю к стене дома. Ни ты и ни я не останемся без пары. Но я не хочу, чтоб мы в будущем сожалели о том, что упустили друг друга и наше общее счастье.

- Прошу тебя, не надо!

- Я люблю тебя и никому не уступлю, тем более этому твоему новому черномазому дружку.

- Как ты смеешь? – взорвалась Юля, отстраняясь. «Светка, паразитка, все ему рассказала».

- Юля, погоди же, - пожалел о своей неосторожности Игорь, из которого хлынул град слов и признаний. Он поравнялся с Юлей, попытался обнять и поцеловать ее.

- Не смей приказывать, кого мне любить, а кого нет, - отделалась она легкой пощечиной и, вырвавшись из объятий, побежала к лестнице.

- Я убью его, если он до тебя дотронется, так и знай, - крикнул он ей вдогонку.

Юля скрыла от домашних свои переживания, сославшись на холод и усталость. Под теплым душем в ванной прокрутила мысленно весь разговор, попыталась сопоставить чувства Игоря со своими, удивляясь и задаваясь вопросом об их правильности, разумности и целесообразности. Удивлялась странностям любви, рвалась здоровым, холодным рассудком поверить то, что по зову души и сердца отказалась от находящегося рядом земляка и готова была отдать сердце чужаку с которым познакомилась недавно, пробыла вместе совсем недолго и, несмотря на предстоящую короткую встречу, будет обречена на долгую, если не вечную разлуку. Сможет ли она поехать с ним на его далекую солнечную родину? Или бросит ли он там все и переедет ли жить сюда? Все казалось проблематичным, и сердце, в ожидании, горело и жгло.

«Нет, это и вправду безумие, безумие, которое на тебя, Юля, совсем не похоже».

Вскоре она считала по календарю дни, по истечении которых и состоится эта встреча, мимолетная, скоротечная, какой она ей виделась.

«Пусть будет, как будет, а там поглядим - отбросила она назойливые раздумья, - неужели такова сила первого желанного поцелуя в жизни каждой еще не целованной девушки?»

Поцелуя, который пронизывает человека, соединяя в нем физическое и духовное начало,сопутствует всю жизнь неотступным шагом отстраняет от других и сосредоточивает на одном. Который вероломно врывается во внутреннее естество, бесцеремонно и без спросу переворачивает все внутри. Придвинув к себе бумагу и перо, Юля отваживалась вывести первое слово письма к

Сергею. Сделать это ей долго мешали волнение и порывы чувств. Немного успокаивало сознание того, что ее письма никогда не будут прочитаны адресатом, помогут ей излить переполняющие ее сомнения и колебания.

« Друг мой, милый, милый Сергей, - легло на бумагу. – Не могу удержаться от нескольких строк. Наша встреча заполнила мое сердце настолько, что сейчас в нем не уместиться никому. Разве что стихам Пушкина.

Мой голос для тебя и ласковый и томный
Тревожит позднее молчанье ночи темной.

Близ ложа моего печальная свеча

Горит, мои стихи, сливаясь и журча,

Текут, ручьи любви, текут, полны тобой.

Во тьме твои глаза блистают предо мною,

Мне улыбаются, и звуки слышу я:

Мой друг, мой нежный друг... люблю... твоя... твоя...

Не пой, красавица при мне

Ты песен Грузии печальной.

Напоминают мне они

Другую жизнь и берег дальний.

К парню, который ухаживает за мной уже несколько лет, как-то не лежит душа, а одна наша случайная встреча перевернула в моей жизни все. Как изменчива судьба! Странно. Вроде бы пустячок и все меняется. Как Толстой писал: чуть-чуть в одну сторону, чуть-чуть в другую, и, пожалуйста, совсем другое. Какие сюжеты подкидывает жизнь! Ни одному писателю не придет в голову. Я так страшусь наших отношений. Мудрецы советуют не желать, ибо все беды от желаний. И Тютчев внушал, нам не дано предугадать, как наше слово отзовется. Да еще недавно прочла где-то, что пути всех невезучих сходятся, а стало быть и везучих тоже. А ты везучий, Сергей? Смешно. Я сейчас совершенно случайно повторила вопрос Наполеона, который он задавал всем офицерам и крупным военным, которых брал к себе в армию. По твоему ответу я постараюсь вычислить и себя. А вообще говорят, что когда хочешь достичь чего-нибудь, нужно найти того, кто в этом заинтересован, но эта формула совершенно кажется, не пригодна в нашем случае. Буфлер считал, что любовь это потеря рассудка, но ведь... Ну, да ладно о мудрых людях, лучше вспомню что-нибудь из стихов. Знаешь, Серега,

недавно купила классный двухтомник. Приедешь, почитаю тебе из него. А сейчас вот, почти про нас с тобой:

Чуть сошлись мы – друг друга узнали,

Ваши речи мне в душу запали,

Но, увы, не услышать мне их,

Не услышать мне звуков родных.

Не помочь видно горю словами.

А вот Мирра Лохвицкая:

Твоя душа – восточная загадка

В ней мир чудес, в ней сказка, но не ложь.

Ну, а совсем под конец: приезжай поскорей, скучаю, немного тревожусь и остерегаюсь любви. Не хочу думать о нежеланном, душа полнится надеждой и верой. Я ей верю. Пусть даже ты уедешь, а я насовсем останусь здесь, мне не будет одиноко, потому, что в моей жизни навсегда останется твой след. Видишь, что ты, Сережка, натворил, теперь берегись меня.

XXI

По дороге в Эгер автобус несколько раз останавливался на десять – пятнадцать минут и снова двигался в путь.

Пассажиры Шандора проспали почти до самых подступов к городу-герою, административному центру медье Хевеш, Эгеру.

Первым из пассажиров проснулся Заза. Он быстро привел себя в порядок и окинул взглядом свою спящую команду.

«Какие мы все хорошие, когда спим. Но ведь невозможно спать все время».

Набежали заботы, дало о себе знать чувство ответственности. «Вот было бы здорово, если бы они проявляли хоть послушание», - думал он о каждом из группы.

Вскоре пробудилась и Элис.

Заза попросил Шандора прибавить звук радиоприемника. В салоне понемногу задвигались, закопошились.

- А может, не стоит их будить, пусть спят? – предложила Элис.

- Чтоб опять ночью колобродили? – категорически возразил Заза и выкрикнул:

- Подъем!

Шалва досматривал во сне случай, произошедший с ним в стройотряде во время третьего трудового семестра, когда они достраивали плавательно - развлекательный комплекс на берегу набережной Куры в Тбилиси.

- Чичикия, хватит тебе, швыряться овощной гнилью! – рывкнул он на своего однокурсника, родом из Кутаиси.

Чичикия кидал прогнившие, засохшие, поблекшие морковки и бураки с балкона на балкон, они ударялись о спинку кровати Шалвы, и тот свирепел, разъярялся, бранился, но встать и ответить тем же ленился. Чичикия не унимался и теперь пустил в ход сухие корки хлеба.

- То, сколько раз тебе говорить, что хлебом кидаться грех, - окончательно вышел из себя Шалва., - вот сейчас встану и покажу тебе, как швыряться народным добром!

Угроза однако, в действие приведена не была, вместо чего Шалва юркнул под одеяло с головой и так стал дожидаться истощения у противника боеприпасов.

Снаряды, однако продолжали лететь в его сторону, падать, крошиться, рассыпаться, и тут не выдержал сам Сергей. Он подхватил со стола недопитую бутылку лимонада, подкрался к балконной перегородке, притаился там на корточках и тихонько стал дожидаться Чичикию. Тот не замедлил в очередной раз запустить чем-то в уже порядком обстрелянного Пинтчета.

- Черт побери, не пойму, где я, в номере студенческого общежития или в президентском дворце Ла-Монеда, - возмущенно гаркал Шалва, нисколько не умеряя пыл противника, получившего, однако, неожиданное возмездие: Сергей в мгновение ока пустил в него из бутылки обильную струю лимонада. Чичикия оторопел, вскрикнул от неожиданности и, вместо того, чтобы быстренько улизнуть, растерялся и принялся отряхиваться, между тем, как Сергей спокойно продолжал свое дело.

- Облил, облил! – торжествовал Шалва. – Так тебе и надо! Будешь знать, как кидаться добром, продуктами питания.

Чичикия в шоке видел чью-то высунутую из-за перегородки руку с бутылкой лимонада, и не мог понять, чья она.

На утро, когда весь стройотряд собрался на работу, Шалва как ни в чем не бывало продолжал спать и никто не решался его расталкивать. Вдруг удар ногой распахнул

настежь дверь, и Чичикия с ходу окатил его холодной водой из таза.

- Вот как надо обливать, а не так как ты, трусливо и вероломно! – напомнил он про вчерашнюю доблесть. – А теперь вставай!

Шалва в ужасе вскочил и, сразу сориентировавшись, бросился на обидчика с кулаками. Поднялся переполох, друзей с трудом разняли, несколько дней добивались их примирения, а добившись, отметили это событие в ресторане гостиницы «Иверия».

И сейчас Шалва, ощутив что-то спросонья, оглушительно взревел.

- Чичикия, прекрати!

- Это не Чичикия, а Борис, - слышались над его головой раскаты хохота:

Струи воды растеклись с его лица за шиворот и насквозь промочили сорочку.

- Что я, клумба, что ли? Чего ты меня поливаешь?

- А что делать? Будим тебя целый час, никак не разбудим!

На шум сбежалась чуть не вся группа. Зазе и Элис с трудом удалось уговорить, а потом поднять, затолкать в автобус и посадить на скамью ошарашенного Шалву.

- Спокойно, друзья. Спокойно! Инцидент полностью исчерпан, – успокаивала Элис на ломаном русском языке членов группы. - Мы подъезжаем к городу Эгеру у южного подножия горы Бюкк! Там выпускают замечательную мебель и автозапчасти. К тому же это курорт и цент виноделия. Он славится и своими историческими, архитектурными и культурными памятниками. В центре, города, на высоком холме, находятся руины мощной крепости с романской базиликой XII века. В городе множество очаровательных зланных мест, тянутся целые ряды винных подвальчиков и погребов. Самые крупные из них представляют собой воистину подземный город, с нарядными залами для посетителей и многими километрами подземных галерей, - явно оттягивала внимание на себя Элис.

- А мы в это не верим! – выкрикнул вдруг из глубины автобуса окончательно пробудившийся и приободрившийся Дато, а вслед за ним и Гия.

По автобусу пробежался легкий смешок.

- Скоро сами убедитесь в моих словах, - пообещала Элис и попросила Шандора приостановить автобус у одного из близлежащих погребов.

Вся группа охотно высыпала из автобуса и вскоре оказалась желанной гостьей подземного питейного заведения.

Распробовали красное вино из бочки, видимо, предназначавшейся для особо дорогих гостей. Хозяин нацедил его в специальный сосуд, а уже из него тонкой, но сильной струйкой разлил по высоким бокалам, предварительно розданным гостям погреба.

Первыми чокнулись Заза и Элис, взглядами как бы говоря:

- За тебя! За тебя! За нас!

Их с радостью поддержала вся группа. Потом дегустировали из других бочек, из разных сортов винограда и урожаяев разных лет.

- Пожалуй, их вина ничем не уступают нашим, не правда ли, ребята? – удивленно обратился к группе Заза.

- Вина-то у них хорошие, Заза, но неплохо было бы еще и чем-то закусить, - предложил Дато.

Элис вступила в переговоры с хозяином, куда-то позвонила и возобновила разговор.

- Все в порядке, Заза, я все уладила, хозяин согласился усадить нас за столики с закуской, а потом наша фирма перечислит ему оплату.

- Элис, ты просто находка, спасибо тебе!

- Закуска будет не шикарная, но достаточно обильная.

- О чем речь, дареному коню в зубы не смотрят!

- Ура! Ура! – обрадовалась группа.

- Да здравствуют нищие!

- Да здравствует Венгрия и весь великий радушный и гостеприимный венгерский народ!

- Мы никогда вас не забудем и в свою очередь приглашаем всех вас в нашу солнечную и не менее гостеприимную Грузию!

За рукоплесканиями грянула венгерская национальная музыка.

- Ура, ребята, гуляем!

Вскоре группа поднимала первый пост за Венгрию и ее гостеприимный и радушный народ, после чего за хозяев погреба, так что пиршество продлилось более полутора часов.

- Почему, Элис, ты тратишься на нас? – попенял Заза Элис.

- Ничего, не волнуйся, я объяснила, что с нами произошло, и начальство нашей турслужбы отнеслись с пониманием.

- Спасибо тебе, Элис, даже не знаю, когда и чем тебя отблагодарить! – смутился Заза.

- Когда приеду в Тбилиси! – отпила Элис глоток из бокала.

- Ловлю тебя на слове! – с радостью подхватил Заза.

Вскоре Заза, подметив, что кое-кто из группы явно перебирает, принял самые энергичные меры, подняв всех из-за столов.

Группа в приподнятом настроении словно забыла о ночном и утреннем происшествии и на подходе к гостинице, где предстояло провести одну ночь, спела несколько грузинских и венгерских народных песен.

- Вот гид, понимаю! Вот воспитатель! – восторгался Заза, слушая, как Элис подпевает группе.

До вечера отдыхали в гостинице, вечер предложили провести, кто как желает. Разбежались с учетом своих культурных и эмоциональных интересов.

Четверке удалось похитить у Лии супруга для игры в преферанс, хоть Како и отнекивался:

- Ребята, не надейтесь, денег у меня совсем не осталось, жена национализировала, - шутил он.

- А у нас, Конопатый, есть на что ставить? – осведомился Шалва.

Борис задумался, но тут же нашел выход:

- На резинки поставим, которые нам выдавали в качестве сдачи. Вот их сколько у нас собралось!

Засели надолго.

Преферанс затеяли и в номере у Дито и Нино, куда нагрянули Котэ с Кетино и упустившая на время мужа Лия.

Кетино, смущенная вольным поведением подруги, Софики, уединившейся сейчас в номере с Ваню, несколько отдалилась от Котэ, но порывать не порывала, придерживая его на расстоянии к его неудовольствию и даже возмущению.

Мзия нашла убежище от опохмеляющихся дружков Дато и Гии у Русико и Мананы, хоть позже дружки и вломились к ним в номер.

Заза и Элис вышли погулять по вечернему Эгеру.

- Мы те самые люди, которые с радостью убивают время, которого так всегда не хватает, - напомнил Дито сидящим за небольшим сладким столом слова Э. Фромма.

Собравшиеся попивали чай и кофе, закусывали кое-чем, еще оставшимся в загажнике, не склонны были дискутировать.

- Позволь, Дмитрий, но в турпоездках не всегда хочется заниматься серьезным.

- Э, нет, мой друг, - возразил Дито, - это лишь самообман и отговорки, полезным делом, при желании возможности, конечно же, можно заняться всегда и везде. Общение и обогащение полезной беседой дело далеко не из худших. Не даром сказано: словом или советом можно спасти человека.

- Ну, наверное, это зависит и от того, от кого слово исходит, - вмешалась Лия, - и каково оно!

- Очень важно еще помнить друг друга, - включился в беседу и Сергей, - когда начинаешь понимать, тут же начинаешь и любить.

- Точно! Философия, любомудрие, учит нас не судить, а понимать, стало быть любить, - подтвердил его мысль Дито.

- Марксистско – Ленинская, которой нас обучали? – возразила уже Нино, сестра Дмитрия.

- Да, в том числе и она, потому что прививает и развивает в человеке не только способность, но и самое главное, желание мыслить, что рано или поздно приведет к желаемому результату, - объяснил ей Дито. – Известнейший философ Лосев также отмечает, что труднейшее дело – мыслить.

- Философ – интеллектуально и нравственно развитой человек, - поддержала своего брата Нино, - в древности говорили, что мудрому не нужен закон, у него есть разум.

- Ох, как опасна эта формула для зазнавшихся до беспредела людей! – воскликнула Лия.

- А в средние века было зафиксировано такое соображение: «Полюби Бога, и делай, что хочешь, - запальчиво воскликнула Кетино.

- Да, но, друзья, если возвратиться к разговору о философии, то к ней ведь надо каким-то образом прийти, - покачал головой Дито. – Мамардашвили пишет, - вычитал Дито из своего блокнотика:

«Есть какой-то путь к философии, который пролегает через собственные наши испытания, благодаря которым мы приобретаем незаменимый, уникальный опыт. И его нельзя понять с помощью дедукции, из имеющихся слов, а можно только испытать или, если угодно, пройти какой-то путь страдания».

- И, тем не менее, как он сам и замечает, сейчас самая актуальная проблема в философии, в психологии, науке, да, впрочем, и везде, это проблема выживания.

- О-о, - протянул Сергей, - страдания в нашей жизни это как раз то, чего у нас хоть отбавляй.

- Нет, Сергей, погоди, дружище! Речь не о том, о чем ты думаешь, - остановил Сергея Дито.

«Откуда он знает, о каком страдании я думаю, - заинтересовался про себя Сергей, - неужто мои сволочи уже доложили ему про Юлию?»

- Да, но когда все-таки возникает тяга поразмыслить? – проявил нетерпение Котэ.

- Когда он удаляется от суеты, забот, повседневности? – предположила Лия.

- У каждого по-своему, - не совсем уверенно закончила Нино.

- Разве симпатия это не момент, как говорит Адам Смит, понимания, что происходит в чьем-то сознании и психике? Сопереживание? – спрашивала тем временем Элис у Зазы, прогуливалась с ним по вечернему Эгеру.

- Слышал, что и любовь это когда двое смотрят в одном направлении...

- И что мужчина влюбляется в женщину, а женщина в перспективу. Разве так всегда?

- Ты меня не бросишь после поездки? – выпытывала между тем Софико у Ваню его намерения.

- Ты что, рехнулась? С чего бы? – изумлялся Ваню.

- Это правда, что, не любя, любимым не станешь?

- Конечно, правда!

- Здорово!

- А судьба человека в его характере?

- Но ведь их три! Тот, который ему приписывают, тот, который он приписывает себе сам, и тот, который на самом деле.

- Скажи, каким ты меня видишь, и я скажу, права ты или нет!

- Да я толком себя не знаю. А уж тебя... Но доверяю своему сердцу, которое никогда меня не подводило.

В номер Софико вернулась раньше Кетино, чему была немало Удивлена.

- Это с ним ты была так долго?

- С кем же еще?

- Вы что, сняли другой номер? Но ведь я уступила вам этот!
- Прекрати, Софа, эти шуточки!

.....

Весело было и Русико, Манане и Мзии. Они рассматривали покупки, восхищались, визжали, хохотали, а Дато и Гия, развесив уши, терпеливо слушали их болтовню.

- Вот так джинсы!
- А эти! Поглядите! Замшевые брюки!
- Да погодите вы! Вот они, эти сапожки!
- Нужны они такой красоте! Ты и без них...
- Да, но так хочется пощеголять, прихорошиться!
- А есть перед кем?
- Ну!
- И даешь шанс?!
- В общем да!
- А вот сервис на двадцать четыре персоны!
- А ведь правда, что подарки доставляют удовольствие тем, кто их делает?! Вот приеду домой, и для каждого несую подарок. Порадую домашних.
- А сами они тебя вспоминают в поездках?
- Как сказать. Всякое бывает! Я не обижаюсь.
- Ну, так порядок!

.....

Сергей, соскучившись по ребятам, улизнул к ним в номер, где игра шла полным ходом.

- То, Пиночет, чайник ты! Видишь, кроет твою бубну? Чего тут же к нему заходишь, - поучал Борис Шалву.
 - А как? Нет хода, ходи с бубен, не слышал что ли? – оправдывался тот.
 - То, чайник ты! – продолжал возмущаться Борис.
 - Оставь человека в покое! Он знает, что делает, - радостно крыл карты соперника Денис.
 - Ребята, давайте жить дружно, а?! – мяукал Како.
- Брань, хлопки, похвалы, оскорбления, поощрения то и дело обрушивались на каждого из играющих.

«Среди азартных людей нет пессимистов. Это точно!» – заметил про себя Сергей и, продержавшись не более получаса, отретировался к себе. «Мы убиваем время, а время убивает нас», взлетал он по лестнице.

Для меня очевидно одно: судьбой не играть, но выстраивать и направлять ее правильной, трудовой жизнью. Ах, какая тоска, сердце изнашивает... Сам Пушкин сказал!

Надо было взять какую-нибудь книгу в дорогу.

- Да, но кто мог подумать, что появится желание и останется время. Время убивать все же пришлось. Он походил по номеру, постоял у окна, предался воспоминаниям о прошлом, но все вело к столу, а стало быть, к письму. Сознание подсказывало, что это сейчас для него лучшее из занятий.

«От тебя опять ни слова. И хоть вокруг пропасть народа, один, как прежде, и убит! Мой нежный, трепетный друг, неловко беспокоить тебя так часто. Прости, если надоел, но твое долгое молчание мучительно. Я ошибался, когда говорил тебе при встрече, что молчание – идеал общения. Я никогда ни к кому не испытывал столь теплых чувств, как к тебе. Очень близких друзей у меня было мало, и, должно быть, я довольствовался качеством, а не количеством. Да и времени ни на что, кроме учебы, работы и дома, почти не оставалось в жизни. Увлекался философией, социологией, многими гуманитарными вопросами, пытался уловить связи между явлениями и процессами, явлениями живой и не живой природы, линейным и нелинейным в материальном и духовном мирах.

У переписки как у вида общения, есть достоинства, но, общаясь таким образом с тобой, я убедился, то и она далека от совершенства. И если слово не воробей, что и написанного пером не вырубишь топором. Так что...

Боже, как трагически непоправимы бывают допущенные ошибки!

При переписке многое остается не полностью разъясненным и доведенным до согласия. Ну, да ладно, лучше так, чем никак.

Со здоровьем у меня, слава Богу, пока вроде бы все нормально, только вот боль окружающих все-таки дает о себе знать. Разве не прав Рильке, что она уводит за собою, делает твою жизнь еще тягостнее.

Много радости и счастья ушло и вместе с моим лучшим другом, которого не стало вдруг, в двадцать пять лет. Автокатастрофа. Он уходил и таял у нас на глазах, и никто не в силах был ему помочь. И не успела осуществиться его самая сокровенная мечта, увидеть своего ребенка. Его жена убивалась, жизнь взяла свое. Факт, что жизнь обошлась с ним жестоко, и прошедшие пять лет не притупляют боли. Тогда я впервые осознал, что умирают и вправду, что жизнь временное пребывание в мире. Часто лезут в голову слова А. Блока: жизнь без начала и конца, нас всех подстерегает случай. И еще вспоминаются слова одного мудреца: то, чего мы опасаемся, случается очень редко, а происходит, как правило, то, чего мы менее всего ожидаем, и порой вдруг, неожиданно.

Остальные друзья разбрелись кто куда. Многие подались в Европу, остальные в Россию.

С каждым годом становится все меньше тех, кто поднимается к нему на могилу. В последний раз нас было двое. Его близкие тоже перебрались в Россию. Всех так разбросало, что страшно подумать. Как нас порастаскала по странам жизнь. На новые знакомства тянет не очень, вот ты, пожалуй, первое исключение. Признаюсь, мечтаю встретить родную душу и связать с ней свою судьбу.

Утверждают, что судьба – это характер. Но я не согласен с этим. Справедливее последовательность: жизнь, от нее характер, и уж от них судьба.

Злоупотребляют твоим временем и терпением. Жду нашей встречи в Киеве. Мысленно пишу куда больше, чем на

бумаге. Много собралось и неотправленного, многое от давности утратило актуальность, многое постараюсь передать в новых письмах.

Желающий, но не достойный твоей дружбы Сергей. Он поставил число, и письмо юркнуло в конверт.

Уже засыпая, он пошел на поводу у памяти, вытолкнувшей из своих недр те часы и минуты, когда из политехнического института, ценой невероятных усилий и каждодневной, кропотливой и усердной работы в жаркую летнюю пору досрочно, успешно справился со всеми работами, и объект плавательного – развлекательного комплекса лагуны на Вере был сдан в срок и качественно.

В последний день на лицах строителей, и в их числе студентов стройотряда были радостные и веселые выражения. Все поздравляли друг друга, подбрасывали в воздух и погружали в бассейн, в который к счастью, успели налить воды. Пришлось и ему, Сергею, поплескаться в новом объекте. Подоспевший на выручку однокурсник, Нораир, по данному девушками прозвищу, Нежный, успел спросить его, умеет ли он плавать без спасательного круга и получить от летящего и почти приводняющегося исчерпывающий ответ: умею, умею – У! Но осложнение все же возникло. Огромная, не по размеру, и без того тяжелая спецовка в воде стала тяжелей мельничного жернова. Усилий Сергея было явно не достаточно, и он плавно погружался на дно бассейна. К счастью, Нораир, вовремя успел подметить и осознать и это. Он склонился над другом, но как было вытащить непосильную тяжесть? Да и сам утопающий не сопротивлялся блаженному погружению в воду, как сейчас в сон.

Утром туристическая группа отправилась осматривать городские достопримечательности, которые загодя перечислила Элис.

Группа с радостью убедилась, что винных погребов порядком и в центре. Они располагались в подвалах жилых домов, общественных зданиях и даже епископского собора.

Поддались искушению, посидели в одном из них перед тем, как со всей серьезностью обозреть бывший лицей со знаменитой библиотекой и ее уникальной, несравненной коллекцией старинных географических атласов и карт.

На тридцать пятом километре от Эгера, свернули на автостраду к Мишкольцу, в который и прибыли поздно вечером.

У подступов к Мишкольцу Элис не замедлила дать группе некоторой информации о нем.

В нем живет двести пятьдесят тысяч человек. Не мало! И развивают они металлургию и тяжелое машиностроение, а вокруг добывают бурый уголь. Город не молод. В нем сохранились руины крепости тринадцатого века, готическая церковь пятнадцатого. В городе имеется Политехнический институт.

- Такой же, как в Тбилиси? – с иронией воскликнул Шалва.

С горы Аваш, почти в центре города виден весь Мишколец, со всем его многоцветным блеском его центральной магистрали.

- Совсем как с нашего фуникулера Тбилиси, - не замедлил дополнить Шалва.

- Шалва, дослушаем Элис и не будем ее перебивать, - попросил Заза.

- Пиночет, сколько раз тебе говорить! – укоризненно взглянули на не слушающего и Денис с Борисом.

Вскоре автобус раскрывал двери перед входом в гостиницу на центральной улице.

Администраторы просили Зазу и Элис проследить, чтобы группа не повредила ничего в номерах, потому что вслед за ней ожидалась высокопоставленные, важные гости.

Заза, наученный горьким опытом выходов группы, не удовлетворившись одним словесным предупреждением, предложил предоставлять номера под расписку.

Вечер коротали каждый по своему, по примеру давешнего в Эгере.

XXII

Главным отличием стало, правда, то, что кое-кто пустил по гостинице в продажу кое-что из оставшихся мелких вещей. Имел место небольшой инцидент в конце коридора.

- Нет, так жить больше нельзя! Лучше смерть от железа, чем от голода, - вспомнил Гия призыв соратников Спартака.

- Вот это да! Вот это понимаю! – восхвалил его Дато. – Это по-мужски! Сказано-сделано! Но как? Без закуски и выпивки мы никому не нужны. Даже Мзия нас безжалостно бросила и сбежала к другим. А без ее облагораживающего и чарующего общества нам с тобою труба!

- А что ей оставалось делать, когда мы извели все свои ресурсы, а говорить о высоких материях, так привлекающих ее, не умеем!

- Ну, так вот, снимай с пожарного стенда лом и слушай...

- Нет, я на мокрое дело не пойду! – категорически откrestился от лома Гия.

- Ну, сиди и ни о чем меня больше не проси. Понял? – в одиночку направился Дато к стенду.

- Не хочешь лома, - обернулся он, снимая лом, к притащившемуся вслед за ним Гию, - прихвати, так и быть, кирку. Вон она, с красной деревянной рукояткой.

С помощью инструментов провозились с запертым на ключ высоким, белым холодильником не очень уж долго. Ломать, памятуя о расписке, не захотели и, не нарушая

целостности и сохранности механизма, встроенного в ручке холодильника, ловко, поддели дверцу и вежливо и осторожно сняли ее с петель.

- Батюшки! – вскрикнул Гия от радости и удивления. – сколько же тут добра!

- Вот видишь! А я что тебе твержу!

- И выпивон, и закусон мировой, - радовался Гия, опустошая полки.

Повесить обратно дверцу было дело воистину пустячным, равно как и повесить на место лом и кирку, благо, приглушенный свет способствовал операции.

Стол буквально ломился от виски, бренди, марочных вин, коньяка, кока-колы, жаренного цыпленка, отварной рыбы, нарезного сыра, копченого сала.

- Вот, оказывается, для чего пожарные устраивают стенды! – ревел в восторге Гия, обозревая развернувшееся зрелище.

- Ну, ты осознал, что нас бережет не только милиция, но и пожарная охрана?! Так ступай и приведи сюда Мзию. Можешь приврать ей, что сегодня мой день рождения!

Веселее всех тот первый вечер в Мишкольце, провели Дато с Гией и приглашенная ими к застолью Мзия.

Утром, спозаранку, возглавляемые Зазой и Элис, целеустремленно отправились осматривать достопримечательности Мишкольца.

Начали, естественно, с древности, с достославных руин, после чего осмотрели готическую церковь. Во второй половине дня проехали и немножко прошли пешком по слившемуся с Мишкольцем пригороду Диошдьеру и немного подкрепились в одном из его эспрессо. а по возвращении первым из всей группы Борис, к великой радости для себя, заметил у входа в гостиницу «Икарус» с надписью на стенке «Минавтотранс».

- Все, ребята, живем! Никаких карт, займемся делом!

Вечером по гостинице пополз слух о героических деяниях Дато и Гии. Осмотру подверглись номера Ваню, Софику, Бориса, Шалвы.

Тронуть номер Дениса и Сергея не решились, так как к ним из-за ограниченности мест в гостинице, подселили самого гида группы, Зазу. Элис сняла отдельный двухместный номер, в соседнем, расположенном неподалеку отеле.

Дито напрочь отказался от предложения Дато и Гии и предпочел ограничиться оставшимися скудными сбережениями и запасами.

Пока Денис, Борис и Шалва развлекались с приехавшими на автобусе «Минавтотранса» в бар-ресторане, Ваню и Софику, вместе с Дато, Гией и Мзией кутили в одном из номеров, а у Дито собралась небольшая компания – он с Нино принимали у себя Котэ и Кетино.

Заза и Элис вместе с Како и Лией, Русико и Мананой, вышли погулять по вечернему Мишкольцу. Взобрались даже на гору Аваш, и при виде развернувшейся панорамы Заза особенно переживал счастливейшие минуты в своей жизни.

Сергей, уединившись в номере, вновь предался воспоминаниям. У Дито и Нино беседа за небольшим застольем задержалась. Не все оказались согласны, что все тщета и суета.

- Какая же тогда польза человеку от всех его трудов?

- И чего такого много на свете, что не снилось мудрецам?

- Но зачем тогда человеку трудиться под солнцем, если все дни его – печали, а заботы его – скорби?

- Сказано ведь Творцом – работать в поте лица своего и так добывать хлеб свой насущий, - твердила Кетино.

- И что всему свое время и свой час, - вспомнила Нино, - но больше всего строки о том, что кто не умеет ненавидеть, тот не может и любить, - высказался Котэ.

- А что там дальше написано, знаете? Что не во власти человека, а от руки Божией благо есть, пить и услаждать душу свою от труда своего, - подчеркнул Дито.

- Стало быть, трудиться все-таки надо? Не то некоторым из группы невдомек, кто ест и пьет и видит благо в труде! – подхватил Котэ. Спорили, а точнее, обменивались мнениями долго.

Напоследок Котэ воскликнул:

- Ребята, у меня тост! – и разлил остатки красного марочного грузинского вина из запаса.

- Да хватит, наверное, пить! – колебалась Нино. – Третью бутылку выдули!

- А что такое три бутылки на четверых?! – возмутился Котэ.

- Нас с Нино не считайте! – возразила Кетино

- Ну, ладно! – примирительно согласился Котэ. – Последний тост! За что? За доброту и добрые дела! Чтоб нам делать их всю предстоящую жизнь!

- Вкусно, - призналась Нино, - жаль, что вино кончилось.

- Ты что! Хорошего понемножку, - протестовала Кетино.

Беседа продолжалась уже с участием Дениса и Сергея, которые улизнули из ресторана, оставив там, в обществе двух солидных дам Шалву и Бориса.

Но и они оставались там недолго и ушли, пригласив к себе в номер дам, одна из которых еще дорогой замедлила шаг и предпочла идти отдыхать, вторая же, которая с Борисом понравились друг другу, за ней не последовала. Шалва остался ни с чем, но успешно продолжал быть «третьим лишним».

Ночь прошла не без веселья, приключений и удовольствия. И с гостьей развлекался отнюдь не Борис, а Шалва. Далеко за полночь они прощались, и Шалва благодарил ее за радость человеческого общения, она ж его за понимание того, что люди дополняют друг друга, что чужих проблем не бывает.

Борис тем временем застал Дениса в номере у телевизора упивающимся в ожидании своих поединков боксеров, профессионалов из Америки. Борис признался, что ненавидит этот вид спорта, и оказалось, что и Денис терпеть его не может, но как пропустить бой Кассиуса Клея!

- Смотри, - вскакивал он, - смотри, что вытворяют, надо же выдержать такое!

- Они, наверное, рано или поздно, плохо кончают? – высказал предположение Борис.

- Возможно, зато до этого живут хорошо. Деньги, друг, деньги крутят миром. А без них получается так, как у нас.

- Таких денег я не хочу!

- Это потому, что у тебя их нет. А появятся, удержу не будешь знать! Хоть их много, но хочется еще больше. Как роскошествуют в Америке и Европе, и как прозябают в Африке.

- С месяц назад по телевизору показывали сногшибательные кадры из Австралии. В упор отстреливали нестандартных овец, и знаешь, чем объясняли эту вынужденную меру?

- Чем? – переспросил Денис, на мгновение, отрываясь от телика. – Чтобы не болели?

- И забрасывали отстреленных с помощью трактора землей. Представляешь? Бесятся с жиру, а в Африке пухнут с голоду!

- А, по-твоему, транспортировка ничего не стоит? Она же им в несколько сот раз дороже обходится, чем отстреленные бараны! К тому же в мире множество богачей-меценатов, субсидирующих голодающих и нуждающихся, и поступающих в том числе и по принципу Френсиса Бэкона: деньги – как навоз. Не разбросаешь, толку не будет.

- Точно! Правда, для всех! Вольтер говорил, что когда дело касается денег, все исповедуют одну и ту же религию.

- Даже мать Карла Маркса говорила, что, если бы Карл, вместо того, чтобы так много писать о капитале, сам сколотил его, было бы куда лучше.

Вскоре возвратился от Дито и Нино и Сергей.

- А где до сих пор Заза? – задался вопросом он, укладываясь на ночлег.

Проявил интерес к этому и Борис:

- Может мне воспользоваться его кроватью?

- Это почему? – удивился Борис. – С Шалвой поссорился, что ли?

- Да нет! Там дама оставалась, когда я уходил.

- Ну, что ж! Как-нибудь на раскладном кресле устройся! – предложил Сергей.

Еще долго беседовали лежа и ожидая своего гида, который так и не появился.

Тем временем Элис засыпала у себя в номере Зазу, перед расставанием, градом вопросов. Спрашивала, в частности, почему молодые члены его группы допускают столь неординарное поведение.

Зазу и самого это огорчало и даже удручало:

- Меня подвели первые впечатления. Там, в аэропорту, когда я их впервые увидел. В Тбилиси они показались мне совершенно другими, хоть я долго приглядывался к каждому, но почти в каждом ошибся. А мы говорим: жизненный опыт!

- О-о, - сделала глубокую затяжку Элис, - не велика беда, ошибаются порой в делах, куда посерьезней! А про жизненный опыт еще сам Конфуций говорил, что это не что иное, как маленький фонарик, - показала пальчиками Элис. – Он прикреплен к спине и не освещает ничего, кроме пройденного пути.

- Поэтому прошлое человека всегда кажется светлее будущего? – спросил Заза.

- Возможно, - рассмеялась Элис, стряхивая пепел в стеклянную пепельницу.

- Вполне возможно, а скорее даже наверняка, каждый из них в отдельности совсем не то, что они вместе.

- Кто их знает!

- Говорят, мужчины до самой старости остаются детьми, за которыми нужно постоянно присматривать и ухаживать.

- Кто говорит? – встrepенулcя Заза, догадываясь, какой последует ответ.

- Женщины, конечно!

- А что мужчины говорят о женщинах?

- А... это не имеет никакого значения!

- Так вот, говорят, что женщина была бы еще очаровательнее, если бы можно было упасть в ее объятия, не попав ей в руки.

- А тебе никогда не хотелось попасть в руки любимой женщины?

- Да нет!

- Почему? Боишься?

- Я боюсь только самого себя!

- А женщин?

- Женщин остерегаюсь!

- Как же ты попал в мой капкан? Дело случая или же банальная случайность?

- Скорее банальная поездка.

- Ты думаешь, это предопределение?

- Возможно, так как я отказался от более заманчивой поездки. По Испании. В пользу друга.

- Значит, виноват альтруизм?

- Я очутился у тебя в руках. Остальное не имеет значения.

- Для меня имеет.

- Какое? Марлен Дитрих утверждала, что женщины пытаются изменить мужчин, и когда это им удается, те перестают им нравиться.

- Значит, я пытаюсь изменить тебя? – обиделась Элис.

- Ну, вот, ехали, ехали... и приехали! Ты этого добивалась? – обнял ее Заза за плечи. – Нельзя объяснить, почему ты любишь. Любишь, и все тут!

- Как же можно любить не известное?

- В том-то и весь парадокс и вся алхимия любви. Сила ее в том, чтобы принять человека со всеми его достоинствами и недостатками.

- Пожалуй, ты прав. Я же в прошлом ошибалась, и вот теперь...

- Встретила меня?

- Ты останешься?

- Нет! Боюсь, как бы они опять чего-нибудь не сотворили!

- Но это же две последние ночи?

- Почему последние? – Возразил Заза, в душе соглашаясь.

- Не будем строить иллюзий!

- Иллюзий? – приуныл Заза.

- Я загодя знала, на что иду, и чем все кончится.

- Чем?

- Последней, завтрашней ночью в Мишкольце...

- Ну, стало быть...

Рано утром Борис, в дурном расположении духа, напускался на всех, кто попадался под руку.

Вскоре Борис наслаждался ароматом наспех сваренного кофе из своей красной минутки – кипятильника. Шалва в печали отказался, но потом не удержался перед соблазном и поддался пьянящему аромату настоящего, черного, бразильского кофе. Вскоре в низу их уже ждали вместе со всей группой Заза с Элис и автобус Шандора.

XXIII

- Так, поживее! Поторапливайтесь, не задерживайтесь! Все в автобус, занимайте свои места, - восклицал Заза у двери, подсчитывая входящих.

- А-у-у! Мне сейчас это нужно? Терпеть его выходки. – Обратился Шалва к Денису, по пути четверки из гостиницы к автобусу. – Он ведь нас считает как цыплят.

- Пусть себе считает! - усмехнулся Денис, и его молча поддержали остальные.

- Как наших-то уголовников под конвоем.

- Прекрати утрировать! Если ты всю ночь не спал, то это не его проблемы!

- Неизвестно еще, какие проблемы у него?!

- Это не наше дело, ребята, займемся своими, - отмахнулся Сергей.

- Так! Все вроде в сборе! – последним поднялся в автобус Заза. – Ну, что, Шандор, трогай тачку, поехали!

Автобус медленно сдвинулся с места.

Туристическая группа, в последний день пребывания в Мишкольце, поехала осматривать знаменитые курортные здания за городом. Начали, с западной частит Диашдъера. Подробно осмотрели Лиллафюред, с великолепным дворцом, одним из красивейших в стране. Делали множество отдельных и совместных фотографий.

- Ничего не скажешь, - восхищался Шалва, - красиво жить не запретишь!

- Хорошо-то как на свете жить. Жили ведь и живут люди, - заметил Денис.

- А хорошо жить еще лучше!

- Хорошо-то хорошо, да ничего хорошего! Это я говорю, у нас! – подытожил Сергей.

- Прав был Гамлет, есть многое на свете, что и не снилось мудрецам!

- Ты что же Шалва, причисляешь себя к числу мудрецов? – поинтересовался Борис.

- Не себя, а вас! – уточнил Шалва.

- Нечего о других говорить, последи лучше за собой, - шутливо бросил ему Денис.

- От дела умнеют, от безделья стареют, от торговли богатеют, - начал было перечислять Сергей свои наблюдения, - от обжорства жиреют, от веселья балдеют, а от путешествий взрослеют.

- Вау! Вот это да! – восхитился, похвалил Шалва.

Дорогой обсуждали, продавать фотоаппарат Дениса или он еще пригодится в Киеве.

- В Киеве будем всего один день, на что он там, хотя... - призадумался Шалва.

- Как? Мы же сдали там, в банк свои сбережения! – напомнил Борис.

- Да, - отозвался Шалва, - я их переведу сначала в Тбилиси, а там дальше.

- Если останется, что брать, - усмехнулся Борис, и думать не думая, чему предстоит произойти в самом ближайшем будущем.

- Моя милиция и моя страна меня берегут, - усмехнулся Шалва.

- Тогда чего ты вместе со своей семьей уже столько времени рвешься в Израиль? – поинтересовался Борис.

- Э-э, это друг мой, совсем из другой оперы. Вернуться на родину в Израиль мечтают многие евреи. А ты сейчас разве не мечтаешь поскорее вернуться на Родину?

- Нет, я хочу остаться здесь, в Венгрии, - усмехнулся Борис.

- А о какой родине ты говоришь, у него ведь их две, - напомнил Денис.

- Нет, теперь уже три, - уточнил Борис.

Тем временем автобус завернул на бальнеологический курорт близ города Топольца, славящегося целебными источниками. Отведав воды из них, принялись набирать ее в

оказавшиеся кое у кого с собой сосуды – бутылки, термосы, банки.

Вечером, вернувшись в гостиницу, после ужина в ресторане, разбрелись по куткам по принципу «свои общаются со своими».

Вчерашнюю туристическую группу из России, остановившуюся в гостинице, сменила другая, с более молодежным контингентом, на радость четверке, проводившей свой последний вечер в Венгрии в бар – ресторане с девицами из нее.

Дато и Гия уговорили Мзию переговорить с Русико и Мананой по поводу операции «холодильник» стоящей в их номере. После не долгих препирательств очередная белая «неприступная крепость» была взята, причем ребята на сей раз на пару без вспомогательных предметов, что называется голыми руками.

- Ловкость рук, и никакого мошенничества, - радостно восклицал Дато, постукивая, ладонями друг о дружку.

Содержимое холодильника было богатым и разнообразным, и к группе вскоре присоединились приглашенные Како и Лия, которые в разгар пирушки не без колебаний, но разрешили «обесчестить» и свой холодильник.

Позже пришли Вано и Софико. Дито и Нино, Котэ и Кетино, вернувшиеся с прогулки по вечернему Мишкольцу.

Заза и Элис проводили свой последний счастливый вечер в номере Элис, в гостинице рядом.

- Ты сегодня особенно красива, Элис!

- Французы утверждают: чтобы быть красивой, надо страдать.

«Боже, как она преобразилась, - восхищался Заза, - что же все-таки делает с человеком любовь».

- А что еще говорят французы? – задал вопрос Заза.

- Ну... - помялась Элис, - ах, да, - вспомнила она, - что кто не жил до Великой Французской революции, то есть до тысяча семьсот восемнадцатого года, тот вообще не жил.

- Как интересно! – рассмеялся Заза.
По радио играли Баха, Глинку...
Элис улыбалась.
- Правда, как интересно!
С ресниц Элис упала слезинка.
- Что ты? – склонился к ней Заза.
- Все желаемое настолько невозможно, что часто приходится не желаемым, но возможным, - проговорила она с грустью.
- А может, все это от того, что человек нетерпелив по натуре?
- Да, возможно...
- Но возможное тоже необходимо человеку...
Четверка танцевала с новыми знакомыми, не торопилась по номерам. Девушки посмеивались, но не уходили, им еще далеко было до отъезда.
- Говорят, танец единственное искусство, в котором мы сами являемся материалом, из которого оно творится, - осыпал Шалва свою девушку где-то слышанными высказываниями.
- Говорят, что любовь это то, что случается с мужчинами и женщинами, которые не знают друг друга, - втушал своей девушке Борис.
- О созревании любви Марк Твен говорил, что оно только кажется самым быстрым, - пояснял Денис своей девушке, - но на самом деле оно самое медленное. Ни один мужчина и ни одна женщина не знает, что такое настоящая любовь, пока не проживут в браке, четверть века.
- Какой ужас!
- Прав был Оскар Уайлд, - припомнил Сергей у себя в номере, - когда говорил, что только неверные в любви, знают ее радость. Верным же ведомы трагедии. Один поцелуй и впрямь может погубить целую жизнь, вроде тише пушечного выстрела, но эхо его намного продолжительнее.

«Мой милый и ласковый друг, - начал свое очередное письмо к Юлии Сергей, - Б.Шоу утверждал, что идеальная любовная связь это та, которая ведется исключительно по почте. Говорят еще, что любовь временная и кончается браком. Я не согласен ни с тем, ни с тем, и хорошо, что в жизни все далеко не так. Хотя случаются исключения, и я бы отнес к ним наши отношения. Жизнь часто оказывается сильнее нас, и вряд ли кому удастся менять ее радикально, чему пример вся история человечества. Но попытаться оставить свой хоть какой-нибудь след в жизни, думаю, и под силу, и необходимо каждому человеку. Не такой, конечно, след, как Герострат, а самый лучший – красивую любовь, которая заводит, вдохновляет порой человека на великие подвиги и сохраняет память о нем.

Юлия, хоть наши письма и не доходят к нам, их скорее всего перехватывают или теряют на почте, думаю, наши мысли и чувства все равно доносят до нас память друг о друге. Понимаю, что первая любовь не угасает в памяти до конца жизни, и, увы, вряд ли ей находится полноценная замена. Утраты наполняют чашу боли каждого человека. Порой кажется, что у людей некая ода, общая боль, которая просто кажется нам индивидуальной. Боль одна, только кричит каждый из нас по-своему. Ибо невозможно, глядя на этот безумный мир, не болеть душой. И я бы не вынес этой боли, как и каждый из нас, если бы не помощь с Неба, которая озаряет меня счастьем встретиться и подружиться с таким чудным человеком, как ты.

Что может быть дороже этого чувства радости и счастья, и да отблагодарит тебя Всевышний за твою чуткость и доброту!

Говорят, что и настоящее искусство от боли, и оно как танец на краю пропасти. Я пронизан болью многих известных людей, которые стали таковыми только из-за чудовищной жестокости жизни и боли.

В твоём последнем письме ты пишешь, что посвятила не мало времени тайнам человеческой психики, и мне

интересен итог твоих усилий. Постигла ли ты хоть одну? Это так трудно! Веками на этом пути ломали копья, но безуспешно.

Мне это напоминает попытки предсказания землетрясений, что представляется практически невозможным. Невозможно предсказать, где, когда и с какой силой тряхнет. А вот судить о физико-механических характеристиках процесса и объекта, уже после испытания, это дело другое, и оно не менее интересно. Мы сейчас задели, вернее, подошли к одной интересной социологической проблеме, которая небезызвестна многим, но суждения по ней часто несходны. Вопрос о философии поведения, учитывая нелинейность в его постановке, оказывается неразрешимым. Тебе это может показаться странным, но мне много раз выпадало счастья, когда передо мной открывались аналогии поведения механических, физических с одной стороны и биосоциальных систем с другой, о которых даже и предполагать было трудно. По поводу славы я бы мог сказать о себе. Я ее очень не люблю, избегал всегда и избегаю сейчас. Чем больше высоты покорялись мне в жизни (если вообще их можно назвать высотами), тем острее я ощущал внутреннее, инстинктивное желание, образно говоря, закопать себя поглубже в землю, свести к нулю. Не знаю, почему? Другое дело внутренняя потребность, страсть покорить вершину, поставленную цель, и следующая за ними радость открытия и познания. Но опять-таки, Юля, время переоценивает ценности, и вряд ли удастся достичь всех целей. «Не пытайся объять необъятное», - советовал еще Козьма Прутков, а постигая одно, убеждаешься, что непостижимо другое. Моя жизнь мне кажется, попытка переплыть океан, Я с трудом (хоть и с радостью) переплыл его, переплыл-таки, едва живой выбрался, выполз на берег, привстал, оглянулся, а вокруг ни души. Присел на колени, приуныл, звал, аюкал – ни души, остался у разбитого корыта. Очень долго пришлось ждать

пока судьба и волны не послали мне, наконец, тебя. Не со многими поговоришь, а с тобой хочется.

Подчас приходилось говорить с самим собой, потом и вовсе умолкнуть. У художника Анри Матисса как-то вырвалось: «Если хочешь стать живописцем – вырви себе язык». Тогда я этого не знал, но все вышло само собой – непреднамеренно. Потом занялся «настоящим вредительством» - изводил бумагу и пасту, пытаюсь излить душу. По ночам, когда весь город спал, писал о человеческих судьбах, о трагической несовместимости желаний людей. О невозможности и непостижимости, так больно ранящих и терзающих души, и еще о многом. Писал в основном для себя, и мало кто знал об этом, ибо не понять человека, если не пройти все его пути и дорожки. А теперь письма к тебе и чувство твоего присутствия и общения с тобой, вселяют силы и дарят радость. Не знаю, что бы я делал без этого. Все время нашего знакомства ты была для меня точкой опоры, и даже страшно подумать, что со мной произойдет, если лишусь ее. Не отвечай, пожалуйста, мне на это сразу, промолчи. Как же все-таки прекрасно, что ты есть на свете, что выпущенная тобой стрела угодила именно в меня (ты великий вычислитель), что существует наша дружба. Как бы хотелось, чтоб это длилось как можно дольше. Я бы предпочитал довольствоваться этим, но, ни в коем случае не лишиться. Каковы будут наши дальнейшие отношения? Не скрою, меня это волнует и тревожит. Скажу больше – замирает сердце от одной мысли об этом. Ты меня подводишь к той черте (и спасибо тебе за это, я бы, может быть, никогда не решился на это сам), у которой цена ошибки слишком велика и даже одно слово может мне дорого стоить. Но, с другой стороны я не могу не учитывать и твоего интереса, я тебя очень хорошо понимаю. Ты абсолютно права. Но, Юля, согласись, этот случай далеко не ординарный, и у меня к тебе просьба – будь ко мне снисходительной и в случае, если я невольно допущу какой-либо промах, оставь за мной право исправить его. Я

пытался как можно дольше длить возможность не допустить ошибки, но теперь мне очень трудно начать. Я словно в ожидании, вот-вот оборвется моя жизнь, и все же глубоким вздохом решаюсь.

Я не смогу жить без тебя!

Знаю как это глупо, и вряд ли кто делал предложения в письме, и, тем не менее, я решаюсь на это. Торопить тебя я, конечно, не буду. Впереди встреча в Киеве, надеюсь, она не подведет меня. Серьезно думаю побыть с тобой подольше, не сразу улететь в Тбилиси. Посмотрим, как получится. Осложнения с ребятами, что и говорить, будут, но они не плохие, хоть и любят подколоть, подшутить. При встрече расскажу и, возможно познакомлю. Все дальнейшее теперь, как и прежде, зависит только от тебя, и тебе решать судьбу нашей хрупкой дружбы.

С чувством любви к тебе, твой Сергей.

XXIV

Наутро, к десяти часам, туристическая группа Зазы с тревогой и ожиданием наблюдала за окнами автобуса Шандора. Намечался приезд особо важных гостей гостиницы.

- Наверное, о них нас предупреждала администрация, - предположил Заза.

- Ого! Судя по автобусу и вещам, должно быть, и вправду важные птицы!

- Скорее бы отъехать, пока не обнаружили наши проделки, - заволновался было Гия.

- Спокойно, сиди и не дергайся, в любом случае выехать успеем, - успокоил его Дато.

- А если позвонят на границу и нас не выпустят? –
беспокоилась уже Лия.

- Не пойман, не вор! Они ничего не сумеют доказать, - не
сдавался Дато, - мы все пустые бутылки, склянки и банки
аккуратно вынесли и выбросили.

- Еще как сумеют, если захотят! – убежденно восклицала
Лия.

- Если захотят? А мы будем надеяться, что не захотят, - стоял
на своем Дато.

Все причастные к операции «холодильник» не находили
себе место и то и дело высказывали недовольство по поводу
задержки отъезда из Мишкольца.

Последней в автобусе появилась Элис, только что, после
долгих переговоров простившаяся с администрацией.

Ну вот наконец и она на борту автобуса Шандора, и тот
отдает швартовые, отъезжает и вскоре выезжает на
автотрассу Мишколец – Шарашпатак.

До Шарашпатака километров восемьдесят пути.

- Нет, все-таки ничего лучше спокойной жизни в мире нет, -
вздыхнула с облегчением Лия.

- Ну, вот, пожалуй, и все! Близится к концу наше
путешествие по Венгрии! – грустно протянул Борис.

- Дорога домой будет короче, - добавил Денис.

- Если и есть смысл тратить деньги, так только на книги и
путешествия, - оглянулся с переднего ряда Како.

- Тратить и платить приходится за все!

- А все, что происходит в мире, так или иначе влияет на
дальнейшую жизнь, - подхватил Дито.

- Все-таки жизнью правит случай, - включилась в беседу
Софико.

- и все-таки печально и грустно, что наша поездка подходит
к концу, - растрогалась Лия.

Кетино в полголоса процитировала Анну Ахматову:

Ржавеет золото и истлевает сталь,

Крошится мрамор. К смерти все готово.

Всего прочнее на земле – печаль

И долговечней – царственное слово.

- Ну-ну! Не стоит так расстраиваться! – попытался подбодрить всех Заза. – Все ведь в наших руках, приедем еще раз, ну, скажем, года через два!

- Почему Борис, тебе не пришлось по душе наша поездка? – констатировал, услышавший его Заза.

- Понравилась, а как же? - двузначно согласился Борис.

- Э... - протянул Шалва, - скорее осел на дерево залезет, чем нежели мы еще раз, в таком составе приедем сюда.

- Ну почему же Шалва, дело ведь за малым, нужно только иметь желание и достать немного денег на дорогу.

- Ничего себе малое, - возразил Борис.

- Почему, почему, до потому что человек в одну и ту же реку не может второй раз зайти, - пояснил Шалва.

Через час с небольшим автобус подъезжал к Шарашпатаку, Элис с прежним пылом повела свой рассказ, но ее уже никто не слушал. Все были охвачены грустью.

В Шарашпатаке задержались почти до полудня, там же и обедали.

- Меня всю жизнь приучали ничем всерьез не увлекаться, - с горечью шептала сидящему за столиком рядом Зазе, - но я этому так и не научилась.

- Б.Шоу считал, что если вы чему-нибудь действительно учите человека, то он никогда ничего не выучит.

- Он был прав, - согласилась Элис, - учение активный процесс, и мы чаще всего учимся на практике, но на это нужны еще воля, желание, труд и терпение.

- Но плохой результат порой тоже результат, и не всегда плохой!

В полдень автобус двинулся из Шарашпатака в обратном направлении, в сторону города Токай, и, не доезжая до Ньиредьхозы, свернул в сторону Кишварда, и уже к вечеру, проехав в общей сложности от Мишкольца до последнего венгерского приграничного пункта, около двухсот пятидесяти

километров, приблизился к небольшому приграничному городку Захонь, на границе с Советским Союзом.

- Захонь, одна из крупнейших железнодорожных станций нашей страны! – слышался голос Элис.

У пограничного пункта тянулась длинная очередь, автобусов и автотранспорта, что позволило туристам успеть еще посидеть за небольшим ужином в вечернем кафе приграничного пункта.

- Вот и все! Кончено, - проронила слезинку Элис, - все когда-нибудь кончается.

Заза стоял, словно околдованный, пригвожденный к месту, шевелил губами, будто что-то шептал, и едва сдерживал дрожание рук.

Элис отступала в такт «Лунной сонаты», и когда в последний раз подняла голову, то уже не разобрала его лица, не услышала его слов, и лишь едва различимый силуэт ускользал от взора, растворяясь во мгле холодного зимнего вечера.

- Поехали, Шандор, да по быстрее, все кончено! – прозвучало печально, но требовательно.

Заза смотрел вслед отъезжающего автобусу, впервые за последние годы осознал, что плачет, что не в силах противостоять щемящей боли, что не чувствует ничего, кроме нее.

Таможенный контроль и досмотр группы проходил тщательно и кропотливо.

- Лучше верните мне мою электропилу для лесорубов, - завелся пока что в полголоса Дато, на что недовольно огрызнулся Шалва.

- Зачем она теперь тебе, - примирительно говорил Заза, - приедем домой, новую тебе купим!

- Кто купит? – как ребенок, капризничал Дато, и группа таможенников с недоумением посматривала то на него, то друг на друга.

У Гии обнаружили и изъяли кнопочный нож, чем вызвали и его недовольство.

- Видишь, - шепнул Борису Сергей, - как хорошо, что ты не продал золотую цепочку, не то сейчас бы переживал.

- Серж, отойди-ка лучше подобра – поздорову, - предупредил его Борис, - нечего было заставлять меня вписывать ее в декларацию.

.....

Хоть ничего из недозволенного группа Зазы не увозила, таможенный досмотр, сама процедура вызвала волну беспокойства и отчасти негодования.

- А это что еще за хоккейная клюшка? – любопытствовал молодой таможенник, разматывая одиннадцати коленчатый немецкий спиннинг. – Кто ее владелец?

- Какая там клюшка? – возмущался оказавшийся рядом Сергей. - Это же рыболовная снасть.

- А чего это вы его из такой дали тащите? Что, у вас в стране таких нет?

- Это же надо, а? – кипятился Шалва.

- Нет, конечно же, - пояснил Сергей, - да к тому же ребята уговорили приобрести его на память о Венгрии.

Мзия наслаждалась красотой и изяществом изделия, гладила рукоятку, взмахивала гибкой леской.

В Чопе Заза довольно быстро отыскал нужный и уже дожидавшийся их автобус, пересчитал и погрузил в него группу:

- Так! Вроде бы все на месте, и без потерь!

- На месте-то все, но вот насчет потерь этого не скажешь! – заявил Шалва.

- Ничего, ничего, мелочи не в счет! Главное, добраться домой в целостности и сохранности.

Поздно вечером советский туристический автобус отъехал от пограничного пункта Чоп. За ночь предстояло доехать до Киева по маршруту Чоп – Мукачево – Трускавец – Тернополь

– Шепетовка – Бердичев – Казатин – Фастов – Киев. Под утро автобусподъезжал к столице Украины.

XXV

Киев встречал группу снегопадом. Небо затянули густые серые облака. Туман и облачность все усиливались. Снег валил на землю кружевным прозрачным покровом. Ели в парках, садах вдоль улиц округлялись, прятали в мягких белых лубках свои ветви и ослепительно поблескивали под летящими, новыми хлопьями. Мороз пронизывал иглами все живое и неживое и проникал под одежду людей, словно пытаюсь пробраться и в души.

- Ничего себе! Аж ноги промерзать стали, - пожаловался Шалва.

- Говорил, надень вторые носки! – попенял ему Борис.

- Ничего, скоро согреемся в гостинице! – подбадривал группу Заза. – Надеюсь, найдется немного деревянных для подогрева.

- Сколько ни ругай, а они тоже чего-то да стоят, - радостно выкрикнул Ваню.

- Ну, и изменчивая же погода, прямо как сердце женщины, - пробормотал Борис.

- Аманац хом гаахура, ра, тависи женщинебит! – отбрехался Шалва.

- Заза, если так будет продолжаться, то, наверное, мы и вылететь не сможем? – всполошился Како.

- Боюсь, что да, - согласился с ним Заза.

Тоже мне, заколебал со своими женщинами (груз)

Вскоре расселив группу в гостинице, Заза отправился с Како и Лией прощупать летнюю ситуацию.

Распределились по номерам очень неравномерно, кое-кого, в том числе Дениса и Сергея, подселили не к своим.

Сергей, не дождавшись возвращения Зазы, Како и Лии не выдержал и успел проскочить в город, к Юле на работу, опасаясь, что, если придется вылетать наспех, из Киева, он может не попасть в ее смену.

- Но, как говорится, нет худа без добра, - подумал Сергей, - все, буду просить у Зазы позволения остаться в Киеве до полного выяснения отношений.

Заза сначала категорически отказал:

- И мне будет беспокойно, и родным твоим.

- Родным я сам позвоню, а на работе говорить не обязательно.

- Ладно, Заза, ну, чего ты! – пришел на помощь Сергею Денис. – Надо же понимать!

- Ну, Заза! Дело-то важное, - решительно стал на сторону Сергея и Шалва.

- Да ради Бога, Заза! Тоже мне! – вмешался уже и Борис.

- Ладно! Будем надеяться, что уложится, а там поглядим. Вечер провели в баре гостиницы за легкой выпивкой.

Вернувшись в номер, Сергей застал напарника, мужчину лет шестидесяти, не спящим, а читающим под светом ночника газету. Тот представился директором школы, приехавшим на конференцию.

Беседа продлилась неожиданно долго.

Сергей жаловался на холод, Игорь Сергеевич посмеивался, называл его мерзлячком, вспоминал своих знакомых из Тбилиси, предложил Сергею свое второе одеяло.

Утром спозаранку Сергей сломя голову рванул на работу к Юле. Налетел на нее, когда она со своим сослуживцем перебежали по морозу из одного корпуса в другой. Позвал. Она, помедлив, обернулась, замерла, как околдованная,

всмотрелась, все, убыстряя шаг, бросилась ему на встречу и прямо влетела в его объятия.

Юля утрясла дела на работе и через час они с Сергеем, радостные и счастливые, бродили по заснеженному Киеву, перебивая друг друга, подолгу что-то вспоминая, повторяясь, напоминая, жестикулируя и восклицая.

Юля что-то показывала, называла, объясняла. Сергей немел от восторга, терялся, собирался с мыслями, снова терял нить, и единственное, чего не упускал, так это руки Юли из сжатой ладони.

Немного отрезвил, но, тут же, вернул его в прежнее состояние Софийский собор. Юля что-то беспрерывно говорила о Богдане Хмельницком, об архитектуре, о древностях, кладке, росписях, мозаиках, белом камне, ликах святых. Ее голос журчал, вливался в него. Он захлебывался от восторга, переводил взгляд с ее пылающего лица на изумительные стены и купола, и все было органично – восхитительным и поглощало и куду-то возносило его. Это продолжалось, видимо, долго. Наконец ему показалось, что они, видимо, покидают уже привычные, уже родные пределы потрясенные испытанным, виденным. Весь день он ходил ошарашенный. Юля смеялась и спрашивала:

- Ну, как ты? Что с тобой? – хотя прекрасно все знала и осознавала.

Не успели оглянуться, как налетел ранний вечер. Гуляли в сумерках и в сгущающейся мгле. Он не мог разделить впечатлений от одного и другого. Увиденное и почувствованное потрясли его сознание, и он казалось, впрямь был ошеломлен и ошарашен.

- Что с тобой? – улыбалась Юля, и вспоминала свои давние эмоции в такой же ситуации. Шок продолжался и после того, как они с Юлей расстались у ее дома, и уже в гостинице, где тирады соседа по номеру, Игоря Сергеевича, сливались для него в один сплошной гул.

Он окидывал взором всю поездку по Венгрии, которая казалась ему сейчас, из-за поведения группы, пустой, суетливой, земной и почти полностью лишенной смысла, не считая, конечно, красот Будапешта и других городов Венгрии.

Наутро, в свободный от работы день Юлии, отправились смотреть Андреевскую церковь. Прошли по Владимирской улице до обрыва Старокиевских гор, возвышающихся над Подолом. Выступ горы, словно высокий пьедестал, увеличивала чудесная изящная церковь.

- Какая грациозная! – вырвалось у Сергея.

Уловив его неподдельный интерес, Юлия принялась рассказывать.

- Андреевская церковь самое скромное сооружение из всех построек, но, пожалуй, превосходит все гармонией и легкостью. Она видится величественной и вознесенной на огромную высоту над раскинувшимся внизу Подолом, с его четкой сетью прямоугольных кварталов и улиц, и рисуется на фоне зеленых лугов и серебристой ленты Днепра убегающей к голубому горизонту...

Осмотрели и интерьер. Долго стояли у композиции «Проповедь апостола Андрея на берегах Днепра».

Успели осмотреть и Владимирский собор в неовизантийском стиле, относительно новую церковь, построенную в конце XIX века, расписанную Васнецовым и Нестеровым.

И долго, не в силах оторваться друг от друга, гуляли по заснеженному Крещатику, рассказывали о себе, о своей прошлой жизни, вспомнили то важное, то забавные истории и пустячки.

Вернувшись поздно, полный чувств и впечатлений, Сергей, застал своих друзей за партией в преферанс. Посидел немножко с ними, принялся делиться восторгами от увиденного, советовать и им посетить достопримечательности, но, видя, что не вызывает ни малейшего интереса, отправился спать.

На следующий день группа, промерзнув целый день в аэропорту и не дождавшись рейса, в полном составе, кроме, естественно, Сергея, вернулась обратно в гостиницу и вечером устроила небольшую пирушку в ресторане, на прощание с Киевом, уверенная, что уж на очередной, аж четвертый день им наконец повезет с вылетом.

Сергей по обычаю пирушки смылся задолго до ее окончания и махнул на работу к Юле в надежде встретить и проводить ее домой. Но Юле на этот раз выпало дежурить всю ночь, и они с напарницей оставили при себе и Сергея.

Сообразив небольшое застолье, весело провели все дежурство до самого утра, не уступив, пожалуй, пирушке в гостинице.

Далеко за полночь группа расходилась по номерам.

Вано и Котэ, проводив своих девушек, проявляли под подогревом напористость, и девушки, уклоняясь, весело бросились искать защиты у самого «надежного» в этом вопросе Сергея.

В номере, куда со смехом завалились подружки, их с не меньшей радостью встретил Игорь Сергеевич, вежливо и деликатно предложивший своим прекрасным гостям – феям небольшое угощение, в том числе и рюмочки спиртного. Гости не отказались. Завязалась и больше часа продлилась приятная и веселая беседа. Игорь Сергеевич изобретательно смешил подружек, но из понемногу склонило ко сну. В номер им из опасения возвращаться не хотелось, и Игорь Сергеевич с готовностью предложил им остаться. Подружки переглянулись, но решились, в брюках и свитерах завалились вместе в постель Сергея и сразу нырнули в глубокий сон утомленных людей.

Игорь Сергеевич, радостный и довольный, всю ночь тщательно дожидался возвращения Сергея. Наутро девочки, проснувшись, вскочили, наскоро поблагодарили Игоря Сергеевича за радушный прием и были таковы.

Сергей же проводил спозаранку Юлю домой, вернулся буквально вслед за их уходом.

- Где ты до сих пор? – неожиданно набросился на него Игорь Сергеевич, - каких хороших девочек прислал, а сам не явился! Я всю ночь на пролет не спал, а ты...

- Позвольте, Игорь Сергеевич, вы о ком? – пытался выяснить, в чем дело, но тот не переставал браниться, время от времени выкрикивая имена своих ночных гостей.

Сергей, так и не разобравшись, пошел искать Софику и Кетино. Остаться в номере не имело смысла, поспать хоть бы пару часиков Игорь Сергеевич все равно ему бы не дал. Отыскав девочек, налетел на них с расспросами, и они, смеясь, перебивая друг дружку, рассказали ему о ночных событиях и совпадениях, позабавив, в конце концов и Сергея.

Вернувшись, Сергей кое-как утихомирил разбушевавшегося Игоря Сергеевича, после чего они проспали, как убитые, несколько часов подряд.

Разбудили Сергея друзья, собравшиеся в очередной раз ехать с группой в аэропорт.

Прикинув, что Юля отсыпается после бессонной ночи и тревожить ее не следует, Сергей решил поехать с группой в аэропорт проводит друзей и пожелать им счастливого полета. Туман и вправду рассеивался, лишь мелкие снежинки продолжали кружить по спиралевидным траекториям, не спеша опускаться на землю.

- Задницей чувствую, скоро полетим, - процедил сквозь зубы Шалва.

- А вы что, сомневались, что у Сергея счастливая нога? – возмутился Денис.

- Сергей, может решишься все-таки и полетим, если объявят посадку, а? – спросил его Заза.

- Не могу, Заза! Никак не могу, - напрочь отказался Сергей, правда, не без грусти, - судьбоносный момент в моей жизни, - заговорщицки понизил он голос.

- Откуда ты знаешь? – поинтересовался Заза.

- Знаю, чувствую, и все! – почти отчеканил Сергей.
- Вот так мы теряем своих людей, - иронично проронил Шалва и боком отступил в сторону от Сергея.
- Ну, ладно! Чему быть, как говорится, того не миновать, - согласился с ним Заза.

Вскоре и вправду объявили посадку на рейс семьдесят два восемьдесят семь Киев – Тбилиси, и вся группа под предводительством гида Зазы, сердечно попрощавшись с Сергеем, торопливо направилась к месту регистрации.

XXVI

- «Борисполь Контроль», восемьдесят пять четыреста девяносто шесть, «техническая проверка».
- Восемьдесят пять четыреста девяносто шесть, «Борисполь – Контроль», слышимость четыре, конец.

Дорогие пассажиры, - обратилась молодая стюардесса в штатском к входящим в салон. – Просьба вовремя занимать свои места. Командир и экипаж самолета Грузинской гражданской авиации, приветствуют вас на борту ТУ-154, выполняющего рейс по маршруту Киев-Тбилиси.

Время полета самолета в пути час сорок минут, скорость полета девятьсот километров в час, высота полета десять тысяч метров над уровнем моря.

Температура воздуха в аэропорту Борисполя, минус пятнадцать градусов мороза. За бортом самолета на отметке десять тысяч метров – 56 С.

- Ой, там еще холоднее, - пожаловался Шалва.
- А что ты думал, - заметил Борис.
- Просьба пристегнуть ремни безопасности и оставаться на местах до взлета самолета и полного набора им высоты полета.

Минеральная вода, закуска и другие напитки будут вам предложены в пути, во время полета.

Экипаж корабля желает вам хорошего самочувствия и счастливого полета. Благодарю вас за внимание.

- Хм, - усмехнулся Шалва, - а какой же у них другой выход, кроме этого?

- «Борисполь – Руление», 85496, разрешите запуск.

- 85496, «Борисполь – Руление», запуск разрешаю.

Послышался звук запуска двигателей самолета.

- Четыреста девяносто шестой, разрешите предварительный.

- Четыреста девяносто шестой, предварительный разрешаю, ВПП 24, по РД 4, на РД – снег, участки со льдом.

- «Борисполь – Старт», Четыреста девяносто шестой, разрешите исполнительный, к взлету готов.

Самолет вывернул на взлетно-посадочную полосу и остановился.

- Четыреста девяносто шестой, ветер шестьдесят градусов, четыре.

На высотах от пятидесяти до ста пятидесяти наблюдается сдвиг ветра, исполнительный и взлет разрешаю.

- Четыреста девяносто шестой, исполнительный занимаю и взлетаю.

- Послушай, аэропорт Борисполь в Киеве твою честь назван, что ли? – поинтересовался Шалва у Бориса.

- А ты как думал? – с гордостью отозвался Борис.

Авиалайнер постепенно увеличивал мощность работы двигателей, с нарастающей скоростью пробежал по взлетно-посадочной полосе (ВПП) и наконец оторвал шасси от земли и взметнулся в небесную высь, понемногу набирал высоту.

Набрав заданные двести метров, командир воздушного судна доложил диспетчеру о взлете и маневре для выхода из района аэродрома, получив в свою очередь от него условия набора высоты. – «Борисполь – Круг», Четыреста девяносто шестой, взлет, правым на курс сто десять.

- Четыреста девяносто шестой, «Борисполь – Круг», набирайте тысяча пятьсот, с курсом сто десять, набираю тысяча пятьсот, тысяча двести доложить.

- Поеха-али! – радостно воскликнул Борис.

- Двадцать шесть секунд, полет нормальный, - подтвердил Шалва.

- Четыреста девяносто шестой, пересекаю тысяча двести.

- Четыреста девяносто шестой, понял, продолжайте набирать высоту.

- Четыреста девяносто шестой, продолжаю набирать высоту.

- Полет-то нормальный, только вот уши почему-то очень сильно закладывает, - пожаловался Денис.

- А ты делай так, - сидящему рядом с ним Гия, закрывая нос пальцами правой руки, - и выдыхай воздух через нос.

- Знаю лучше тебя, - отмахнулся Денис, - но каждый раз закладывает по новой.

Сидящие у окон с интересом и любопытством наблюдали за динамикой взлета самолета, набором им высоты и за тем, как они постепенно удалялись от земли в небесную высь как все меньше и меньше по размерам становились не только наземные живые существа и неживые материальные тела, но и прочие проблемы.

- Страсть и неукротимое стремление к полетам двигало человечеством еще с давних времен, - включился в разговор Дито, перебирал в памяти для своей сестры Нино, исторические сведения о великих воздухоплателях.

- Вот так вот, Софиико, все наши земные проблемы с высоты кажутся ничтожно малыми, - внушала Кетино подружке, сидевшей рядом с ней, у иллюминатора и пристально вглядывавшейся в охваченную белизной, заснеженную земную гладь.

- Мудрые отцы утверждают, что на трудно разрешимые земные проблемы, следует глядеть с высоты, предварительно мысленно поднимаясь в небо. Оттуда они покажутся куда меньше и легче, и разрешить их окажется совсем не трудно.

- Хм! Кто бы говорил! Сама-то ты все любишь усложнять, - заметила Софико, - а я только и твержу: нужно жить проще.

- Мы говорим о разных вещах, - вздохнула Кетино, помолчав.

- Девочки, о чем вы там воркуете? Расскажите и нам, - попросил Ваню.

- Э-эх, жалко, что вы отказались сесть сюда, рядим с нами, - пожаловался Котэ.

- Нечего! Мы и так массу времени и сил ухлопали на вас в поездке, - напомнила Кетино.

- Я бы рада, Ваню, но Кетино, сам знаешь, воспротивилась.

- Для тебя что, подруга важнее друга? – всполошился Ваню.

Софико немного замялась:

- В воздухе, как и на переправе, коней и друзей не меняют!

- Мзия, мне бы так не хотелось прерывать нашу дружбу после поездки, - расчувствовался Дато.

- А что ты предлагаешь? – рассмеялась Мзия. – Отправимся еще куда-нибудь, но в более теплые края?

- С удовольствием, но без Гии!

- Ха-ха! Без него мы бы так не подружились!

- Он тебе нравится больше чем я? – опешил Дато.

- Нет, при нем я с тобой чувствую себя надежнее!

- А что, я позволил себе что-нибудь?

- Нет, конечно! Но ведь я говорила тебе, Дато, что меня в Тбилиси ожидает жених, и через час сорок он меня наверняка встретит в аэропорту.

- Значит, все кончено? – уныло взглянул в глаза Мзии Дато.

Мзия подняла руку и ласково потрепала ему челку на лбу, он удержал ее, поднес к губам и поцеловал:

- Потому что я люблю тебя, Мзия.

- У нас для этого слишком мало времени! - высвободила Мзия руку.

- Подумай. Я для тебя все сделаю. Я еще не встречал такой красивой и хорошей девушки, как ты.

- Встретишь, и не одну, - пообещала Мзия, - я ведь вон на сколько лет старше тебя.

- Да какое это имеет значение!
- Спасибо тебе, Како, за такую прекрасную поездку, -
благодарила мужа Лия.

- Да, я и сам доволен! – соглашался Како. – Несмотря ни на что, она все же себя оправдала.

- Хорошо все-таки, Русико, что мы с тобой съездили! – делилась соображениями Манана.

- Да, здорово прибарахлились, будет чем порадовать домашних! – согласилась Манана. – Да и Венгрия к тому же еще очень понравилась.

Заза одиноко сидел в переднем ряду и мысленно бродил с Элис по вечернему, яркому Будапешту под мелодию «Лунной сонаты».

- Борисполь – Контроль», четыреста девяносто шестой, «Днепропетровск – Контроль» на сто тридцать один и два не отвечает.

- Четыреста девяносто шестой, «Борисполь – Контроль», работайте со мной.

- «Борисполь – Контроль», четыреста девяносто шестой, связь «Днепропетровск – Контроль», сильные помехи.

- «Днепропетровск – Контроль», четыреста девяносто шестой, девять тысяч шестьсот, засветы, в облаках сильная болтанка.

- Четыреста девяносто шестой, «Днепропетровск – Контроль», впереди на трассе удаление семьдесят засветы, борт проходили на десять тысяч сто сверх облаков, верхняя кромка девять тысяч семьсот.

- Четыреста девяносто шестой, разрешите десять тысяч сто.

- Четыреста девяносто шестой, набирайте десять тысяч сто.

- Четыреста девяносто шестой, набираю десять тысяч сто.

Две милovidные девушки – стюардессы, приветливо улыбаясь пассажирам, выносили по очереди минеральные вода, - четыреста девяносто шестой, набираю десять тысяч сто.

Две милovidные девушки – стюардессы, приветливо улыбаясь пассажирам, выносили по очереди минеральные воды, лимонад, чай и кофе, разлитые по небольшим пластиковым чашечкам, аккуратно уложенным рядами на пластмассовых подносах.

- Что будешь пить? – рокотал голос Шалвы.

- То же, что и ты, - отзывался ему Борис.

- Значит, водку, - заключил Шалва и взял с подноса стюардессы два стакана с минеральной водой, один из которых подал Борису.

- О-о, - изумился Борис, - смотри, как она шипит и сколько у нее пузырей на поверхности!

- Да! Первый раз видишь, что ли? Не знаешь, что у водки высокого градуса расплываются кольца, по поверхности плавают, - пояснил Шалва, отпив из стаканчика.

- Дурень, - поправил его Борис, - это не у всякой водки, а у нашей жипитаури!

- Которую ты полякам продал на рынке?

- А закуска когда будет? – осведомлялся тем временем Дато.

- Попозже, - обещала стюардесса.

- Зачем тебе закуска, вон у меня ее сколько! Если хочешь, достану?! – предложила Мзия.

- Да нет, я это так, для общения! – объяснил Дато.

- Говорят, подаваемый в самолете кофе вызывает вибрацию, - вспомнил Дито.

- Ой, не надо, только этого нам сейчас не хватает, - отнекивалась Нино, сидящая рядом с братом у иллюминатора.

- Эх, - сокрушался Ваню, - правду говорят, что чем самолет быстрее, тем уже в нем сиденья!

- Хм, - усмехнулась Софико, - это почему же?

- Что-то не сидится спокойно ребятам за нами, - подметила Кетино.

- Чем уже в ширину, тем протяженней в длину, - нашелся Ваню.

- По закону подлости, самая красивая пассажирка никогда не сидит рядом с тобой, - подметил Котэ.

- Зато красуется впереди! – подхватил Ваню.

- Это далеко не одно и то же!

- Аэродинамика объединяет все летательные аппараты – ракеты, самолеты, воздушные шары, - растолковал Како своей жене.

- Мечтаю хоть раз в жизни полетать на воздушном шаре, - призналась Лия.

- О-о, - протянул Како, - это далеко не безопасно, и к тому же очень дорого.

- Да, увя, за все удовольствия в жизни приходится платить, - согласилась с ним Лия, - счастливый народ американцы, им в большей степени доступно достижение сокровенных желаний. Как говорится, имеешь деньги, пожелай!

- У них, конечно же больше свободы, но, пожалуй, от этого они, больше страдают, чем ликуют.

- Ну, почему же, кто же виноват если человек не умеет правильно пользоваться своей свободой? – возразила Лия.

- Поверь мне то, что человек или общество завоевывают, часть со временем оборачивается против них. Да мы и даже сами американцы, не знаем, что такое истинная свобода.

- Я знаю, - уверенно заявила Лия.

- Христианство, например, учит, что это свобода от грехов. Но очевидно, каждый в итоге приходит к тому, куда ведет его дорожка.

- Дело в том, что эта философская категория крайне субъективная, - дополнила его Лия, - и каждый понимает и реализует ее в себе по-своему, индивидуально.

- Мы часть сами становимся пророками, отрицая и опровергая мнения и учения пророков, - предостерег ее Како.

- Я хочу прожить свою жизнь по своему разумению!

- А кто тебе это позволит?

- Лия обиженно, исподлобья взглянула на мужа.
- Нет, я имел сейчас ввиду не себя, а окружающее общество и людей.
 - Четыреста девяносто шестой, «Сочи – Контроль», справа тридцать, удаление сорок, встречный на девять тысяч шестьсот, ТУ-154, следуйте десять тысяч сто.
 - Четыреста девяносто шестой, понял, следую десять тысяч сто, сообщите место.
 - Четыреста девяносто шестой, азимут двести шестьдесят, удаление сто двадцать, следуйте курсом пятьдесят.
 - Четыреста девяносто шестой, понял, следую курсом пятьдесят.
 - Китайцы говорят, что надо учиться ничего не желать для себя, - вспомнила вдруг Манана.
 - Ой, Манана, а разве мы с тобой живем не так, - подтвердила Русико, - все, что нам надо от жизни, это благополучие нашей семьи. За всеми присмотри, убери, постирай! Когда же на себя выкроить время?
 - Да, пожалуй, ты права, иногда день пройдет так, что в зеркало толком на себя не посмотришь, - согласилась с ней Манана, - опускаешься в рутине семейной жизни и не замечаешь, как понемногу домашние взбираются тебе на голову, и ты для них становишься прислужницей.
 - Ох, уж этот неблагодарный женский домашний труд, - вздохнула Русико.
 - Мужчины и дети удивительно неблагодарные существа!
 - Да, и эта наша поездка тоже им не по вкусу!
 - Оставь их в покое, Котэ! – посоветовал Ваню. – Мужчины как банный лист, сначала липнут к бабе, а потом смываются!
 - А женщина разом, и змея, и яблоко, и боль в животе!
 - Мы хотим, чтобы нас понимали как людей, а не как женщину!
 - Оставь их, наконец, в покое Котэ!
 - Чтоб сойти с ума, как минимум, надо его иметь!
 - Чтобы полюбить женщину, нужно ее хорошо узнать!

- О, наконец-то, хоть что-то умное изрек!
- Познания умножают скорбь!
- Как говорила жена Пастернака, мы для мужа поле сражения.
- Мудрецы поучают: если хочешь куда-нибудь дойти – иди один.
- Ты жалеешь о том, что взял меня с собой в поездку?
- Нет, конечно!
- А какой же твой молчаливый ответ?
- Молчание не прерывалось.
- Мне так хочется, чтоб наш совместный полет не кончился или кончился катастрофой в небе, - шептал Дато Мзии.
- Ты и вправду сумасшедший! – горячилась Мзия. – Хоть бы своего друга Гию пожалел!
- А что Гия? Гия уже давно нашел себе пару.
- Дато, будем ссориться из-за пустяков, и разрушать нашу дружбу?! Доведем ее до конца, - предложила Мзия.
- Вот именно, до ее конца, окончания, - уныло и обидчиво протянул Дато.
- Перебранивались и Дито с сестрой Нино.
- Вспомни, - напоминал он, - что история полна примеров того, как завоеванные огнем и мечом могущественные империи рушились, не в силах выдержать собственной тяжести.
- Тревожная проблема самосохранения касается, по всей видимости, не только человека, личности, но и целого государства и даже, до, самых могущественных империй, - подметила Нино.
- Все то, что человек или общество пытаются удержать силой, то разрушается истиной! Не надо бояться себя, правды, истины. Нужно быть с людьми откровенными. Вот и все, что требуется в жизни.
- То есть ты за гласность и плюрализм, - подметила Нино, - но ведь основа государства еще и его экономика?

- В основе, которой и лежит, по крайней мере, должна лежать, открытость и искренность человеческих отношений. Еще сам Ленин говорил, что государство может быть сильным только тогда, когда люди все знают и сознательно идут на все.

- Но есть, увы, еще и бюрократия, составная часть человечества, которая топит искренность отношений, обволакивая их болотной тиной, замедляющей продвижение вперед. И когда тебя обходят в развитии другие страны, то рано или поздно начинаешь ощущать на себе их влияние и даже некий прессинг, вынуждающий если не стать таким же, то плясать под их дудочку. И тогда рушится, и вся устаревшая система... отторгает от себя мыслящих белых ворон.

- Все живое подвергается после рождения – старению и смерти.

- Не приведи господь жить в переходное, смутное время.

- В мутной воде рыба хорошо ловится.

- Естественно, кому-то это будет и на руку, и наверняка многие на этом погреют себе руки. Но что же делать простому, обыкновенному человеку?

- Четыреста девяносто шестой, «Тбилиси – Подход», идите на снижение по расчету, занять четыре тысячи двести.

- Четыреста девяносто шестой, приступил к снижению.

- Четыреста девяносто шестой, впереди борт, удаление сорок пять, следуйте с курсом триста десять до команды!

- Четыреста девяносто шестой, следую курсом триста десять.

- Дорогие пассажиры, наш самолет пошел на снижение, и наш полет приближается к концу, - начала свою заключительную речь, появившаяся в салоне новая стюардесса. – Через несколько минут наш самолет совершит посадку в аэропорту города Тбилиси.

Температура воздуха в Тбилиси, плюс четыре градуса тепла, ветер северо-западный, средний, умеренный.

Просьба всем пристегнуть свои ремни безопасности и оставаться на местах до полной остановки самолета, выключения двигателей и подачи к нему трапа.

Экипаж и командир корабля Грузинской гражданской авиации благодарит вас за участие в полете и желает вам в дальнейшем всего наилучшего.

Благодарим вас за внимание! – скрылась за занавесью молодая миловидная девушка.

- Вот в Хохляндии такой мороз и снег, а у нас плюсовая температура! – обрадовал Шалва друзей.

- Что ни говори, а райский, наша страна уголок! – воскликнул и Гия.

- Есть страны и потеплее, - перебил Денис.

- А ты что, думаешь, зря наши предки в прошлом перебрались жить сюда?

- Четыреста девяносто шестой, пересекаю тысячу шестьсот.

- Четыреста девяносто шестой, работайте с «Кругом», сто восемнадцать и пять.

- Четыреста девяносто шестой, с «Кругом», сто восемнадцать и пять.

- «Тбилиси – Круг», Четыреста девяносто шестой, пересекаю тысячу четыреста, давление семьсот сорок восемь миллиметров установил.

- Четыреста девяносто шестой, «Тбилиси – Круг», азимут сто девяносто, удаление сорок шесть, заход разрешаю, эшелон перехода тысяча двести, облачность шестьдесят пять, видимость тысяча пятьсот, ветер триста градусов, пять, полоса сухая, сцепление ноль шесть, продолжайте снижение.

- «Тбилиси – Круг», Четыреста девяносто шестой, пересекаю тысячу двести, отказ основной системы выхода шасси.

- Четыреста девяносто шестой, действуйте согласно правилу при аварийной ситуации, повторите выход шасси.

- Четыреста девяносто шестой, продолжаю снижение, повторный отказ выхода основного шасси самолета, запас горючего на тридцать минут полета.

- Четыреста девяносто шестой, работайте с «Посадкой» на сто тридцать два.

- «Тбилиси – Посадка», четыреста девяносто шестой, четвертый, шестьсот, отказ резервной системы выхода шасси.

- Четыреста девяносто шестой, прекратите снижение, уходите на другой круг, вышли за предельное отключение.

- Четыреста девяносто шестой, ухожу на второй круг.

- Вот и наш славный Тбилиси, - приветствовал с самолета город, Шалва.

- Да, но что-то, мне кажется, мы подозрительно долго кружим над аэропортом, - первым усомнился Борис.

- Амас квиа кругеби миртки, - усмехнулся Шалва.

- Сейчас приду домой, мама долма будет готовить, - процитировал Денис слова из кинофильма.

- А я сразу полезу в горячий ванна, - нарочито исковеркал свою речь Шалва.

- Надо будет отметить наше возвращение, - предложил Борис.

- Обязательно, только после приезда Сергея, - согласился Денис.

- Четыреста девяносто шестой, включение аварийной системы выхода шасси, шасси выпущено, отказ выхода правого шасси, запас топлива на двадцать минут полета.

- Четыреста девяносто шестой, занимайте четыреста, уходите на третий круг.

- Четыреста девяносто шестой, занимаю четыреста, ухожу на третий круг!

В салоне самолета почувствовалось некоторое напряжение пассажиров, переходящее в волнение.

- Дорогие пассажиры, - поспешила успокоить их своим обращением стюардесса, неожиданно вынырнувшая из-за занавеса. – Убедительная просьба всем оставаться на местах и не поддаваться панике, не создавать дополнительных хлопот экипажу авиалайнера при решении временных неполадок, которые вскоре будут устранены.

1. Это и есть кружи надо мной(груз.)

- Почему до сих пор не идем на посадку? – выкрикнул Дато.
- По той же причине, по какой гражданин Саахов не сел на свою скамью подсудимых во время суда над ним, - пояснил вслух Шалва, - не мог, и все!

В салоне слышались первые женские выкрики и вопли. Пассажирами постепенно овладевала легкая паника.

Беспрестанно задавались вопросы друг другу, стюардессам, которые тщетно пытались успокаивать и утихомиривать.

- Дорогие пассажиры доверьтесь нам. Для скорейшего исправления временных, незначительных технических неполадок необходимо спокойствие. Не создавайте лишних проблем пилотам.

- Не бойтесь! Главное, что мы прилетели. А сядем или нет, это вопрос второстепенный, - успокаивал Борис Шалву.

- А кто боится?! Не сядем, да магис дедац ватире, - горестно усмехался Шалва.

- Магис ки ара, да шен, упро сцоред чвен дедебс атиребен, - подправил Денис.

- Откройте дверцу салона, и мы выпрыгнем из самолета при посадке, - выкрикнул, подскочив, Гия.

- Сиди спокойно, - посадил его на место Денис.

- Я не хочу умирать, - взревела Мзия, - я выхожу замуж, меня в аэропорту уже поджидает мой жених!

- А нас давно заждались дома наши мужья и дети, - поддержали ее Манана, Русико и другие женщины.

- Мечты и желания сбываются во сне и в воздухе, я ведь говорил, - объяснял с олимпийским спокойствием Дато не слушавшей его Мзие.

Помогать стюардессам тщетно пытался и Заза, пока его не толкнул в кресло некий неизвестный ему мужчина-пассажир.

- Представляешь, каким умным оказался Сергей! Отказался лететь вместе с нами! – вспомнил вдруг Шалва.

-
1. Ну, и к чертям собачьим (груз).
 2. Скорее они нас к ним пошлют!

- Да, не говори! Еще век будет жить, а мы – неизвестно, - проронил Борис с прокравшейся в голос тревогой.

- Четыреста девяносто шестой, двести, отказ выхода правого шасси, запас топлива на десять минут полета

- Четыреста девяносто шестой, снижайтесь, готовьтесь к аварийной посадке, на выпущенных шасси.

- Четыреста девяносто шестой, снижаюсь, готовность к аварийной посадке, на выпущенных шасси.

Масло в огонь страстей и паники пассажиров подлили еще и замеченные с самолета машины пожарной команды и скорой помощи, спешившие к месту посадки.

Паника в салоне достигла апогея, каждый кричал о своих опасениях не добиться того, что они надеялись разрешить.

- Если бы у меня не отобрали на таможне мою электропилу, то этого бы сейчас не произошло, - вопил Дато.

- Да, вот именно, сейчас же верните ему его электропилу! – поддержал его из передних рядов Гия.

- Если бы я знал, остался бы на Украине, в Киеве. У меня там столько родственников, - горько стонал Борис.

- А ты их только сейчас и здесь вспомнил?! – передразнил его Шалва. – А не тогда, когда мы были там?

Софико в страхе пищала, поглядывая на сидящих позади Вану и Котэ и как бы умоляя взглядом о помощи.

Кетино, жмурившись, прикрыла лицо ладонями и безостановочно читала про себя молитвы. Заметно было лишь подрагивание ее губ.

Лия в испуге взирала на мужа, будто призывая его: ну, сделай же что-нибудь! Видишь же, что творится!

- Вот в чем преимущество поездки на отдых порознь, - разглагольствовал Како, - дети не лишатся сразу обоих родителей.

- Что же с ними будет без нас? – бросилась Лия в объятия мужа.

Вану и Котэ, сразу забыв о своих девушках, в нерешительности и растерянности вертели на своих креслах.

- Граждане пассажиры! Спокойно! Прошу вас, спокойно, - почти выкрикивала вновь появившаяся стюардесса. – Наш самолет идет на посадку!

На некоторое время в салоне воцарилось относительное спокойствие. Удивленные новым сообщением пассажиры, проглотив язык, слушали, видимо, очередное наставление командира корабля.

- Если будете меня слушать, приземлимся благополучно! Так что решайтесь. Просим всех пассажиров справа по борту, по направления движения самолета, пересесть на колени сидящим по другую сторону, по мере возможности.

- Четыреста девяносто шестой, снижаюсь над основным ВПП, горючее исчерпано, шасси, кроме правого, выпущено, к посадке готов.

- Четыреста девяносто шестой, посадку разрешаю.

Самолет плавно плюхнулся на левое, а затем переднее шасси и, пробегая на резко убывающей скорости по основной взлетно-посадочной полосе, довольно долго, почти до полного достижения минимальной критической скорости, продолжал удерживать состояние равновесия, после чего все-таки брякнулся на правое крыло со значительным трением об асфальтированную поверхность взлетно-посадочной полосы, протащился по инерции сперва вперед, под конец его снесло вправо, и он окончательно остановился уже далеко за пределами взлетно-посадочной полосы, у гаревого поля аэродрома.

Недоуменные пассажиры, словно не веря в благополучность приземления самолета, некоторое время посматривали друг на друга, пока тишину не прервал радостный вопль.

Они обнимались, целовались друг с другом, поздравляли, все еще не выйдя из лежащего на правом крыле самолета.

Многих, не удержавшихся на левом борту, отбросило на правый. Не обошлось без физических травм, главным сейчас было то, что в целом, все пассажиры остались живы.

- Слава Богу, приземлились, - перевел дух ошарашенный Заза, - наконец-то!

К аварийно посаженному самолету с ревом сирен спешили машины скорой помощи и пожарной команды.

Высаживали пассажиров по - очереди, при помощи специальных надувных аварийных трапов, а затем, при помощи подкативших аэродромных автобусов их доставили к зданию аэропорта, где нервничали встречающие.

- Фу-у! – с облегчением тянул Заза, - худо-бедно я их все-таки привез на родину.

Радость встречи встревожила и взволновала ожидавших задержавшегося несколько дней рейса семьдесят два восемьдесят семь.

Неполную «четверку» встречал Ника, зять Дениса, на своей машине.

- Что с твоим глазом, Денис? – удивился и забеспокоился он.

- А это ему девочки подбили, - пошутил Шалва.

- Я же предупреждал вас: опасайтесь девок, как огня, в особенности на европейской территории, - раскричался Ника.

– А где четвертый? – хватился он Сергея. – Неужели выпал при аварийной посадке?

- Не-е-т, - протянул Шалва, - он оказался умнее нас всех и не полетел вместе с нами этим самолетом.

- Девки его у нас отбили, - дополнил своего друга Борис.

- Ну-у, не может быть! – изумился Ника.

- Может, может! Давай поехали поскорей, не могу больше торчать здесь, - попросил Денис, прикладывая мокрый платок к подбитому правому глазу.

- И где же это его? – уточнял Ника. – В Венгрии?

- Не-ет! В Хохляндии, в Киеве!

- Ох, уж бедная моя бабушка Роза, я ее, блин, всегда любил и любить буду, и вовек, пока жив, не забуду, - не унимался Ника, резко трогая с места стоянки аэропорта свою машину.

- Так мы теряем своих людей! – с усмешкой проронил Шалва уже на ходу.

- Ничего не теряем, вот приедет скоро, опять все соберемся, - возразил ему Денис.

Попрощавшись с четверкой, Заза принялся за провода других членов своей группы. Он был безмерно рад и счастлив, что никто из них серьезно не пострадал и не попал в карету скорой помощи. Сам же то и дело поддерживал правой рукой ушибленную левую.

Группу быстро разобрали встречающие родные и близкие. Русико и Манану увез на машине какой-то пожилой мужчина. Чудом уцелевшую красавицу Мзию похитил из аэропорта, как она и предполагала, жених.

За Кетино и Софико приехали на машине их родители, и девочки прихватили с собой своих ребят, Ваню и Котэ. За расстроенными Дато и Гией явился их друг. Дито и Нино, тоже целыми и невредимыми, увезли родители.

Како и Лия долго уговаривали Зазу поехать вместе с ними на машине брата Лии, но тот почему-то отказался.

Оставшись в здании аэропорта один, Заза несколько раз прошелся из одного конца зала в другой, пытаясь во всей полноте осмыслить то, что стряслось с ним и его группой во время аварийной посадки и вообще в поездке, и чем больше времени проходило, тем сильнее он ужасался и удивлялся тому, как им чудом удалось спастись и остаться целыми, хоть и не совсем невредимыми.

«Все хорошо, что хорошо кончается», - передернуло его.

Но уже сидя в венгерском автобусе «Икарус» направлявшегося из аэропорта в город, он все острее отключался от пережитых потрясений и переключился на воспоминания о волшебной, загадочной поездке, сказочной Венгрии и самом дорогом и важном, минутах и часах с Элис.

XXVII

Из аэропорта, проводив счастливым напутствием всю туристическую группу Зазы, Сергей вернулся в Киев под вечер с небольшими, подкинутыми друзьями денежками и, спасаясь от упреков и поучений Игоря Сергеевича, устремился к дому Юли.

Дверь открыла ему Юлина мама.

- Вам кого? – удивленно и немного испуганно спросила она.

- Юлю, если можно?! – замялся Сергей.

- Юлю? – переспросила она. – А вы кто, собственно будете?

- Я Сергей, ее новый знакомый из Тбилиси.

- А-а, новый знакомый! Вот оно что? – забуксовала теперь уже Юлина мама, пытаясь выиграть время, необходимое для обдумывания дальнейших действий. – А Юли нет дома.

Может, ей что-нибудь передать?

- Нет, ничего, я зайду позже, если можно!? – все мялся Сергей.

- Мама, кто там? – послышался из глубины квартиры голос Юли.

Мать оторопела, онемела и заметно изменилась в лице.

- А, ты уже пришла, доченька?! – наконец отозвалась она, поворачивая голову в сторону голоса и стараясь выйти из неудобного положения. - Это к тебе!

Сергей стоял перед распахнутой дверью, понурившись, будто в чем-то провинившись.

- Ой, Серега, привет, - радостно воскликнула Юля, - как хорошо, что ты сообразил и пришел сам. Проходи, чего ты стоишь в дверях? – взяла она Сергея за руку и потянула его за собой в дом. – Познакомьтесь, дорогие, это Сергей, - улыбаясь, представила она гостя домашним.

Сергей кивнул в знак приветствия головой.

- Знакомы заочно, слышались, - напомнила Юлина мама.

- Юля только о вас и говорит, - приветствовала Сергея бабушка, - уши нам прожужжала рассказами о вашей порядочности и доброте.

- Ну, что вы! – смутился Сергей. – Это она сама у вас чудо!

- О-о! Что ж, это и вправду так, - согласилась бабушка, - садитесь, садитесь, в ногах правды нет!

Мать отошла в сторону, а потом и вообще вышла за дверь.

Юля с радостью вслушивалась в завязавшуюся между бабушкой и Сергеем беседу.

- Знаете, молодой человек, у меня тоже был небольшой романчик в свое время, - вспомнила бабушка прошлое, - с грузином.

- Да? – оживился Сергей. – Ну, и чем он кончился?

- Жив его герой или нет, не знаю, но романчик жив еще в сердце и еще не кончился.

- Расскажи, бабуля, подробнее, - попросила Юля, - почему ты раньше никогда об этом не упоминала?

- Кто его знает? Видно, поберегала.

- Очень любопытно?! – попросил уже и Сергей.

- Летом сорокового года я отдыхала тогда в Ялте...

- Пятьдесят лет тому назад? – высчитал Сергей.

- Не знаю. Наверное, - согласилась бабушка.

- Так ты еще не была замужем за дедом?

- Нет! Вышла, как только приехала с Ялты. Но тогда серьезно подумывала, не выйти ли за грузинчика!

- А как его звали? – поинтересовался Сергей.

- Георгий. Но я его называла Гоги. Такой был интересный, высокий галантный культурный, - перечисляла бабушка.

- Между прочим, немножко похож на вас, молодой человек. Только повыше ростом.

- Я колебалась тогда, уклонялась от замужества, бежала в Ялту, а тут такое!

- А что, тебе с дедом было плохо? – вспыхнула Юля.

- Плохо? Нет! Грех жаловаться, но человеку всегда хочется лучше.

- От добра, добра не ищут!
- Это да! Конечно! Но если бы не тот случай, что бы я вам сейчас рассказала?
- Все весело рассмеялись.
- А дальше?
- А что дальше? Дальше подружки выдали меня замуж!
- Из кухни выскочил, с мяуканьем напросился на место в ногах Юли соскучившийся по ней кот Максим.
- Какой красивый! – воскликнул Сергей.
- Мяу! – промяукал в знак благодарности Максим.
- Максимка, скажи, как ты у нас в подвале ловишь крыс и мышей, - предложила ему Юля.
- Мяу, Мяу, - пояснил в ответ кот.
- Мы его выпускаем по нужде и по девочкам, так он часами пропадает, и часто, возвращается, бросает к нашим ногам крысу или мышку. Любит похвалы и ласковые слова.
- Мяу, мяу, - согласился с Юлей Максимка.
- Юля, извинившись, отлучилась на кухню поглядеть, как там обстоит с угощением.
- Ты чего этого лопухого притащила сюда? – возмутилась при виде ее мать.
- Мама, перестань, пожалуйста, он же наш гость! И потом, это не я его притащила, а он сам пришел.
- Это тоже как-то его характеризует, не правда ли? А адрес ему приснился, что ли? И вообще нос у него какой-то орлиный, и лицо наглое.
- Мама, прекрати, - строго оборвала ее Юля, - я люблю его, - нечаянно проронила она.
- Что-о? – протянула мать в изумлении. – Еще чего! Держись от него подальше, пока не поздно, если не хочешь потерять свою мать.
- Поздно уже, мама, - бросила Юля на стол ножи и вилки, - слишком поздно!
- Что-о? – остолбенела мать. – У тебя что-то было с этим уродом?

- Он совсем не урод, а очень милый и симпатичный парень, - расплакалась Юля и выбежала из кухни.

- Что случилось, Юлечка? – позвала ее бабушка.

- Это я во всем виноват, - уныло протянул Сергей, вставая со стула, - мне не следовало, наверное, приходиться.

- Погодите, мы вам рады, и сейчас во всем разберемся, - удержала бабушка гостя.

Юля бросилась к себе приводиться в порядок.

- Извините, пожалуйста, но мне пора, - поднялся-таки уходить.

- Юля, Сергей уходит! – позвала бабушка внучку, которая, к ее удивлению, вышла одетая и готовая выйти на улицу вместе с гостем.

- погоди, Сергей, я с тобой!

- Не смей, сейчас же вернись, слышишь, - крикнула вслед ей мать.

Но было уже поздно, Юля с Сергеем неслись по лестнице вниз.

- Лена» Ты что? Он же гость, - возмутилась бабушка, услышав стук входной двери.

- Мама, не вмешивайся, пожалуйста!

- Что значит, не вмешивайся?! Это же моя внучка!

- Мне некогда, мама, тебе объяснять!

- Как? Значит, я в семье ничего не значу?

Мама, а Игорь! Ты забыла, что ли? Что лучше, чтоб она уехала в Тбилиси или чтобы она вышла замуж за Игоря и осталась с ним в Киеве?

Бабушка немного помялась.

- Да, - протянула она, почесывая рукой свой затылок, - вот это да, никогда бы не подумала бы, что та же история, что была со мной, приключится и повторится в некотором роде и с моей внучкой.

- Представь себе, что так оно и есть, история повторяется и говорят к тому же, что трижды: в первый раз как трагедия, второй раз как факт и в третий раз, как американский фильм,

так говорит известный кинорежиссер Спилберг, разве ты о нем не слышала? – поинтересовалась Лена, напрягая свои голосовые связки.

- Как же не слышала, ведь днем и ночью только его фильмы я и смотрю, - призналась бабушка своей дочери, впервые услышав произнесенную фамилию широко известного всему миру.

- Ну, все равно. Нельзя так грубо обходиться с Юлей. Нужно считаться с ее чувствами, с ее нежным и хрупким сердцем!

- Ой, много она знает! Она ведь еще совсем ребенок и видит жизнь в розовом свете. А в нем не так все просто.

«Так! Куда они могли сейчас пойти? – прикидывала мать. – Как бы глупостей сгоряча не натворила!? Позвоню подруге».

- Куда же теперь мы, изгой, подадимся? – пытался тем временем пошутить Сергей.

- Найдем куда, - успокаивала его Юля. – Киев большой город, и друзей и знакомых у меня в нем немало.

- Юлечка, может, не стоит из-за меня портить отношения с матерью. Я ведь никто, а она как никак...

- То есть как это никто? – изумленно уставилась Юля на Сергея. – Никогда не говори таких слов, если не хочешь меня потерять.

- Прости, но ведь все таки она...

- Настоящие и любящие матери так не поступают.

- Я не хочу быть яблоком раздора, пойми!

- Она сама заварила эту кашу, и пусть теперь сама ее и расхлебывает. Все в доме делается, как она пожелает, вот она и привыкла.

- Я очень боюсь и беспокоюсь за тебя!

- Молчи, и не повторяй!

- Не волнуйся и не кричи!

- А ты меня не вынуждай! – блеснули слезинки в глазах Юли, и она прильнула мокрым лицом к Сергею.

- Хорошо, больше не буду, - пообещал Сергей, воспрявший и приободренный ее поцелуем.

- Юль, может еще, один разок так? – попросил он. – Это было замечательно!

- Понравилось? То-то и оно!

Они шли по яркой, широкой улице, побитые, помятые, изгнанные, но счастливые, веселые и беззаботные...

.....
- Петр Николаевич, тут к вам пришли, - обратился по внутреннему телефону к немолодому полковнику голос дежурного.

- Кто это? В такой поздний час, - удивился полковник милиции.

- Двое! Молодые. Девчонка говорит, что ваша дочь.

- Пропустите.

- Слушаюсь.

Подходя к двери кабинета, Сергей в испуге прочел на ней: «Начальник районного отделения управления внутренних дел, полковник милиции Петр Николаевич...»

- Ого, ничего себе, привела меня сдать милиции? – с опаской взглянул на Юлю.

- А ты как думал? Так просто сойдет тебе с рук?

- Пошли, пошли, покажу тебе, где раки зимуют.

- Юля, доченька, - радостно воскликнул полковник милиции, вставая и прерывая разговор сотрудников.

Юля кинулась в объятия отца.

- Солнышко мое, давненько ко мне не заворачивала.

Юля что-то пошептала отцу на ухо и добавила вслух:

- Ну-ка, подойди-ка ко мне, джигит! Погляжу на тебя, - сделал Петр Николаевич шаг навстречу Сергею.

- Юля, может, я все-таки пойду, - чуть слышно, смущенно пролепетал Сергей.

- Что такое, джигит? Уж не испугался ли?

- Да нет, но... мы, кажется, не вовремя.

- Ну, здравствуй, - пожал ему руку Петр Николаевич, - добро пожаловать! Рад встрече и знакомству с тобой.

Сергей не отрывал взгляда от радостных, Юлиных глаз. Доброе рукопожатие Петра Николаевича прибавило ему и отваги, и он представился уже окрепшим голосом:

- Меня зовут Сергей.

- Да знаю, знаю, слышал от Юли! Что ж, предложу тебе дело, посмотрим, на что ты гожд? - Спасибо, спасибо, - задрожал от радости голос Сергея. Он пожал в знак благодарности руку Петра Николаевича.

- Спасибо, папа, - увлажнились у Юли глаза. – Но неприступным бастионом для нас все же, остается мама.

- О-о, это сложный вопрос, но не будем спешить, не советую. Пообщайтесь пока, получше узнайте друг друга, а там будет видно. Случается, проблемы, которые не могут решить люди, преодолевает само время. У вас оно еще есть, незачем все решать на скорую руку и горячую голову. Есть что обмозговать. Где будете жить? Это нештучный вопрос. Согласится ли Юля поехать в Грузию и жить там среди чужих людей.

- Я с ним поеду даже на край света, - заверила отца Юля.

- Ох, уж эта молодая девичья прыть!

- Можно будет жить и там, и здесь! – нашелся Сергей.

- Да уж! Ну, ладно! И я проголодался, и вы, наверное?! Хотя и поздно, приглашаю вас домой, на ужин.

- Не стоит, - заколебался Сергей.

- Стоит, стоит, - настояла Юля.

Их радушно встретили хозяйка дома, Клавдия Ивановна и ее дочь от первого брака, Лиза. Она и ее десятилетняя дочка Оля целый вечер развлекали гостей стихами и игрой на пианино.

После милого домашнего вечера Юля, отказавшись остаться, чтоб не отпускать Сергея одного, вышла с ним на уже почти трескучий мороз.

- Не боишься возвращаться?

- Ну-у, - неуверенно помотала головой Юля, - пройду к себе в комнату, как ни в чем не бывало.

- Ну, смотри, на всякий случай вспоминай советы отца, не перечь матери без надобности!

Оба весело и долго смеялись.

- Как это возможно, если одно исключает другое?

- Кто хочет, тот может. Помнишь, чьи это слова?

- Помню, помню!

- Знаешь, - признался Сергей, - был момент, когда я даже...нет, впрочем, не надо...

- Нет уже! Раз начал, так изволь договорить!

- Ну, ладно, потом скажу!

-Значит, потом будем стоять на морозе и ждать?

- Какая упрямая! Это не очень хорошая черта характера.

- Не упрямая, а принципиальная!

- О-о! Так вот: сперва я сожалел, что остался в Киеве и не улетел с группой домой, чтобы оградить тебя от неприятностей, но теперь, после знакомства с твоим отцом, убедился, что поступил правильно.

- Да-а, - вздохнула Юля, - хорошо бы навсегда.

- Если бы я мог!

- Ну ладно! Завтра зайдешь ко мне на работу?

- Зайду.

- Ну, пока, - отрывисто поцеловала Юля Сергея в губы.

- Сергей долго смотрел ей вслед, легкой, быстрой пробежке.

Снова повалил снег. Мороз усиливался. Крепла и надежда Сергея на благополучный исход его затеи.

- Вот так, гуляешь допоздна с девушкой, а меня совсем забросил, - встретил Сергея шутливыми упреками Игорь Сергеевич.

- Да что вы! Мы с вами еще...

- Уезжаю я скоро, Серега...

- Ой! – что-то сорвалось в груди Сергея.

На утро следующего дня, отказавшись от завтрака, Сергей, радостный, впервые в своей жизни, сам, своими ногам, всей душой, с полным сознанием устремился к Богу, в Софийский собор.

Он впервые в жизни ощущал, прилив самых нежных и трепетных чувств и не сдержался в мольбе о даровании сил

для преодоления преград, на пути к осуществлению самой сокровенной мечты.

И не раз слышал в ответ свой собственный внутренний голос: «Чего же ты хочешь? Ведь она согласна... согласен и ее отец...»

Он ходил по приделам церкви, вдыхал благовония, вглядывался в настенную роспись, мозаики, особенно «Евхаристию», вспоминал Юлин рассказ о ней.

Покидая собор, он выносил из него уверенность, отвагу, готовность к действию. Свершившаяся в нем духовная работа помогла осознать, сколь огромно может быть счастье, у порога, у которого он стоит.

Вечером он с восторгом делился с Юлей своими новыми ощущениями, и оба были захвачены и пленены ими. И в субботу перед отъездом Сергея причастились и словно сбросили с плеч груз, свалившись на них после небольшой неприятности.

Они отправились на концерт симфонического оркестра, который незадолго до этого Юля слушала вместе с Игорем. Как нарочно, при выходе столкнулись там именно с ним и Светой, и Юле пришлось познакомить их с Сергеем.

Игорь не пожал протянутую ему руку, а сухо бросил в ответ свое имя.

- Целуешься с одним, потом с другим? – запальчиво бросил вдруг Игорь.

Сергей оторопел, будто его ошпарили кипятком.

- Игорь, прекрати, - дернула Игоря за рукав Света.

- Нет, почему же? Пусть знает, чтоб не питал надежду на то, что он у нее последний.

Сергей взорвался, бросился на Игоря.

- Ты что, хочешь поговорить по-мужски? – вскрикнул Игорь.

- Пожалуйста, с большим удовольствием, но не при дамах. Отойдем!

Девушки в ужасе вцепились в расходящихся парней и пытались растащить их. Тащили с трудом, но все-таки разняли. Правда, Игорь бросил вслед уволокиваемому Сергею.

- Тронешь пальцем, убью! Так и знай!

Порядком долго Юля шли молча. Решилась Юля:

- Я давно хотела тебе сказать об Игоре, но опасалась, медлила...

- Тебе незачем отчитываться передо мной, - упавшим голосом остановил ее Сергей.

Сергей некоторое время не показывался у потерявшей покой Юли.

Сам он не находил себе места, надолго задумывался и отключался, что удивляло и беспокоило даже его соседа по номеру.

Поднимался Сергей утром не отдохнувшим, с головной болью, тяжестью на сердце.

Сосед собрался уезжать, и Сергей счел нужным сбегать за выпивкой и закуской, чтобы сбрызнуть прощание.

Стоило ему выйти, как в дверь постучали, и перед Игорем Сергеевичем предстала молодая девушка, представившаяся Светой.

- Вы к Сергею?

- Да. А где он?

- Скоро придет. А вы ему кто?

- Подруга его девушки.

- О!

- Что?

- Хорошо, что пришли... Как раз сейчас, когда...

Вскоре явился Сергей с двумя целлофановыми сумками, должно быть с покупками.

- Света?!

- Да. Пришла с тобой переговорить.

Игорь Сергеевич понимающе кивнул и вышел из номера.

- Ты от Юли?

- Нет, Сергей, - медлила Света, стараясь освоиться. – Она не знает, что я сейчас здесь. Не вижусь с ней, не могу смотреть, как она мучается, как ей тяжело. Конечно, я не вправе вмешиваться, но думаю, и вы не в праве так с ней поступать.

- Как поступать?
- Ну, так! Вы что, не понимаете? Бросили одну.
- Я бросил?
- А кто же?
- Я ей даю возможность и время разобраться в себе, кто ей нужнее, важнее, что ли.
- Но вы...

Преппирательство затянулось, Света крепилась, но к концу не выдержала.

- Вы не достойны ее! Прощайте! – бросила она в ответ на сухие разъяснения Сергея и сильно хлопнула дверью.

Сомнения, недоумения, робость долго сдерживали Сергея, но все напористее наплывающие, поднимающееся из глубин души тепло столкнуло с места и погнало на улицу.

Он предстал перед Юлей смущенный, с букетиком алых роз в руке. Она застыла было на месте, но подошла...

Игорь не унимался, теребил Юлю и Свету, телефонными звонками, напрашивался на встречу один на один с Сергеем. Встреча случилась-таки.

Игорь подкараулил Сергея у дома Юли, когда тот повернул уже к себе в гостиницу.

- Ну, что, козел?! Добрый вечер, что ли? – поздоровался он, выскочив навстречу и перегородив дорогу Сергею.

- Пропусти! Не хочу ни драться, ни говорить с тобой!

- Ты гляди! А я-то думал, что вы, грузины, народ отважный!

- Много ты знаешь о нас?

- Сужу по тебе! Ты вот старше меня, а младшего испугался!

- Вот именно, не хочу обижать младшего!

- Не хочешь или боишься? – вызывающе корчил гримасы Игорь.

Поддразнивание переросло в более оскорбительную и угрожающую форму общения. Агрессия нарастала. Ребята сначала легонько подтолкнули друг друга, но потом Игорь взял на себя инициативу и первым двинул Сергея кулаком.

Сергей повалился на снег, но мгновенно вскочил на ноги и ответил обидчику. И если б не проезжавший патрульный уазик ПМГ, забравший обоих в ближайшее отделение милиции, драка кончилась бы неизвестно чем. Морозную ночь забияки провели в КПЗ, а наутро по телефонному звонку по просьбе Сергея прибежали Юля и Света. Юля умолила отца помочь ребят отпустить под расписку, и пары разошлись в разные стороны.

Синяки долго напоминали драчунам о той злопамятной ночи.

- Если б не этот уазик, убил бы наверняка, - хвастался Игорь Свете.

- И сколько бы схлопотал?

- Зато она бы ему не досталась!

- Я всячески избегал стычки, а тем более драки, но с ним не было никакого сладу! – объяснял Юле Сергей.

- Знаю, знаю, - гладила Юля синяки на его лице, - досталось тебе из-за меня!

Игорь Сергеевич уехал, не дождавшись Сергея из милиции и не попрощавшись с ним. В номер не успели никого подселить, и Юля недоумевала, зайдя в гостиницу после работы, но дождалась, и они засиделись за разговором допоздна.

Сергей настойчиво предлагал остаться, но Юля предусмотрительно опасалась досадить и без того кипятившейся матери.

- Пожалуй, ты права, - согласился в конце концов Сергей.

Юля просила не провожать ее в страхе напороться на Игоря, но Сергей уверенно заявил:

- Я его не боюсь!

Она продолжала сопротивляться, Сергей подхватил ее на руки, порядком долго не отпускал, фактически на руках и все больше и больше ощущал тяжесть ее тела, и она, обессиленная, налегала сильнее.

- Я устал держать тебя!

- Так скоро? Ну, так отпусти!

- Но ты свалишься на пол!

- Ну и пусть!

Оба разом плюхнулись на свободную постель.

Юля осталась, и они любили друг друга до утра. Спозаранку, едва приняв душ и наскоро перехватив остатки вчерашнего, она опрометью помчалась домой.

- Позвони мне вечером, - кивнула она ему на прощание.

- Куда ты такая не просушенная, ты ведь простудишься, - предупредил ее Сергей.

- Не простужусь, не бойся, я закаленная, - бросила радостно Юля, на прощание, поцеловав еще раз Сергея.

Сергей, вне себя от счастья, оставшись один, снова повалился в постель, пытаясь продлить радость сказочной ночи.

Отныне они не расставались ни на минуту. Юля, не сказав родным, взяла отпуск.

Они бродили по городу, обошли все самые укромные, уютные уголки, заходили на выставки, на литературно – поэтические вечера, но нигде не задерживались, стараясь не потерять даже минуты интимности.

Но все когда-нибудь кончается.

Подходили к концу финансовые возможности Сергея, а долго пользоваться щедро предлагаемой Юлей любезностью он не мог себе позволить, да и домашние его начинали серьезно волноваться и удивляться его столь надолго затянувшейся поездке.

Намерение Юли поехать вместе с Сергеем в Тбилиси встретило яростное сопротивление, и негодование со стороны ее матери, которой под конец удалось склонить на свою сторону и бабушку, и всех близких друзей Юли. Более того, она даже не отказалась от поддержки Петра Николаевича, и впервые после многих лет отправилась к нему и уговорила серьезно переговорить с дочерью о том, чтоб хоть отложить поездку с Сергеем.

Сергей же с Юлей изнемогали, понимая, что ни он не может больше оставаться в Киеве, ни она лететь с ним в Тбилиси.

Прощались тихо, печально, чутко. Юля обливалась несдерживаемыми слезами. Сергей не мог унять сердцебиения и то и дело совал под язык таблетки.

Юля молчала и вполголоса вся растекалась в слезах, а Сергей у которого разрывалось сердце, глотал и клал себе под язык то одно то другое лекарство.

- То, чего нельзя изменить, нужно перетерпеть, - поучал Сергей Юлю.

Она поднимала глаза, и он с ужасом замечал, что никогда они не были такими темными и запавшими.

- Звони, пиши.

- Пиши, звони.

- Все никак не решусь передать тебе вот это, - вытянул Сергей из дорожной сумки четырехугольный сверток.

- Что это? – отерла слезы Юля.

- Это письма к тебе!

- Ко мне? Когда же ты их успел написать? – подхватила она у Сергея сверток.

- Все из Венгрии. Я подумал! Надо тебе их отдать!

По лицу Юли пробежала чуть заметная улыбка.

- Столько? Поразительно.

- Гораздо больше я написал мысленно, в том числе и в Киеве, но перенести на бумагу не успел.

Юля легким движением прижала письма к сердцу и погладила правую, писавшую руку Сергея.

- Спасибо! Я и сама много тебе писала, но не подумала передать письма. Но теперь... Как говорится, откровенность за откровенность...

Она щелкнула замком сумочки. Мелькнула стопка бумаги.

- Меньше? Да, конечно...

- Ты думаешь?

- Признаю.

Объявили посадку на рейс семьдесят два восемьдесят семь Киев- Тбилиси. Их глаза выразили недоумение, как от чего-то, неожиданного. Недоумение тотчас сменилось глубокой печалью. Они прощались не только друг с другом, но и с любовью и жизнью, той, что так их наполняла, согревала, поддерживала, пьянила, дурманила.

- Нет! Не-ет! Слышишь, Юля?

Юля охнула, зарыла лицо руками, и Сергей попросил двух девушек поддержать ее и помочь выйти из аэропорта.

- Я приеду, Юля! Приеду! Скоро...

Два часа у трапа и в салоне самолета, перед его взлетом из аэропорта Борисполь и до посадки в Тбилиси показались ему самыми долгими и тяжелыми в жизни.

Под самый конец полета, когда стюардесса сообщила о скором приземлении, вдруг вспомнилось, что друзья его чудом спаслись при аварийной посадке, обещали рассказать о подробностях при встрече. Сейчас ему хотелось попасть в подобную ситуацию, погибнуть, пропасть, но, вспомнив о Юле, он опомнился, мигом отбросил эту дикую мысль, отряхнулся, прислушался...

- Четыреста восемьдесят седьмой, «Тбилиси-Посадка», четвертый шестьсот.

- Четыреста восемьдесят седьмой, понял.

- Четыреста восемьдесят седьмой, снижаюсь, шасси выпущено, к посадке готов.

- Четыреста восемьдесят седьмой, посадку разрешаю.

- Четыреста восемьдесят седьмой, посадку разрешили.

Самолет плавно приземлялся на отведенную ему взлетно-посадочную полосу и приступил сразу же к резкому торможению.

«Ребята испытали шок при посадке, а я перед вылетом».

В яркий солнечный зимний день, Сергея в аэропорту никто не встречал.

- Грусть не рассеивалась, но в душу проникал теплый луч ожидания встречи с домашними, и долгих бесед и

воспоминаний четверки, милой четверки, так много
испытавшей и столь многому научившейся в поездке, чудном
перемещении Тбилиси – Красавица Венгрия – Тбилиси.

15.02.2006 г.

Продолжение возможно следует.

სამსონ გელხვიძე

ბუდაპეშტის მთვარის სონატა

თბილისი, 2014

Контактный адрес :

E-mail: samsgel@gmail.com

Site: www.uspexvsem.ucoz.ru

Гелхвидзе Самсон Прокофьевич
(Тбилиси, 26 марта 1958г.)

В 1975 году закончил 9-ую среднюю школу г. Тбилиси и в том же году поступил в Грузинский политехнический институт на строительный факультет, который с отличием окончил в 1980 году по специальности «Промышленное и гражданское строительство».

В 1989 году защитил кандидатскую диссертацию, в 2006г. Присвоена ученая степень доктора технических наук. С 1980 года по сегодняшний день работает в разных учебных заведениях и научно – исследовательских институтах АН Грузии.

Является автором многих научных трудов и изобретений.

Свои первые шаги в поэзии и прозе начал делать с 1984года.

В 2002 году вышли в свет первые сборники рассказов и стихов С. Гелхвидзе «Торговцы болью» и «Таинство стихоисповедания, или исповедь в стихах».

В 2004 году вышел сборник рассказов «Возвращение», а в 2005 году сборник стихотворений и поэм «Боль и вера» и первый роман автора: «Соловьи монастырского сада».

На суд читателей предлагается теперь второй роман автора «Лунная соната Будапешта».

